ФП в3 н
de
5/696 С1

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ

РОССІИ

СЪ

ЗАПАДНОЮ ЕВРОПОЮ,

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII-го ВѢКА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Михаила Капустина.

«Россія есть Европейская держава. Петръ Великій, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ.»
Наказъ Имп. Екатерины II. Глава I.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1852.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
3Ч2/31-41

Печатать по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета. Февраля 5 дня, 1852 года.

Секретарь Совѣта Алексѣй Жигаревъ.

2007231340

Общенародное Право (jus gentium v. internationale, droit des gens, Völkerrecht, international law) есть явленіе новой исторіи, результатъ общей жизни государствъ европейскихъ; развитіе монархической власти, общая борьба съ невѣрными, система политическаго равновѣсія, наконецъ религіозная война, охватившая всю Европу,—вотъ что нужно было для того, чтобы всѣ государства сблизились между собою, составили одно общество, слѣдовали извѣстнымъ законамъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Начальная эпоха, въ которую ясно обозначилось такое общеніе, есть вестфальскій миръ.

Но всѣ законы Народнаго Права являются не вдругъ; они коренились въ прежнихъ сношеніяхъ государствъ, высказывались не одинъ разъ въ формѣ обычаевъ, измѣнялись съ теченіемъ времени, получали съ каждымъ вѣкомъ больше и больше силы, наконецъ, охраненные обществомъ, стали на степень неизмѣнныхъ и всѣми соблюдаемыхъ правилъ.

Сумма такихъ убѣжденій каждаго отдѣльнаго государства о Народномъ Правѣ, подготовлявшихъ его бытіе, составляетъ *дипломацію*.

Какъ выраженіе понятій о правѣ, она должна имѣть юридическій характеръ; убѣжденія государствъ требуютъ полнаго государственнаго развитія тѣхъ обществъ, которыми высказываются.

Этимъ опредѣляется кругъ предметовъ, входящихъ въ область дипломаціи и время, съ котораго должно начать ея исторію. Только съ той поры, какъ государства начинаютъ сознавать себя отдѣльными лицами, когда они, признавая другъ друга, ищутъ прочныхъ и постоянныхъ связей, — можно ихъ сношенія назвать правильными дипломатическими.

Основываясь на развитіи Русской Исторіи, должно исторію русской дипломаціи начать съ конца XV-го вѣка. Всѣ предшествовавшія сношенія Россіи съ другими государствами могутъ служить только намѣками для объясненія явленій послѣдующихъ; сами по себѣ они не могутъ взойти въ составъ дипломаціи уже и потому, что были слишкомъ частны и постоянно прерывались; это показываетъ, что необходимость общенія не была еще сознана, а слѣд. не было мѣста для выраженія юридическихъ началъ.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ Россія дѣлается членомъ общества европейскаго Народнаго Права, подчиняется его законамъ. Какимъ же образомъ могло произойти такое явленіе?

Отвѣтъ на это долженъ представить XVII-й вѣкъ Въ немъ окончательное выраженіе русской дипломаціи; онъ показываетъ, что Россія собственнымъ путемъ дошла до тѣхъ же убѣжденій, какія существовали современно и въ Западной Европѣ.

Изложить окончательное выраженіе русской дипломаціи, въ томъ пунктѣ, гдѣ она сходится съ дипломаціей западной — вотъ цѣль моего труда. Про-

должать его—значитъ перейти уже къ Исторіи Народнаго Права въ Россіи, потому что исторія русской дипломаціи исчерпывается XVII-мъ вѣкомъ.

Высказавши этотъ общій взглядъ на развитіе дипломаціи и Международнаго Права, считаю нужнымъ подкрѣпить его свидѣтельствомъ извѣстнѣйшихъ писателей. Всѣ они согласны въ томъ, что исторію Народнаго Права должно начать съ вестфальскаго мира. Вотъ ихъ собственныя слова. *Мартенсъ*: dans la généralité, l'epoque principale du moderne droit des gens date de la paix de Westphalie; et depuis, la paix d'Utrecht, en affermissant le systeme politique de l'Europe, devint, sous bien des points de vue, une nouvelle époque memorable d'un droit des gens positif. (Precis du droit des gens. Paris, 1831. p. 52). *Пинейро-Феррера*, издатель сочиненія Мартенса, своимъ молчаніемъ соглашается съ его мнѣніемъ. *Клоберъ*: C'est de l'époque où l'on s'est efforcé à reprimer les usurpations des papes sur les souverains, principalement depuis le concile de Bâle, que date l'origine du droit des gens positif de l'Europe. (Droit des gens moderne de l'Europe. Paris, 1831. p. 18). *Гефбтеръ*: Die praktische Durchführung dieses Gedankens (Gleichgewichtes) wurde nun die Hauptaufgabe der Europäischen Politik; in diesem Mittelpunct concentrirt sich seit dem sechszehnten Jahrhundert beinahe die Anregung und Entwirrung aller Staatshändel. (Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. Berl., 1848. s. 11). *Уитонъ*: La paix de Westphalie continua de former la base du droit public européen. (Hist. des progrès du droit des gens. Leipz.

1846. 1 vol, p. 99). Наконецъ еще недавно одинъ изъ историковъ Франціи (*) справедливо сказалъ о XVII-мъ вѣкѣ: «Тогда вѣротерпимость была непонятна; только XVIII-й вѣкъ освоилъ съ ней общество, и въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе надо отдать ему чести, что только одно это благо принесъ онъ намъ.» Если прибавимъ къ этому, что отсутствіе постоянныхъ посольствъ лишало государства средствъ къ взаимному наблюденію, что сдѣлки двухъ государствъ не только не возбуждали общаго вмѣшательства, но даже не были извѣстны всей Европѣ, что наконецъ война была дѣломъ страсти и ожесточенія, —то увидимъ, могли ли государства во всѣхъ своихъ сношеніяхъ подчиняться началу права? Вотъ почему я думаю, что французская Академія совершенно справедливо предложила задачу написать исторію Народнаго Права съ вестфальскаго мира, и что Уитонъ началъ свое сочиненіе съ этой эпохи. Во второмъ изданіи Histoire des progrès du droit des gens en Europe et en Amerique depuis la paix de Westphalie, авторъ въ формѣ введенія указываетъ на существованіе Народнаго Права въ древности и въ средніе вѣка; но при этомъ всѣ факты, выставленные имъ, относятся къ государственному, а не къ Народному Праву. По моему мнѣнію, всѣ событія древней исторіи и вообще исторіи народа до полной организаціи государства могутъ быть употребляемы въ сферѣ народнаго права только съ тою цѣлью, съ какою

(* Алексисъ де Сенъ-При, въ разборѣ Histoire des Guises, соч. Рени де Буль.

употреблялъ ихъ Гуго-Гроцій; онъ не имѣлъ въ виду писать систему народнаго права древности, а хотѣлъ только основать его на началахъ разума, сдѣлать нормою для будущихъ дѣйствій государствъ; событія же древней исторіи представлялись Гроціусомъ только какъ примѣры всегда существовавшаго сознанія о томъ, что отношенія между народами должны подчиняться законамъ.

Гораздо труднѣе согласить мнѣнія писателей о значеніи дипломаціи, потому что понятіе ея весьма неопредѣленно. *Флассанъ* опредѣляетъ дипломацію Наукою внѣшнихъ сношеній, основывающеюся на дипломахъ или письменныхъ актахъ государя, и началъ свою Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française (Paris, 7 vols 1811.) съ первыхъ временъ бытія Франціи. Баронъ *К. Мартенсъ* и *Клюберъ* считаютъ народное право только одною изъ частей дипломаціи. *Капфигъ* совершенно смѣшалъ дипломацію съ исторіею, отнялъ у нея юридическій характеръ, и въ своей Diplomatie de la France et de l'Espagne, Brux. 1847. представилъ ходъ всѣхъ событій внутреннихъ и внѣшнихъ, по скольку они относились къ Франціи и Испаніи вмѣстѣ. Проф. *Лешковъ* принимаетъ дипломацію «въ смыслѣ законовъ, опредѣляющихъ соціальное положеніе государства среди другихъ государствъ, въ смыслѣ системы права, господствующаго во взаимныхъ сношеніяхъ между государствами» (Рѣчь о древ. дипл. стр. 4). Нѣкоторые принимаютъ дипломацію въ смыслѣ искусства вести переговоры (*Whea-*

ton, Elem. du droit internat. Paris, 1848. I., p. 271). Наконецъ почти во всѣхъ университетахъ Европы, за исключеніемъ парижскаго, преподаваніе дипломаціи отнесено къ философскому, а не къ юридическому факультету (*).

Отсюда ясно, что слово дипломація имѣетъ три значенія: 1) дипломація, какъ Наука о междугосударственныхъ сношеніяхъ,— въ такомъ случаѣ народное право есть только главная часть ея; 2) дипломація, какъ искусство вести переговоры, — въ такомъ случаѣ она существуетъ вмѣстѣ съ народнымъ правомъ; 3) дипломація, какъ выраженіе началъ народнаго права, не взошедшихъ еще на степень закона,— въ этомъ смыслѣ она предшествуетъ народному праву. Въ послѣднемъ значеніи принимаю я дипломатическія сношенія въ заглавіи своего труда. Мы говоримъ: исторія русской, французской дипломаціи, т. е. исторія тѣхъ началъ, которыя приготовляли вступленіе Россіи и Франціи въ общество Народнаго Права. Напротивъ народное право можетъ быть только одно— общеевропейское.

Опредѣливши значеніе дипломаціи и ея отличіе отъ Народнаго Права, укажу на литературу русской дипломаціи. При этомъ я ограничусь только сочиненіями, относящимися исключительно къ дипломаціи, а не къ исторіи вообще. Конечно, внѣшнія сношенія государства входятъ въ исторію; но весьма многіе факты, важные по своему юридическому характеру,

(*) Ж. М. Н. П. 1845. Отд. IV. № 4 и 7.

ускользаютъ отъ вниманія историка, точно такъ же, какъ не всѣ историческія событія имѣютъ мѣсто въ сочиненіяхъ о дипломаціи.

Почти единственное сочиненіе по предмету русской дипломаціи есть «Рѣчь о древней русской дипломаціи» проф. *В. Н. Лешкова*, М. 1847. Я долженъ на него указать и потому особенно, что я началъ почти тамъ, гдѣ остановился авторъ Рѣчи. Это первый опытъ ученаго обработыванія исторіи русской дипломаціи; авторъ собралъ всѣ факты внѣшнихъ сношеній Россіи, начиная съ призванія Варяговъ, и старался подвести добытый матеріалъ подъ начала народнаго права. «Рѣчь» извѣстна всѣмъ, а потому считаю излишнимъ излагать подробно ея содержаніе; замѣчу только, что вся первая часть сочиненія по необходимости должна была имѣть чисто-историческій характеръ; только съ конца XV-го вѣка начинаются правильныя дипломатическія сношенія. Что касается до трудовъ *С. Доброклонскаго* (Краткая исторія россійской дипломаціи. М. 1830) и *И. Кайданова* (Изложеніе россійской дипломаціи. 2 т. Спб. 1831), то отъ нихъ нельзя ожидать самостоятельныхъ изслѣдованій; ихъ сочиненія были хороши для своего времени, но теперь мы приходимъ къ другимъ выводамъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, обнародованныхъ Правительствомъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Сочиненіе *А. Терещенко* «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, 3 части, Спб. 1837» имѣетъ значеніе только по тѣмъ

подробностямъ, которыя заимствованы авторомъ изъ рукописныхъ источниковъ, преимущественно изъ трудовъ А. Ѳ. Малиновскаго.

Все изслѣдованіе свое я раздѣлилъ на двѣ главы. Въ первой я старался историческими событіями опредѣлить тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ было назначено XVII-му вѣку, потомъ показать, въ какихъ формахъ выражалось начинавшееся общеніе Россіи съ западною Европою и какія орудія имѣла русская дипломація. Все изложенное въ этой главѣ составляетъ матеріалъ, на основаніи котораго можно приступить къ выводамъ относительно законовъ междугосударственныхъ сношеній; здѣсь выражается общее значеніе избранной мною эпохи для Исторіи и для Народнаго Права. Конечно, я не разсматриваю всѣхъ событій XVII-го вѣка, а вкратцѣ обозначаю только тѣ, въ которыхъ главнымъ образомъ выразилось направленіе дипломаціи. Во второй главѣ я разсмотрѣлъ частные вопросы Народнаго Права: признаніе титула государя, опредѣленіе границъ государства, положеніе иностранцовъ, веденіе войны и заключеніе мира. Каждый изъ этихъ вопросовъ идетъ чрезъ всю исторію народа, рѣшается въ разное время различно; я долженъ былъ показать степень, до которой достигло ихъ развитіе въ XVII-мъ вѣкѣ. Чтобъ не повторять общихъ началъ теоріи каждаго изъ этихъ предметовъ Народнаго Права, я ограничивался вездѣ ссылкою на сочиненія извѣстнѣйшихъ писателей; то, что они называютъ абсолютными правами государства, отчасти от-

носится къ государственному праву, отчасти же исчерпывается началомъ признанія и самобытности государства.

Источники, которыми я могъ пользоваться, ограничиваются сочиненіями и изданіями печатными, а въ нихъ очень часто замѣтны пробѣлы. Оффиціальные документы обнародованы не всѣ; недавно вышедшіе «Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными, Спб. 1851, томъ 1-й» обнимаютъ только сношенія съ Австріею и оканчиваются 1594-мъ годомъ. Покойный Аделунгъ собирался издать подлинныя донесенія римско-императорскихъ пословъ къ Россійскому Двору отъ XV-го по исходъ XVII-го вѣка и другіе документы, собранные имъ въ архивахъ и библіотекахъ въ Римѣ, Вѣнѣ, Вольфенбителѣ, Лондонѣ и Стокгольмѣ (*); но это предпріятіе не приведено до сихъ поръ въ исполненіе. Я пользовался донесеніями Карлиля, Мейерберга, Таннера, Избраннедеса. Кромѣ извѣстнаго сочиненія Котошихина, записокъ частныхъ людей въ Россіи, въ отношеніи къ избранной мною эпохѣ, нѣтъ вовсе. Поэтому я не смѣю думать о совершенной полнотѣ своего изслѣдованія; на нѣкоторые вопросы народнаго права я не могъ найти никакаго указанія; въ другихъ случаяхъ свидѣтельства памятниковъ такъ отрывочны, что на основаніи ихъ нельзя сдѣлать окончательнаго заключенія. Впрочемъ въ настоящее время изданіе памятниковъ по всѣмъ частямъ Отечественной Исторіи обгоняетъ изслѣдователей; от-

(*) Ж. М. Н. П. Ч. XLVII. Отд. III, стр. 6.

крытіе новыхъ матеріаловъ можетъ подвинуть вопросъ дальше, уяснить или покажетъ несостоятельность нашихъ выводовъ.

Не смотря на то, я думаю, что трудъ мой не безполезенъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ выражается взглядъ государства на свое значеніе и устройство; наши посланники, дѣятельность которыхъ не была точно опредѣлена наказами, высказываютъ тѣ убѣжденія, которыя жили въ народѣ; положеніе иностранцевъ въ Россіи и внѣшняя торговля могутъ служить дополненіемъ тому, что̀ ужѐ сдѣлано другими изслѣдователями въ области нашего внутренняго быта. Я буду счастливъ, если своимъ трудомъ облегчу сколько-нибудь занятія нашихъ историковъ и юристовъ въ объясненіи тѣхъ явленій, которыя могутъ быть поняты только при всестороннемъ взглядѣ на развитіе жизни государства.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ЗАПАДНОЮ ЕВРОПОЮ,

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII-го ВѢКА.

ГЛАВА I.

НАПРАВЛЕНІЕ ДИПЛОМАЦІИ; ЕЯ ВЫРАЖЕНІЕ И ОРУДІЯ.

Немногія событія въ Исторіи имѣли такое значеніе, какъ миръ вестфальскій. Государственное устройство Германіи, признаніе самобытности Нидерландовъ и Швейцаріи, дѣятельное и постоянное вмѣшательство Швеціи въ дѣла Европы—вотъ главнѣйшіе результаты, по которымъ конецъ тридцатилѣтней войны послужилъ исходною точкою для правильныхъ сношеній между Европейскими государствами, а слѣдовательно и для Права Народовъ. Вестфальскій миръ былъ первымъ общимъ дѣломъ почти всей христіанской Европы, первымъ ея приговоромъ, основаннымъ на взаимномъ соглашеніи, а потому на законныхъ началахъ; если всѣ прежніе трактаты имѣли и не вполнѣ частный характеръ, то по крайней мѣрѣ ихъ значеніе простиралось только на два, на три государства, заинтересо-

ванныя извѣстнымъ вопросомъ. Вестфальскій миръ былъ первымъ практическимъ приложеніемъ началъ между-государственныхъ сношеній, которыя до того времени существовали больше въ теоріи, стояли на степени филантропическихъ стремленій. Въ мирѣ Вестфальскомъ выразилась вся политика государствъ европейскихъ, ихъ пониманіе и взглядъ на свои взаимныя отношенія. Многовѣковая борьба двухъ главнѣйшихъ владѣтельныхъ Домовъ западной Европы — Габсбургскаго и Бурбонскаго — обозначилась ясно въ періодъ тридцатилѣтней войны. Начатая во имя религіи, эта война измѣнила въ дальнѣйшемъ развитіи свой характеръ; интересъ религіозный долженъ былъ уступить мѣсто видамъ политическимъ: католическая Франція становится во главѣ протестантской Германіи, для борьбы съ католицизмомъ; форма правленія и фамильные интересы перестаютъ быть преградами сближенія государствъ: король французскій заключаетъ союзъ съ англійскою республикою. (1) Всѣ отношенія покрываются однимъ началомъ: государства отыскиваютъ возможные пути для развитія внутреннихъ силъ своихъ и, отъ сознанія той истины, что только во взаимныхъ сношеніяхъ государствъ можетъ это развитіе достигнуть своей крѣпости, переходятъ къ общенію: вездѣ въ жертву ему приносится исключительность. Какъ во всѣхъ явленіяхъ жизни и исторіи главною движущею силою является интересъ матеріальный — идеи со-

(1) Рѣчь, которую произнесъ Neuville, посланникъ Мазарини, къ англійскому парламенту. *Wheaton*, Hist. des progrès du droit de gens. Leipz. 1846, vol. 1, p. 108. См. также: *K. Menzel*, Neuere Gesch. der Deutschen. Bresl. 1839, s. 262. *Heeren*, Man. hist. du systeme politique. Brux. 1834, vol. I, p. 173.

знаются послѣ, выводятся изъ событій, какъ общія данныя— такъ и въ системѣ между-народныхъ сношеній на первомъ мѣстѣ стоитъ тотъ же интересъ матеріальный. Отсюда въ мірѣ экономическомъ меркантилизмъ, какъ непосредственное, первоначальное проявленіе идеи о государственномъ богатствѣ и благосостояніи, въ мірѣ политическомъ система политическаго равновѣсія. Можно сказать, что вторая половина XVII-го вѣка была эпохою наиболѣе широкаго развитія этой системы; она составляла исключительное и единственное мѣрило всѣхъ отношеній и выражалась въ формѣ внѣшняго количественнаго обладанія. Въ XVIII-омъ вѣкѣ уже измѣнился взглядъ на равновѣсіе; несостоятельность мысли Генриха IV французскаго оказалась вполнѣ (2).

Что касается до Россіи XVII-го вѣка, то она не была участницею въ системѣ политическаго равновѣсія въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали въ это время въ западной Европѣ: во-первыхъ потому, что положеніе государствъ западныхъ, ихъ взаимныя притязанія, ихъ значеніе и сила не были извѣстны Россіи,—русскіе посланники только въ XVII вѣкѣ начинаютъ доставлять свѣдѣнія объ этомъ; во-вторыхъ Царь Русскій считалъ себя самымъ сильнымъ государемъ и не хотѣлъ подчиняться правиламъ и обычаямъ европейскимъ, — эта своеобычность Россіи высказывается

(2) Значеніе системы политическаго равновѣсія выходитъ за предѣлы нашего труда; по справедливому замѣчанію Проф. Лешкова, она состояла въ сохраненіи status quo государствъ. Изъ русскихъ ученыхъ писали объ этомъ предметѣ: *Шульгинъ*, Изобр. характера Нов. Ист. Спб. 1838 и *Классовскій*, Очеркъ событій Нов. Исторіи Спб. 1848 (незначительная брошюра). См. литературу у Мартенса и Клюбера. Кромѣ Ансильйона, изъ новыхъ писателей *C-te de Garden;* его Tableaux historiques. Paris, 1846.

ясно во всѣхъ ея дипломатическихъ сношеніяхъ; наконецъ нельзя представить ни одного случая, въ которомъ бы прямо выражалось сознаніе Россіи о системѣ равновѣсія и ея участіе въ ней. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, общеевропейскую систему, а не одни только отношенія къ государствамъ сосѣднимъ, въ которыхъ по естественному чувству самосохраненія, по связямъ семейнымъ, государство держится извѣстной стороны. Система политическаго равновѣсія вытекала въ Европѣ изо всего предшествовавшаго ея развитія, на которомъ лежала отчасти печать единообразія; эта система представляла общій выводъ, была вызвана всѣми прежними столкновеніями государствъ европейскихъ (3), между тѣмъ какъ Россія не могла принять участія въ общемъ стремленіи Европы, по особеннымъ причинамъ. Разсмотримъ эти причины.

Конечно, главное основаніе, по которому государства ищутъ общенія, составляютъ выгоды матеріальныя: развитіе торговли, промышленность, богатство народное—вотъ тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ стремится каждое изъ нихъ. Но матеріальное начало, по своей измѣнчивости и временности, не можетъ служить крѣпкою связью; для этого нужно начало высшее, болѣе духовное и вѣчное. Дѣйствительно, еще прежде сознанія пользы, является плодотворною силою сближенія христіанская религія, потому что государства прежде всего сознаютъ себя органами развитія религіозныхъ убѣжденій, и въ трудныя минуты жизни въ нихъ находятъ опору своего единства внутренняго. Религія языческая, какъ національная принадлеж-

(3) *Ансильйонъ*, Изображеніе переворотовъ въ политической системѣ европейскихъ государствъ. Онъ начинаетъ съ 1492 года.

ность извѣстнаго народа, не могла повести къ общенію,— она разъединяла народы, потому что въ ней лежало начало нетерпимости, чуждое христіанству; только христіанство могло произвести одно общество, только единство вѣрованій могло вести къ признанію права. Доказательствомъ сказаннаго служитъ исторія: первымъ шагомъ къ общенію государствъ европейскихъ была общая религія, общая борьба съ невѣрными; этою связью связуются всѣ католическія государства въ одно цѣлое; папа направляетъ ихъ дѣятельность къ религіозной борьбѣ съ Турками; къ папѣ прибѣгаютъ государства для рѣшенія своихъ споровъ, даже относительно владѣній,—таковы папскія буллы, данныя Португальцамъ и Испанцамъ на право открытій въ Америкѣ; и хотя въ послѣдствіи власть папы умаляется и исчезаетъ вовсе, однако начала общенія, утвержденныя ею, не исчезаютъ.

Послѣ этого понятно, что Россія, какъ государство не католическое, въ періодъ религіозной исключительности не могла взойти въ систему государствъ европейскихъ. Въ первое время бытія своего Россія иногда искала связи съ Западною Европою, и папы поддерживали эти сношенія, пока имѣли надежду на религіозное соединеніе Россіи съ католицизмомъ; но потомъ, когда вопросъ этотъ былъ порѣшенъ окончательно, когда съ другой стороны иго монгольское и внутреннія неурядицы остановили Россію на пути развитія, поставили ее внѣ всякихъ интересовъ Запада, — связь прекратилась. Нужно было ждать новаго порядка въ обществѣ европейскомъ.

И этотъ новый порядокъ наступилъ. Религіозное единство Запада поколебалось, и католицизмъ долженъ былъ по-

терять свою исключительность, папы возобновляютъ въ XVI вѣкѣ попытки къ соединенію Россіи съ Римскою Церковью, неуклонно дѣйствуютъ въ достиженіи своей цѣли, хотя и безъ всякаго успѣха (4); религіозная нетерпимость угасаетъ медленно; довольно вспомнить, что западные путешественники даже въ концѣ XVI-го вѣка непріязненными глазами смотрѣли на православіе. Но время перемѣнилось: Франція въ началѣ XVII-го вѣка заключаетъ союзъ съ Турціею; та же Франція стоитъ за протестантовъ; вопросы, рѣшенные буллами папскими, перерѣшаются вновь путемъ войны или договоровъ. Тогда и Россія могла войти въ составъ европейскаго общества. По богатству своихъ естественныхъ произведеній, она представляла желанную цѣль для всѣхъ государствъ, которыя хотѣли расширить свою промышленность и торговлю; по своимъ началамъ будучи государствомъ вполнѣ-европейскимъ, Россія легко была принята въ сферу европейскихъ между-государственныхъ отношеній. Одного царствованія было достаточно, чтобы загладить слѣды неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Вестфальскій миръ, замирившій католиковъ съ протестантами, давшій имъ равныя права, включилъ въ свой составъ и Россію: въ первомъ общеевропейскомъ трактатѣ является le Grand Duc de Moscovie, какъ allié et adherant Швеціи (5).

Къ означеннымъ причинамъ особной жизни Россіи при-

(4) *Григоровичъ*, Переписка Папъ съ Россійск. государями въ XVI в. Спб. 1834.—Hist. Russiae Monumenta. Spb. 1842. Томъ 1-й.

(5) *Flassan*, Hist. da la diplom. III, 362. *Martens*, Precis du droit de gens, 3-me edit., p. 581. То же взаимное признаніе религіозныхъ вѣрованій выразилось и въ Актѣ 1815 года, составляющемъ основу настоящей дипломаціи.

соединились и другія: иго монгольское, недостатокъ полнаго государственнаго устройства и образованія, наконецъ самое географическое положеніе Россіи; стоя на краю Европы, Россія заслоняла ее отъ азіатскихъ пришельцовъ, была проводникомъ европейскаго образованія на востокѣ, мощно брала подъ свою руку пустыни Азіи. Очень естественно, что, при такомъ назначеніи, Россія принимала въ себя нѣкоторые обычаи и нравы азіатскіе, что̀ удаляло ее отъ западно-европейской гражданственности, добытой особымъ развитіемъ, особымъ ходомъ историческихъ событій. Въ этомъ отношеніи жизнь Россіи шла правильнымъ путемъ: сталкиваясь съ народами, стоявшими на низшей ступени общественности, она не утратила нисколько своей своебытности и отличительной физіономіи; Россія тогда уже заимствовала формы внѣшней жизни отъ запада, когда ясно обозначились ея собственныя начала, когда они окрѣпли до того, что на нихъ не могла вліять внѣшность. Окрѣпнувъ внутри, покончивъ задачу соединенія, Россія разомъ стала въ уровень съ остальными государствами Европы и внесла въ ихъ жизнь свои начала, общіе выводы своей исторіи, слѣд. стала живымъ, самобытнымъ членомъ общества европейскаго. Періодъ этого вступленія Россіи въ общество Права Народовъ опредѣляется XVII-мъ вѣкомъ; въ одно и тоже время уничтожились всѣ препятствовавшія тому обстоятельства: Вестфальскій миръ почти совпадаетъ съ новой жизнью Россіи, подъ правленіемъ новой династіи.

Но прежде, чѣмъ Россія сдѣлалась участницею общеевропейской жизни, и даже для того, чтобъ достигнуть этого, она должна была пройти чрезъ форму частной системы государствъ. Эту переходную форму можно видѣть

вездѣ въ исторіи: естественнымъ путемъ прежде всего развиваются отношенія государства къ его сосѣдямъ,—конечно, преимущественно, а не исключительно; въ этомъ частномъ союзѣ выработываются, слагаются извѣстные законы, и потомъ государство вмѣстѣ съ своею системою и чрезъ посредство ея входитъ въ общеніе со всею Европою. Для Россіи такою системою были государства сѣверныя, главнымъ образомъ Швеція и Польша, а потомъ Австрія и Бранденбургъ. Въ сношеніяхъ съ этими государствами опредѣляется общее направленіе русской дипломаціи второй половины семнадцатаго столѣтія.

Дипломатическія сношенія Россіи съ Швеціею и Польшею.—Миръ бромбсбройскій (6) и потомъ вестфальскій, утвердивши за Швеціею вліяніе на Германію и первенство на сѣверѣ, поставили ее на ряду съ первоклассными державами Европы. Значеніе этихъ событій было такъ велико, что Швеція въ теченіи почти цѣлаго столѣтія занимаетъ то же мѣсто, не смотря на внутреннія неустройства въ правленіе Христины, ослабившія силу государства (7). Разъ принявши участіе въ борьбѣ Франціи съ Австріею, Швеція не переставала сдерживать въ Германіи вліяніе Габсбургскаго Дома; къ этому присоединились наслѣдственныя притязанія на Польшу, опредѣлившія надолго политику Швеціи. Понятно, что въ этомъ послѣднемъ стрем-

---

(6) Имъ кончилась война Швеціи съ Даніею, въ 1645 году: Данія уступила острова Готландъ и Эзель и право прохода черезъ Зундъ.

(7) *Geijer*, Gesch. Schwedens. III., 387 (по изданію Герена и Укерта). *Raumer*, Gesch. Europa's. V., 365.

леніи Швеція необходимо должна была стать въ непріязненныя отношенія съ Россіею. Точкою такихъ столкновеній была Ливонія, которой на долю выпалъ тотъ же жребій, какъ Медіоланскому Герцогству въ началѣ XVI вѣка; на почвѣ Ливоніи рѣшались вопросы Швеціи, Россіи и Польши, рѣшалась между ними борьба о первенствѣ, точно такъ же, какъ на почвѣ медіоланской рѣшался вопросъ о первенствѣ между Бурбонскимъ и Габсбургскимъ домами. Ливонія была ключемъ къ Балтійскому морю; Ливоніи искалъ Царь Іоаннъ IV, Петръ Великій (8). Семнадцатый вѣкъ связываетъ стремленія того и другаго; въ немъ видимъ продолженіе мысли царя Іоанна, приготовленіе къ исполненію дѣла Петромъ Великимъ.

Вѣрнымъ поборникомъ этой мысли, вѣрнымъ ея слугою является ближній Бояринъ, Царственныя Большія Печати Государственныхъ посольскихъ дѣлъ Оберегатель Аѳанасій Лаврентьевичь Ордынъ-Нащокинъ, «мудрый министръ, который не уступитъ ни одному изъ европейскихъ», по словамъ иностранцовъ (9). Дѣйствительно, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей допетровской Руси: при тогдашней неразвитости дипломатическихъ сношеній, трудно представить себѣ такое ясное пониманіе положенія государства и его потребностей, такой вѣрный взглядъ на всѣ явленія исторіи, такое умѣнье угадывать исходъ событій и ихъ значеніе, какіе замѣчаемъ у Ордына-На-

---

(8) *Лешковъ*, О древ. русск. дипл., стр. 67. *С. Соловьевъ*, Ист. отнош. между кн. рюр. дома, 1847. *Отрѣшковъ*, Ист. Ливоніи Спб., 1848.

(9) *Коллинсъ*, О состояніи Россіи, въ Чтеніяхъ Общ. Ист., подъ редакціею О. Бодянскаго, годъ I, стр. 34.

щокина. Это былъ главный представитель русской дипломаціи въ XVII вѣкѣ; на немъ отразилось все ея значеніе и движеніе, всѣ вопросы того времени. Ордынъ-Нащокинъ во всю жизнь не измѣнялъ глубоко-сознанныхъ убѣжденій, не отступая отъ нихъ ни на шагъ. Начало его дѣятельности совпадаетъ съ половиною XVII вѣка: когда, въ 1649 году, заключенъ былъ въ Стокгольмѣ договоръ Россіи съ Швеціею о точномъ опредѣленіи границъ чрезъ добрыхъ людей дворянъ и дьяковъ (10), въ званіи добраго человѣка отправленъ былъ Нащокинъ; потомъ онъ сдѣланъ воеводою въ Раситцахъ, имѣлъ случай узнать хорошо весь край ливонскій, и съ этого времени сталъ неуклонно дѣйствовать, въ продолженіи 30 лѣтъ, къ достиженію одной цѣли: доставить Россіи владычество на Балтійскомъ морѣ (11). Эта цѣль опредѣляла отношенія Россіи къ Швеціи, слѣд. на нее должно обратить особенное вниманіе.

Сначала отношенія Россіи и Швеціи были мирныя. Карлъ-Густавъ, тотчасъ послѣ вступленія своего на престолъ, прислалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу посла своего Суддеуса съ извѣстіемъ о воцареніи и съ увѣреніемъ, что онъ будетъ держать нейтралитетъ въ войнѣ Россіи съ Польшею (12). Но этотъ нейтралитетъ былъ

---

(10) Полн. Собр. Законовъ № 19. Запись 1649.

(11) О жизни Ордына-Нащокина см. *Малиновскаго*, въ Трудахъ Общ. Ист., 1833. Ч. VI, стр. 178. *Терещенко*, Опытъ Обозр. жизни сановниковъ и пр. Спб. 1837. Часть I, стр. 27. *С. Соловьева*, въ Спбург. Вѣдом. 1850 г. № 70: «А. Л. Ордынъ-Нащокинъ.» Нѣсколько подробностей есть у Коллинса, у Карлиля, у Мейербера и проч.

(12) «Всегда хощетъ пребывати въ дружбѣ и въ совѣтѣ и въ воздержаніи.... и ему Карлусу до той войны дѣла нѣтъ, а въ то

скоро нарушенъ: пользуясь слабостью Польши, и между тѣмъ не желая явнаго союза съ Россіею, Густавъ послалъ отдѣльное войско, «и Царскаго Величества у ратныхъ людей свейскіе ратные люди дорогу переняли и у ратныхъ осадныхъ людей сидѣльцовъ города лестію поимали, говоря будто бы съ Великимъ Государемъ съ Его Царскимъ Величествомъ наступилъ, соединясь» (13). Это повело къ нарушенію мира. Кромѣ того дѣло о границахъ все еще не было кончено; неудовольствія возрастали, потому что Нащокинъ былъ твердъ въ своихъ требованіяхъ: не смотря на посредничество датское, англійское (посолъ отъ Кромвелля-Ричардъ Брадчевъ), бранденбургское и курляндское, онъ не иначе соглашался на заключеніе мира, какъ подъ условіемъ, чтобы во владѣніи Россіи остались навсегда земли, завоеванныя ею въ Лифляндіи. Особенно важенъ былъ для Россіи Кокенгаузенъ, сильно-укрѣпленное мѣсто, ключь къ морю. Для утвержденія его за Россіею, Нащокинъ обрусилъ его названіемъ Дмитровска (14) и принялъ Курляндію подъ защиту Россіи (15). Шведы не уступали. Требованія Россіи были

дѣло вступать онъ не будетъ.» Древ. Рос. Вивліоѳика. Описаніе Королей Шведск. Ч. XVI, стр. 188.

(13) Тамъ же, тр. 189.

(14) Эта перемѣна имени выставлялась иногда, какъ основаніе права: «Лифляндская земля искони древняя вотчина Царей Русскихъ, начиная отъ Вел. Государя Ярослава (Георгія), который назадъ тому 504 года, завоевавши эту землю, основалъ тамъ городъ, по имени своему Юрьевъ.» Пос. Сапѣги 1600. Ж. М. Н. П. 1850. № 12, стр. 120.

(15) Sie (Шведы) waren auch unwillig über die Gefangenschaft des Herzogs von Kurland, den der Zar in seinen Schutz genommen habe, *Gadebusch*, Lifland. Jahrbücher. V., 558.

тѣмъ настойчивѣе и тѣмъ скорѣе можно было надѣяться на ихъ удовлетвореніе, что Швеція начала въ это время войну съ Польшею; Король Шведскій высказалъ явно свое желаніе образовать изъ трехъ государствъ Швеціи, Даніи и Польши одно цѣлое (16).

Появленіе такого государя, какъ Карлъ Густавъ, съ честолюбивыми стремленіями, заставило сосѣдей принять сторону Польши, для поддержанія status quo сѣверно-европейскихъ государствъ. Императоръ Леопольдъ I, Фридрихъ III датскій и Фридрихъ Вильгельмъ бранденбургскій объявили себя противъ Швеціи; къ нимъ присоединился и царь Алексѣй Михайловичь, будучи склоненъ къ тому обѣщаніемъ уступокъ со стороны Польши. Соединенныя усилія заставили Карла-Густава снять осаду Копенгагена, а внезапная смерть Короля шведскаго успокоила сѣверъ Европы. Миръ копенгагенскій и оливскій опредѣлили отношенія Швеціи къ воевавшимъ съ нею государствамъ (17). Послѣдній сверхъ того имѣлъ слѣдствіемъ появленіе въ средѣ государствъ сѣвера новой державы, — самостоятельность Бранденбургскаго Курфиршества, которое съ самаго

---

(16) Въ 1655 году Карлъ-Густавъ вступилъ въ Ливонію и Польшу, овладѣлъ Варшавою и принудилъ Яна-Казиміра удалиться въ Силезію. Въ 1656 г. Карлъ началъ войну съ Даніею, и заключилъ съ нею въ 1658 г. миръ въ Рошильдѣ, по которому уступлены Швеціи Галландъ, Скапія, Дроптгеймъ и о-въ Борнгольмъ. *Raumer*, Gesch. Europa's, V. 381. *Бандтке*, Ист. Гос. Польскаго II, 308.

(17) Копенгагенскій миръ между Швеціею и Даніею былъ подтвержденіемъ Рошильдскаго. *Heeren*, Man. hist. I, 220. Миръ Оливскій между Швеціею и Польшею имѣлъ слѣдствіемъ уступку со стороны Польши Ливоніи и Эстоніи: *Бандтке*, Ист. гос. Польск. II, 321. *Конисскій*, Исторія Руссовъ, стр. 136.

рожденія своего не переставало находиться въ тѣсныхъ сношеніямъ съ Россіею.

Для Россіи вмѣшательство въ сѣверную войну не принесло тѣхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать отъ стѣсненнаго положенія Швеціи и Польши. Сначала успѣшныя дѣйствія Русскихъ подъ начальствомъ Нащокина и Шереметева заставили Шведовъ искать мира; но дѣло было кончено только перемиріемъ. Въ 1658 году, генваря 16, между Нарвою и Нейшлотомъ въ Валіесарѣ собрались со стороны русской Ордынъ-Нащокинъ и кн. Прозоровскій, со стороны шведской Густавъ Белке играфъ Горнъ; пять разъ съѣзжались уполномоченные,-такъ труденъ былъ вопросъ, который надо было рѣшить, такъ хорошо обѣ стороны сознавали его важность (18). Наконецъ постановлено, чтобы Россія владѣла Кокенгаузеномъ, Адзелемъ, Маріенбургомъ, Дерптомъ, Нейшлотомъ и Резителемъ съ ихъ округами (19). Валіесарское перемиріе заключено было на три года. Царь такъ обрадовался успѣшному ходу дѣла, что приказалъ произвести молебствіе и «стрѣлять по наряду, чтобы про то всѣмъ людямъ было вѣдомо.» (20) Въ этомъ восторгѣ выразилось многое; это молебствіе было предвѣстникомъ великихъ празднествъ, данныхъ Петромъ Великимъ послѣ заключенія ништадскаго мира. Уже чув-

(18) Еще король Шведскій Іоаннъ III видѣлъ стремленіе Россіи овладѣть берегами Балтійскаго моря: «Princeps Moschorum omnes occasiones captet, quomodo praedictas (Ливонія) suae Majestatis terras sibi astutia et vi subjicere et consequenter totius maris Baltici fieri dominus possit.» *Цигеусъ*, Матеріалы для Ист. Сѣв. народовъ. Гельсинг., 1848.

(19) Пол. Собр. Зак. № 240. *Доброклонскаго*, Указат. тракт. Россіи, М. 1838. стр. 21. *Schoell*, Hist. des traités de paix. p. 154.

(20) Пол. Собр. Зак. № 241.

ствовалась великая судьба Россіи и ея задача; честенъ и грозенъ сталъ Московскій Государь, Отчичъ и Дѣдичъ, восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ странъ Государь и Обладатель; во времена неурядицы Россіи, Швеція воспользовалась ея слабостью и отняла у нея то, что Русскому Царю Богъ отъ Его высокихъ Прародителей далъ; но потомъ шагъ за шагомъ Россія двигалась на свои старыя, издавна - завладѣнныя земли, и наконецъ при Петрѣ Великомъ твердо оперлась на море. Если значеніе геніевъ состоитъ въ ясномъ пониманіи и постоянномъ стремленіи осуществить задушевную идею своего народа, то съ другой стороны нельзя не согласиться, что эта идея дается исторіею, коренится въ ней и проявляется задолго до своего полнаго разцвѣта, хотя, можетъ быть, смутно и неясно. Ордынъ-Нощокинъ — мы не касаемся другихъ сферъ жизни русской—былъ предтечею Великаго Петра; «съ смѣлымъ сердцемъ, какъ говоритъ похвальная царская грамота, стоялъ онъ противъ свѣйскаго короля славныхъ городовъ» и всѣ силы употреблялъ, чтобы присоединить ихъ къ Россіи, во славу вѣкамъ будущимъ.

Всему народу стало вѣдомо о присоединеніи Лифляндіи къ Россіи. Но дѣло было еще не кончено. Швеція не могла легко отказаться отъ одной изъ лучшихъ частей своихъ, Россія не могла уступить разъ пріобрѣтеннаго ею; рѣшеніе вопроса предоставлено было дальнѣйшему времени. Въ 1659 году учинено двѣ записи-одна въ Тормсдорфѣ, другая въ святогорской деревнѣ (21). Вотъ какіе доводы представлялъ здѣсь Нащокинъ для удержанія ново-

(21) Пол. Собр. Зак. № 259 и 267.

пріобрѣтенныхъ мѣстъ: Швеція, пользуясь несчастными обстоятельствами Россіи, насильно отторгнула отъ нея эти земли, и онъ ни за что не согласится уступить ихъ; но если Шведы хотятъ вознагражденія, то Россія заплатитъ имъ значительную сумму денегъ и заключитъ наступательный союзъ противъ Польши. Шведы на это не согласились; обѣ стороны условились только подтвердить валіесарское перемиріе, а переговоры объ окончательномъ мирѣ отложить до другаго времени. Для удержанія въ своей власти новозавоеванныхъ земель, Россія завела флотъ въ устьяхъ Двины (22), орудіе власти надъ моремъ. Все напрасно. Обстоятельства перемѣнились: Польша, замирившись съ Швеціею, возобновила войну съ Россіею, и неудачныя дѣйствія со стороны русской заставили царя Алексѣя Михайловича согласиться на уступки Швеціи. По окончаніи срока валіесарскаго перемирія, въ 1661 году заключенъ миръ въ Кардисѣ. Русскіе должны были возвратить Шведамъ всѣ завоеванія, которыми пользовались въ теченіе шести лѣтъ и уничтожить флотъ, образованный Нащокинымъ (23). Плоды валіесарскаго перемирія были потеряны, рѣшеніе вопроса объ обладаніи прибалтійскими землями отодвинуто болѣе, чѣмъ на полстолѣтіе. Договоръ кардисскій, вынужденный обстоятельствами, ясно показалъ, что Россія не могла еще бороться съ двумя врагами въ одно время, что не настало еще время осуществить мысль обладанія Балтійскимъ моремъ; недостаточно одного, хотя и ясно-сознаннаго стремленія, нужны орудія, исполните-

(22) *Доброклонскаго*, Указат., стр. 22. *Берхъ*, царствованіе Ал. Мих-ча Ч. I, стр. 145.

(23) П. С. З. № 301. Указ. Доброклонскаго стр. 22.

ли, а этихъ исполнителей могъ создать только геній Петра. Тѣмъ не менѣе важность валіесарскаго перемирія не подвержена сомнѣнію: разъ-добытое исторіею не исчезаетъ безъ слѣдовъ, и невполнѣ-удавшійся опытъ облегчаетъ потомству путь къ достиженію цѣли.

Дальнѣйшія сношенія Россіи и Швеціи не представляютъ уже того интереса, потому что главный вопросъ оставался въ сторонѣ. Такъ въ 1666 году заключенъ договоръ на рѣкѣ Плюсѣ (24), въ подтвержденіе кардисскаго; то же значеніе имѣетъ и Московскій договоръ 1684 года (25); ими разрѣшались только споры, возникшіе при исполненіи условій кардисскаго мира: „безъ всякой притяженной кондиціи, и безъ паки прошенія отобранныхъ провинцій» подтвержденъ договоръ, заключенный въ Кардисѣ. Въ 1676 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичь хотѣлъ возобновить попытку своего отца, но дѣла малороссійскія заставили его отложить свое намѣреніе: Царь объявилъ, что не намѣренъ вести войну съ Швеціею (26). Восемнадцатому вѣку предоставлено было начать собою великое дѣло, рѣшившееся на поляхъ полтавскихъ (27); передъ миромъ ништадтскимъ блѣдно показалось валіесарское перемиріе; слѣдствія договора въ Кардисѣ были сглажены; геній Петра Великаго опредѣлилъ Россіи новое будущее.

---

(24) П. С. З. № 395.

(25) П. С. З. № 1076.

(26) Описаніе рукописей гр. Толстаго стр. 127.

(27) Haec unica sub Pultava actio et victoria Majestatis Czareae transcedit et superat cunctas tot annorum actiones et successus Regis Sueciae, писалъ каштелянъ краковскій къ пашѣ бендерскому Hist. Russ. Monum. T. II, pag. 205.

Обратимся къ Польшѣ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія Россія должна была еще заботиться объ уничтоженіи старыхъ слѣдовъ неурядицы, бывшей въ началѣ вѣка; прежде всего Россія должна была утвердить свою самостоятельность, оградиться отъ притязаній королей польскихъ, заставить ихъ признавать царей русскихъ и русское государство. Уже въ 1650 году заключенъ договоръ съ Польшею о недѣйствительности записи Жолкевскаго (28); этимъ же трактатомъ постановлено было о наказаніи пишущихъ неправильно титулъ царя, объ истребленіи печатныхъ предосудительныхъ для Россіи книгъ и о выдачѣ Анкудинова, запоздавшаго самозванца, глухой отголосокъ временъ самозванщины. Договоръ былъ „закрѣпленъ душами государскими“ но Поляки, которыхъ Россія называетъ „кривоприсяжцами“ (29), не исполняли условій.

Разъ связавши свою судьбу, Польша и Россія стали въ положеніе постоянной борьбы, которая должна была рѣшиться въ пользу государства, сильнѣйшаго по своимъ нравственнымъ началамъ, по своему внутреннему устройству. Польша не могла сплотить въ одно разнообразныхъ народностей, изъ которыхъ она составилась; каждая изъ нихъ тяготѣла къ своей прежней отчизнѣ, а небольшое число туземнаго населенія, должно было примкнуть къ большинству. Это различіе народностей было причиною всѣхъ смутъ при избраніи королей польскихъ; всегда на сеймахъ была одна

---

(28) П. С. З. № 40. О записи Жолкевскаго сказано, что до сихъ поръ списокъ ея не найденъ; будетъ ли найдется, въ ту пору къ Его Царскому Величеству отосланъ будетъ.

(29) П. С. З. № 115.

партія за Россію, другая за Австрію, трётья за Брандёнбургъ. Въ этомъ высказывается не одно желаніе избирать сосѣдей—потому что предлагали иногда принцовъ французскихъ—а другое начало: отзывъ къ родинѣ; нельзя же видѣть во всѣхъ сеймовыхъ смутахъ однѣ интриги и корыстолюбіе, —онѣ должны были имѣть побудительную причину и смыслъ. Пока не исчезло сознаніе объ единствѣ Польши, до тѣхъ поръ выборы кончались въ пользу природныхъ поляковъ; но когда разложеніе народностей достигло крайнихъ предѣловъ, государство перестало существовать, и каждая часть его отошла по силѣ историческаго тяготѣнія. Эту истину сознавалъ очёнь хорошо король Янъ-Казимиръ; въ рѣчи своей онъ обозначилъ весь составъ Польши, и опредѣлилъ принадлежность каждой ея части (30). Русскіе цари имѣли, конечно, найболѣе правъ на престолъ польскій, потому что къ Россіи тянула найбольшая часть Польши: „давно тѣ обои народы—говорилъ посолъ польскій—языкомъ, нравы, строемъ себѣ подобны, по вѣрѣ мало что разны, на единой суще землѣ, безъ раздѣленія моремъ или великою трудностію границъ между собою будуще, при семъ имѣя сосѣдей отъ большія части общихъ, и пользы едины, могли бы быти стѣною непреодолѣемою Христіанству, силѣ бусурманской не точію страхованіемъ, но и пагубою, отъ всѣхъ сосѣдей и государей христіанскихъ

---

(30) Utinam sim falsus vates! Moscus et Russi tentabant magnum ducatum Lithuaniae avellere ad ipsos usque fluvios Bug et Narew dictos et vix non ad Vistulam fluvium. Elector Brandenburgicus occupabit animum suum circa majorem Poloniam aliosque sibi proximos limitaneos Palatinatus. Domus quoque Austriaca cogitationes suas circa Cracoviam sibique proxime vicinos Palatinatus intendet. Рѣчь 4 Іюня 1661 г. *Бандтке.* Ист. гос. польск. II. прим. 65.

въ ненарушимомъ покоѣ почтеніе и честь» (31). Болѣе десяти-разъ въ теченіе одного вѣка, начиная съ царя Іоанна IV, возобновлялся вопросъ объ избраніи царей русскихъ въ короли (32), и всякій разъ безъ успѣха; къ XVII вѣку относится три такихъ попытки: въ 1656, въ 1667 и 1674 годахъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что дозволилъ величать себя избраннымъ королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Жмудскимъ, Мазовецкимъ, Инфлянтскимъ и проч. (33); по дѣлу избранія отправлено было даже посольство въ Римъ (34). Успѣха не было, потому что только одна часть Поляковъ желала русскаго царя, остальными же часто руководили корыстныя цѣли; при безпорядочности сеймовъ, представлялся огромный просторъ всѣмъ интригамъ и происканъ. Ордынъ-Нащокинъ ясно понималъ смыслъ дѣла; странное значеніе королевской власти въ Польшѣ (35) было несовмѣстно съ достоинствомъ царя русскаго. «Вдаваться, Государь, въ избраніи страшно и

---

(31) Статьи, предлож. въ Посоль. Приказѣ чрезъ Погожева-Константиновича, въ 1674 г. П. С. З. № 569. Собр. гос. гр. и дог. IV. № 91.

(32) Историческія доказательства о давн. желаніи польск. народа присоединиться къ Россіи, соч. изъ подлин. бумагъ Моск. Глав. Архива. *А. Малиновскимъ*. См. Труды Общ. Ист. VI стр. 1. П. С. З. № 192 Собр. гос. гр. IV., № 1 и 2.

(33) Др. Рос. Вивл. III. 320.

(34) Посланникъ Менезіусъ. *Бергъ*, Цар. Ал. Мих. I. 275.

(35) Король ничѣмъ не лучше нарисованнаго весла, которое только кажется, будто править ладьею—говорить Коллинсъ. См. его «О состояніи Россіи» стр. 29; также *Бантке*, Ист. гос. польск.; Взглядъ на исторію западной Руси; *Погодина*, Истор. размышленія объ отнош. Польши къ Россіи, Историко-крит. отрывки, стр. 419 и проч.

мыслить — говорилъ онъ. Сколько еще Россіи должно будетъ пожертвовать королевству Польскому. Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утвержденіе, а на разрушеніе мира. Польскую корону, Государь, перекупятъ другіе, какъ товаръ».

Польшу перекупали. Различіе народностей было причиною, почему Польша въ цѣломъ своемъ составѣ не могла сдѣлаться достояніемъ Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ; но старое ея достояніе, отдѣлившись отъ Польши, вошло въ составъ русской земли. Совершилось то, что было давно приготовлено исторіею, жизнью народа, обстоятельствами отторгнутаго отъ Россіи: въ 1654 году генваря 6, Малороссія торжественно присоединилась къ своей исконной отчизнѣ. Богданъ Хмельницкій, великій Гетманъ малорусскій, видѣлъ ясно, что Малороссія не могла существовать самостоятельно, что ей нужна высокая рука, которая защищала бы ее отъ враговъ и вела на нути благосостоянія; врожденное чувство и умъ указывали Хмельницкому на Россію: присоединеніемъ къ ней Малороссія пріобщалась ея будущности; безгосударное начало отжило свое время, ему нужно было слиться съ началомъ порядка. Конечно, это сліяніе происходило медленно, но оно совершилось; всякое уклоненіе отъ этого сліянія было уже преступленіемъ, потому что лишало Малороссію ея будущаго — ея просвѣщенія и благосостоянія, — и въ этомъ горькій упрекъ и исторіи, и народа всѣмъ тѣмъ гетманамъ, которые хотѣли отложиться отъ Россіи, не предъугадывая ея предназначенія. Еще въ 1648 и 1649 годахъ, Хмельницкій присылалъ къ царю Алексѣю Михайловичу, чтобъ узнать его мысли касательно будущаго соединенія; въ 1653 году посолъ отъ гетмана

Капуста пріѣхалъ къ царю съ предложеніемъ о томъ, что „Богданъ надѣется на Государеву милость; а будетъ Государь его и не пожалуетъ, принять не велитъ, и онъ въ томъ учнетъ свидѣтельствоваться Богомъ, что онъ о томъ у него Государя милости просилъ много, и онъ Государь его не пожаловалъ.“ Царь созвалъ для такого великаго дѣла соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и Бояре приговорили, „чтобъ Великій Государь изволилъ того гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское съ городами и землями принять подъ свою государскую высокую руку, для Православныя Вѣры и святыхъ Божіихъ Церквей“ (36). Посланы были въ Чигиринъ полномочные послы царскіе—Бутурлинъ, Алферьевъ, Лопухинъ и Матвѣевъ; полковникъ малороссійскій Тетера ходилъ по рядамъ козаковъ, которые единогласно подтвердили желаніе, высказанное Хмельницкимъ. Малороссія была присоединена навсегда къ Россіи (37). Россія имѣла на это полное право: первымъ шагомъ ко вмѣшательству была для нея религія; какъ представительница Православія, Россія требовала отъ Польши исполненія Зборовскаго договора (38); но кромѣ того было и другое основаніе, выставляемое московскими боярами еще въ 1652 году: „а по вѣчному договору съ

(36) Пол. Собр. Зак. № 104. См. также Памятники, изд. врем. комиссіею для разбора древ. актовъ. Кіевъ, 1845. 1848.

(37) *Бантышъ-Каменскаго*, Ист. Мал. Россіи, изд. 3-е, I. 310. *Конисскаго*, Ист. Руссовъ, стр. 117 *С. Соловьева*, Очеркъ Ист. Малор., От. Зап. 1849 № 1. *Берха*, Цар. Ал. Мих I., 83. Взглядъ на ист. Зап. Руси, стр. 31. *Боричевскаго*, Православіе и русская народность въ Литвѣ, Спб. 1851.

(38) Зборовскій трактатъ Малороссіи съ Польшею, 1649 г.; 7-я статья его утверждаетъ свободу Православія. *Бантышъ-Каменскаго*, Ист. Мал. Россіи, ч. 1, стр. 237.

Литовскимъ королемъ, которые съ Литовской стороны перейдутъ въ Царскаго Величества сторону, и тѣхъ назадъ не отдавать, также которые перейдутъ съ Царскаго Величества стороны въ Литовскую землю, тѣхъ по тому жъ не отдавать....; а перейти имъ (малороссіянамъ) въ Царскаго Величества сторону по тому вѣчному докончанью можно, что отдачи на обѣ стороны не бываетъ; кто въ которую сторону перейдетъ, тутъ и живетъ безъ выдачи" (39). Конечно, это былъ предлогъ, потому что въ докончаньи говорилось только о людяхъ безъ земли, но онъ показываетъ взглядъ того времени. Россія должна была оружіемъ отстаивать свои права. Началась война, кончившаяся двумя перемиріями, сначала виленскимъ (40), а потомъ андрусовскимъ. Послѣднее заключено на 13 лѣтъ.

Если перемиріе валіасарское и миръ кардисскій опредѣляли главнымъ образомъ отношенія Россіи къ Швеціи въ XVII-мъ вѣкѣ, то перемиріе андрусовское имѣло то же значеніе относительно Польши. Царь владѣетъ своими завоеваніями въ Польшѣ, Малороссія утверждается за Россіею, Кіевъ остается во власти Россіи на два года — вотъ главнѣйшія условія этого перемирія (41). Главный вопросъ войны рѣшился въ пользу Россіи. Такимъ образомъ, Россія изъ двухъ цѣлей должна была выбрать одну:

(39) П. С. З. № 76.

(40) П. С. З. № 193. Собр. гос. гр. IV. № 3. 1656 г. Это перемиріе имѣетъ связь съ избраніемъ царевича на престолъ польскій.

(41) Прежде заключенія перемирія, переговоры продолжались три года, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Шейновѣ, Дуровичахъ и Андрусовѣ. Пол. Собр. Зак. № 357. 358. 360. 387. Актъ андрусовскаго перемирія состоитъ изъ 34 статей. П. С. З. № 398.

неуспѣвъ въ своихъ сношеніяхъ съ Швеціею, она употребила всѣ силы, чтобы рѣшить другую задачу свою — соединить въ одно всѣ отторгнутыя части русской земли. Возсоединена была Малороссія и Кіевъ, старшій городъ и зерно русскаго государства, слѣд. дѣло было выиграно. Пріобрѣтеніе прибалтійскихъ провинцій требовалось развитіемъ государственныхъ силъ, вопросъ о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши былъ вопросомъ о цѣлости государства, тѣсно связывался съ честью государя и съ значеніемъ Россіи; исходъ борьбы опредѣлялъ, на сколько отсрочивалось присоединеніе Польши къ Россіи. Малороссія ускорила это событіе.

Важность андрусовскаго перемирія видна изъ того, что на немъ основывались всѣ дальнѣйшія сношенія Россіи съ Польшею во второй половинѣ XVII-го вѣка; они составляли только поясненіе и дальнѣйшее развитіе договора андрусовскаго (42); смотря по обстоятельствамъ, Россія дѣлала уступки, платила деньги Польшѣ, но Кіевъ навсегда оставался въ русской землѣ (43). Вопросъ былъ такъ важенъ, что рѣшеніе его отдалялось долгими перемиріями (44); по окончаніи срока андрусовскаго перемирія, въ 1678 г., оно было продолжено еще на 13 лѣтъ (45). Польша все еще надѣялась на перемѣну обстоятельствъ, и только въ

---

(42) Договоры эти были: 1) 1667 г. П. С. З. № 420; 2) 1670 г. № 465. Доброклонскій въ своемъ Указателѣ (стр. 24) называетъ его радзинскимъ; 3) 1672 г. № 513.

(43) П. С. З. № 1131.

(44) Впрочемъ въ томъ же вѣкѣ мы знаемъ перемиріе на 26 лѣтъ — между Швеціею и Польшею въ Штумсдорфѣ. *Schoell*, Hist. des traités de paix. XII. 117.

(45) П. С. З. № 730.

1686 году рѣшилась заключить вѣчный миръ въ Москвѣ: „по многимъ трудностямъ учиненъ такой вѣчный миръ Россійскому Нашему Царствію прибыльный и хвальный, котораго напредъ сего при предкахъ нашихъ Государскихъ не бывало. И во всемъ учинена Нашего Царскаго Величества преименитой Державѣ великая прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала“ (46). Главныя статьи московскаго договора 1686 года были слѣдующія: утверждены за Россіею навсегда Смоленскъ, Дорогобужъ, Красной, Бѣлой, Рославль, города сѣверскіе, Кіевъ и вся Малороссія, съ условіемъ, что Польша не должна за нее вступаться; Россія Польшѣ платитъ 192.000 рублей (47). Замѣчательны эти частыя денежныя выдачи раззоренной Польшѣ; онѣ не имѣли значенія военной контрибуціи, потому что войны не было, а носятъ скорѣе характеръ покупки, которая въ это время стала исчезать въ междугосударственныхъ сношеніяхъ, вмѣстѣ съ другими явленіями частнаго права (48).

Договоръ московскій былъ послѣднимъ актомъ сношеній Россіи съ Польшею въ XVII-мъ вѣкѣ. Онъ надолго опредѣлилъ отношенія этихъ двухъ государствъ (49); онъ

---

(46) Др. Рос. Вивл. Ч. XX, стр. 335. Собр. гос. грам. Ч. IV. № 174. 178. 219.

(47) Ст. 3 и 5 Моск. договора; всѣхъ статей 33. См. Пол. Собр. Зак. № 1186.

(48) Примѣръ залога представляетъ исторія Польши; въ 1656 г. она отдала въ залогъ императору нѣкоторыя изъ своихъ областей, а въ 1700 бранденб. курфирсту королевскія регаліи (въ томъ числѣ корону, похищенную изъ Москвы въ 1612 г.) *Бандтке*, Ист. гос. поль. II., 305, 433. Труды Общ. Ист. VI., 131.

(49) Въ 1767 г. польскіе депутаты положили «de renouveler avec la Russie le traité de 1686, dont l'original se trouvait deposé dans les archives russes». *J. de Müller*, Hist univers. Brux. 1838 II. 324.

установилъ наконецъ то, къ чему стремилась Россія XVII-го вѣка, чего она желала отъ Польши—присоединеніе Малороссіи. На сѣверѣ Россія не могла пріобрѣсти ключа къ Балтійскому морю, Малороссія послужила для нея такимъ ключемъ къ Черному морю: черезъ 10 лѣтъ послѣ московскаго договора взятъ былъ Азовъ. Такимъ образомъ, обѣ задачи русской дипломаціи—шведская и польская—вели къ одному результату, приготовляли болѣе тѣсное сближеніе Россіи съ западною Европою, слѣд. опредѣляли то время, когда Россіи войти въ общество народнаго права. Наконецъ здѣсь можно сдѣлать еще одно сближеніе: народъ и государство, составлявшіе черту разъединенія съ западомъ, входятъ въ составъ Россіи, которая чрезъ то и географически сближается съ западными государствами, въ знакъ того, что для нея наступило время усвоить внѣшнее просвѣщеніе (50).

Сношенія Россіи съ Австріею, Даніею, Англіею, Бранденбургомъ и съ державами юго-западной Европы отличались совершенно инымъ характеромъ. Въ дѣлахъ съ Польшею и Швеціею Россія искала пріобрѣтеній, въ сношеніяхъ съ прочими государствами объ этомъ не могло быть и рѣчи; весь интересъ сосредоточивался здѣсь на признаніи титула Царскаго, на выгодахъ торговли и на общей войнѣ съ Турціею. Всѣ государства западной Европы надѣялись, что Россія, по своему сосѣдству съ Турціею, будетъ крѣпкимъ оплотомъ противъ общихъ враговъ; бракъ Великаго Князя

---

(50) Эта мысль подробнѣе развита въ статьѣ г. *Шульговскаго*,—Сближеніе событій востока и запада Европы. См. Маякъ 1845 г. № 8 и 9.

Іоанна III съ Софіею Палеологъ былъ началомъ этихъ надеждъ.

Цѣлый рядъ сношеній съ Австріею представляетъ постоянно развитіе одного и того же вопроса. Въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ ополченія противъ Турціи составляли общее дѣло всей Европы, и хотя цѣль не была достигнута, однако стремленіе къ ней произвело благодѣтельныя послѣдствія, сблизивъ государства Европейскія между собою. Еще въ началѣ XVI вѣка былъ планъ составленія конгрессовъ — въ Италіи, Германіи, и Нидерландахъ — для „христіанскаго возстанія," какъ называютъ его акты того времени; положено было предпринять крестовый походъ, въ которомъ воины должны быть монахи, деньги церковныя и проч. (51); императорскіе послы часто описываютъ эти общія вооруженія Европы царямъ русскимъ, чтобы убѣдить ихъ присоединиться къ союзу (52). Россія была тогда еще мало извѣстна Европѣ, сношенія были такъ рѣдки, что одна Австрія являлась представительницею общеевропейскаго дѣла. Въ XVII-мъ вѣкѣ то же самое повторяется почти всѣми государствами: посланниковъ нашихъ распрашиваютъ во Франціи, въ Испаніи, въ Венеціи объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи; въ Европѣ распускались преданія

(51) Маргарита Нидерландская въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу V совѣтуетъ ему обратить вниманіе на востокъ Европы: «Вы изгоните Турка и распространите Христіанскую Вѣру, во всякомъ случаѣ стяжаете себѣ здѣсь болѣе славы, чѣмъ забавляясь взятіемъ разныхъ итальянскихъ укрѣпленій.» «Деньги должно достать посредствомъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ; также можно бы взять для этой экспедиціи по два или по три монаха изъ каждаго монастыря» и проч. См. Correspondenz des Kaisers Karl V, mitgeth. von *Dr. Karl Lanz*. 1846.

(52) Пам. диплом. сношеній Россіи Томъ I, стр. 1426 и др.

о томъ, что Россіи предопредѣлено овладѣть Константинополемъ; у покоренныхъ Грековъ оставалась одна надежда на единовѣрную Россію, отъ нея ждали они помощи (53). Война съ Турціею была и для Россіи войною за религію. Это имѣетъ въ виду Австрія; въ концѣ XVII-го вѣка, при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, послы императорскіе Блумбергъ и Царевскій въ великолѣпной рѣчи представляютъ всю выгоду и славу для Россіи отъ войны съ Турціею: „Послушайте, что говоритъ и св. Василій: горе тому князю, котораго юность сохнетъ въ прекрасномъ цвѣтѣ! Вы еще не крѣпки тѣломъ, но могущественны пламеннымъ усердіемъ; соедините ихъ вмѣстѣ и вы уподобитесь божеству. Вы ли, почитаемые сильнѣйшими ревнителями Христовой паствы, захотите отказаться отъ священнаго союза? Ополчитесь на иновѣрнаго, сразитесь за Христа и имя Ваше съ благоговѣніемъ прочтутъ земные владыки въ скрижаляхъ исторіи. Гряньте молніеносными перунами, земля и море узнаютъ Васъ“ и проч. (54). И Россія всякій разъ отзывалась на приглашеніе Европы. Впрочемъ участіе Россіи, по обстоятельствамъ, не могло быть ни дѣятельнымъ, ни успѣшнымъ; во-первыхъ, прежде чѣмъ ратовать за общее дѣло Европы, ей нужно было рѣшить свои частные вопросы съ Швеціею и Польшею; во-вторыхъ, единеніе съ Европою не было еще такъ сильно, чтобы для него можно

---

(53) Потемкинъ въ своемъ статейномъ спискѣ говоритъ, что къ нему приходили Греки съ извѣстіемъ — «Турскій де Царь и Паши всѣ сыскавъ въ письмахъ своихъ гадательныхъ и говорятъ то, что то время пришло, что Царюграду быти за нимъ же Государемъ.» Древ. Рос. Вивл. Ч. IV, стр. 256. То же повторяется въ статейныхъ спискахъ Чемоданова и другихъ.

(54) *Терещенко*, Опытъ обозр. жизни сановн. I, 154.

было принести жертву; наконецъ, до присоединенія Малороссіи, при недостаткѣ военныхъ силъ, нельзя было и думать объ успѣшной войнѣ съ Турціею. Вотъ почему Россія до конца XVII-го вѣка принимала только второстепенное участіе въ дѣлахъ Европы съ Турціею, и часто находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ послѣднею (55). Петръ Великій сдѣлалъ войну турецкую главнымъ дѣломъ Россіи; онъ велъ ее отъ своего имени, искалъ вездѣ союзниковъ, становясь во главѣ союза. Такимъ характеромъ отличаются его сношенія съ Австріею, съ Мальтійскимъ Орденомъ, съ Венеціею, съ Римскимъ Дворомъ, съ Пруссіею, съ Черногорьемъ (56); не проходило почти ни одного года, чтобъ не было писано грамотъ въ Венецію; царь извѣщалъ о всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ противъ Султана, о причинѣ неуспѣшности ихъ, просилъ о высылкѣ мастеровъ и проч. Владычество на Черномъ морѣ было плодомъ этихъ усилій. Царь Іоаннъ IV сознавалъ невозможность борьбы съ Турціею, Петръ Великій сдѣлалъ ее главною задачею своею, выполненіе которой впрочемъ предоставлено было позднѣйшему времени.

Ссылки Россіи съ Франціею, Англіею, Голландіею, Испаніею, Даніею и Флоренціею ограничивались интересами торговли, а потому должны быть разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ.

Во всѣхъ означенныхъ событіяхъ выразились главныя задачи русской дипломаціи во второй половинѣ XVII-го

---

(55) Статейный списокъ дьяка Зотова въ 1680 г., изд. *Мурзакевичемъ*. Од. 1850.

(56) Пол. Собр. Зак. № 1569. Др. Рус. Вивл. V. 386. Списокъ съ грамотъ о снош. Россіи съ Венеціею, *Ѳ. Чижова*, въ «Чтеніяхъ Общ. Ист.» годъ 1. № 4. П. С. З. № 1586.

вѣка. Россія искала своего, что царямъ ея Богъ отъ ихъ Прародителей далъ, искала признанія своего, чести царей своихъ, — въ этомъ движущее начало въ сношеніяхъ Россіи съ Польшею. Съ другой стороны, для развитія внутреннихъ силъ своихъ, для сбыта своихъ произведеній, для быстроты сношеній съ Европою, Россія искала морскихъ пристанищъ; ей нужно было море — путь Божій— этотъ всегдашній двигатель на пути промышленности и образованія, питающій любознательность, препятствующій застою и исключительности. Морскія пристанища — вотъ вторая задача Россіи въ XVII вѣкѣ; царь Алексѣй Михайловичь преслѣдуетъ эту цѣль въ своихъ сношеніяхъ съ Швеціею, Петръ Великій сначала переноситъ этотъ вопросъ на югъ, а потомъ возобновляетъ дѣло своего отца, но съ бо̀льшимъ успѣхомъ, по другимъ началамъ и съ другими послѣдствіями. Такимъ образомъ всѣ завоеванія Россіи условливались необходимостью, а не вытекали изъ ея страсти къ пріобрѣтенію; политика Россіи никогда не отличалась характеромъ завоевательнымъ.

Ни та, ни другая задача дипломаціи не дошли до своего полнаго достиженія; но рѣшительныя попытки, какихъ не представляли прежнія времена, даютъ особый оттѣнокъ и обозначаютъ характеръ XVII-го вѣка и въ Исторіи дипломаціи и въ Исторіи русской вообще: его значеніе состоитъ въ томъ, чтобы только выяснить вопросы, предоставляя рѣшеніе ихъ дальнѣйшему времени. Все, къ чему вела прежняя исторія, все это ясно обозначилось въ XVII-мъ вѣкѣ; онъ воплотилъ въ себѣ всѣ прежде неясно-сознанныя стремленія, завершилъ жизнь допетровской Руси. Такъ, стремленіе пріобрѣсти прибалтійскія провинціи, — это воп-

росъ, идущій далеко въ глубь нашей Исторіи; Россія никогда не считала дѣлъ лифляндскихъ чужими для себя, никогда не отказывалась отъ своихъ правъ на Ливонію: въ статейныхъ спискахъ XVI-го вѣка высказывается эта мысль безпрестанно: «и Лифлянская земля отчина искони вѣчная Государя нашего отъ его прародителей; и за иными Государи ни за кѣмъ не бывала; прежнимъ Государемъ нашимъ они были данщики искони вѣчные .... и то мочно разумѣти, что Государь нашъ сталъ не за чюже, доступаетъ своей отчины» (57). Но никогда мысль о пріобрѣтеніи власти надъ моремъ Балтійскимъ не достигаетъ такого широкаго размѣра и не была такъ близка къ выполненію, какъ въ XVII-мъ вѣкѣ. — Точно такъ же постоянныя избранія царей русскихъ въ короли польскіе явно доказывали необходимость присоединенія Польши къ Россіи; въ XVII-мъ вѣкѣ и это стремленіе обозначилось особенно ясно, а присоединеніе Малороссіи составило важный шагъ въ осуществленіи идеи о возсоединеніи древней отчины Русскихъ Государей подъ одинъ скипетръ. Мало того: по свидѣтельству Пуффендорфа (58), въ 1660 году заключенъ былъ тайный трактатъ Россіи съ Австріею о раздѣлѣ Польши. Мы не имѣемъ возможности повѣрить справедливость этого извѣстія, потому что въ нашихъ архивахъ не сохранился актъ договора; тѣмъ не менѣе слова Пуффендорфа важны по тому времени, когда они написаны: они доказываютъ, что уже въ XVII вѣкѣ предугадывали будущую

---

(57) Пам. Дипл. Сношѳ. I., 694. 695.

(58) *Puffendorfi*, De rebus gestis Caroli Gustavi. Lib. VII. § 5. *Herman*, Gesch. des russisch. Staats. vol. III.

судьбу Польши. Мы не знаемъ, по какимъ началамъ долженъ былъ произойти раздѣлъ, поэтому не можемъ опредѣлить взглядъ Россіи на это дѣловъ XVII-мъ вѣкѣ; во всякомъ случаѣ, уже одно существованіе мысли о раздѣлѣ есть фактъ многозначительный. Онъ показываетъ, что Россія сознавала два пути присоединенія Польши — въ цѣломъ ея составѣ и по частямъ; преимущество было отдано первому, но въ XVII вѣкѣ онъ исчерпанъ совершенно, оказалъ свою несостоятельность. — Вотъ главные вопросы, предоставленные русской дипломаціи XVII-го вѣка; оба они вели къ одной цѣли, дѣла съ Швеціею и Польшею имѣли одинъ исходъ: возвратить Россіи ея прежнее достояніе и чрезъ то дать ей владычество надъ двумя морями, потому что присоединеніе Малороссіи опредѣляло принадлежность Чернаго моря.

Съ другой стороны и въ дипломаціи, какъ во внутренней жизни, XVII-й вѣкъ представляетъ эпоху переходную. Конечно, реформа началась прежде Петра Великаго, — было сознаніе ея необходимости; Петръ явился продолжателемъ древней русской жизни, давши ей болѣе простора въ новыхъ формахъ, на новыхъ путяхъ, созданныхъ его геніемъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ начинается полное вступленіе Россіи въ общество Европейскаго народнаго права, Россія готовится уже стать во главѣ сѣверной системы государствъ, принимаетъ участіе въ дѣлахъ Европы, напр. гарантируетъ утрехтскій миръ и проч. Все это вызываетъ новыя требованія, новые вопросы, опредѣлившіе дальнейшую исторію Россіи.

Формы, въ которыхъ выражалась общая жизнь Россіи съ другими государствами.

Указанное нами общее направленіе русской дипломаціи необходимо должно было выразиться въ извѣстныхъ формахъ, въ которыхъ слагались и выяснялись начала междугосударственныхъ сношеній или законы Народнаго Права. Не всѣ формы встрѣчаемъ мы въ XVII-мъ вѣкѣ, — вызваны были только нѣкоторыя; тѣмъ не менѣе въ нихъ достаточно обозначилось участіе Россіи въ дѣлахъ Европы, сознаніе о ея принадлежности къ обществу государствъ европейскихъ.

Но прежде разсмотрѣнія этихъ формъ, предпошлемъ одно общее замѣчаніе.

Если справедливо, что развитіе каждой стороны духа человѣческаго выпало въ исторію на долю разныхъ народовъ, то нельзя не согласиться также, что въ самой сферѣ права, въ развитіи его частныхъ сторонъ, принимали не одинаковое участіе всѣ государства. Народы южные получили въ наслѣдіе отъ Рима вполнѣ законченную систему гражданскаго права, наложившую печать на всю ихъ частную жизнь; Англія особенно развивала сферу государственнаго права; разработываніе началъ Народнаго Права выпало на долю государствъ сѣверныхъ. Югозападная Европа не могла отрѣшиться отъ началъ Римскаго Права, подводя подъ него и отношенія государственныя; совсѣмъ другое было на сѣверѣ. Торговыя сношенія Нидерландовъ вызвали появленіе перваго сочиненія о Народномъ Правѣ голландца Гуго-Гроціуса; но самъ Гроціусъ былъ шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ, а сынъ его тоже швед-

скимъ посланникомъ въ Голландіи (59). Пуффендорфъ, послѣдователь Гроціуса и первый преподаватель Народнаго Права, началъ свое поприще также при шведскомъ посольствѣ (60), слѣд. разработка теоріи Народнаго Права началась при посредствѣ Швеціи. Эта теорія стала впервые прилагаться къ практикѣ также въ сношеніяхъ Швеціи: сочиненіе Гроціуса de jure belli ac pacis было постоянно въ рукахъ Густава Адольфа во время тридцатилѣтней войны; мы видѣли, какое участіе принимала Швеція въ мирѣ вестфальскомъ, актъ котораго составилъ первоначальный кодексъ Народнаго Права и послужилъ исходнымъ началомъ для его развитія. Вмѣстѣ съ преобладаніемъ на сѣверѣ, отъ Швеціи перешло къ Россіи и движеніе Народнаго Права; ей предоставлено было рѣшить многіе вопросы, бывшіе предметомъ долговременныхъ споровъ, — вспомнимъ Вооруженный Нейтралитетъ, который опредѣлилъ то, что̀ составляло неразрѣшимую задачу для Европы въ теченіи почти трехъ столѣтій. Если Россія своими внѣшними дѣйствіями часто рѣшала и рѣшаетъ спорные вопросы Народнаго Права, то и русская наука, взглядъ русскаго человѣка можетъ бросить свѣтъ на многіе предметы, которые

---

(59) *Уитонъ* справедливо замѣчаетъ о Швеціи: Ses diplomates furent publicistes et ses publicistes furent diplomates. Hist. du dr. des gens I, 128.

(60) *Пуффендорфъ* родился въ 1632, ум. въ 1680 г. Онъ былъ спачала воспитателемъ дѣтей шведскаго посланника въ Копенгагенѣ; въ 1658 г., въ началѣ войны Швеціи съ Даніею, *Пуффендорфъ* былъ взятъ Датчанами какъ плѣнникъ, — «cette infraction au droit des gens dans sa personne, dirigea l'attention du savant vers les bases, sur lesquelles les publicistes ont fondé l'obligation de ce droit» говоритъ *Уитонъ*. Hist. des progrés du dr. des gens. I, 128.

затемнены умозрѣніями; залогъ этого лежитъ въ самой исторіи Россіи, въ безпристрастной и вѣрной оцѣнкѣ событій и въ томъ живомъ пониманіи, который составляетъ черту нашего народнаго характера. — Съ этой точки зрѣнія, сношенія сѣверныхъ государствъ представляютъ особенный интересъ, потому что въ нихъ высказываются начала общей нравственности, независимо отъ юридическихъ опредѣленій. Такъ и Россія даже въ періодъ своей особенной жизни высказала нѣсколько такихъ положеній, которыя потомъ были оправданы исторіею и приняты всѣми государствами (61). Обратимся ко второй половинѣ XVII-го вѣка.

Первымъ шагомъ къ сближенію и общенію государствъ, первою ихъ формою служитъ *обвѣщеніе*. Государство, какъ никогда не умирающее юридическое лицо, представляется преемственно то однимъ, то другимъ государемъ; при этомъ часто возникаетъ вопросъ: имѣютъ ли силу обязательства, данныя умершимъ государемъ, и его наслѣдникъ вступаетъ ли во всѣ прежніе договоры? Пока не было сознано значеніе государства, до тѣхъ поръ вопросъ этотъ рѣшался отрицательно, трактаты заключались часто по смерть государя или на извѣстное число лѣтъ; съ установленіемъ же началъ права въ междугосударственныхъ сношеніяхъ всегда принимается за основаніе полная наслѣдственность обязательствъ; точно такъ же, какъ напр. государственный долгъ падаетъ не на извѣстныя только лица, а на всѣ будущія поколѣнія, и условія государственныхъ договоровъ должны быть исполняемы всѣми на-

---

(61) *Лешковъ*, О древ. русск. дипломаціи. Таковы право власти надъ моремъ, зауморщины и проч.

слѣдниками государя, заключившаго трактатъ; неотмѣненный договоръ eo ipso сохраняетъ свою обязательную силу (62). Но, съ другой стороны, измѣненіе трактатовъ, ихъ будущая судьба много зависитъ отъ царствующаго государя, что̀ особенно важно при вступленіи на престолъ новой династіи, по ея родственнымъ связямъ и по характеру ея представителей. По этому каждый вновь-вступившій государь извѣщаетъ всѣ Дворы о своемъ вступленіи, и при этомъ выражаетъ направленіе своей политики; извѣщеніемъ обозначается, съ какимъ государствомъ онъ вступаетъ въ болѣе тѣсныя связи, какихъ началъ онъ будетъ держаться. Наконецъ извѣщенія требуетъ политическая вѣжливость, которая имѣетъ мѣсто даже во время явновраждебныхъ отношеній между государствами (63).

Царь Алексѣй Михайловичъ послалъ съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ въ Англію, Данію, Швецію, Австрію, Польшу и Францію (64), слѣд. почти ко всѣмъ коронованнымъ лицамъ; только республики не обвѣщались царемъ русскимъ. Уваженіе къ государямъ и признаніе ихъ было такъ велико, что, по возстановленіи королевской власти въ Англіи, царь возобновилъ посольство:

---

(62) Toutefois, le silence seul, qu'on y a gardé par rapport à tel traité n'est pas une preuve de ce qu'il n'est plus obligatoire. Disputes entre la Russie et Suede après la paix d'Abo 1743. *Martens*, Precis du dr. des gens p. 122.

(63) Примѣръ этого мы знаемъ въ Русской Исторіи. Не смотря на войну съ Россіею, Ульрика-Элеонора извѣстила Петра Великаго о своемъ вступленіи на престолъ, а царь отвѣчалъ ей поздравленіемъ.

(64) Въ Англію-Моисей Спиридоповъ, въ Данію Вас. Апраксинъ, въ Швецію Скрябинъ, въ Польшу и Литву Образцовъ.

въ 1663 году князь Прозоровскій и Ордынъ-Нащокинъ были отправлены въ Лондонъ съ поздравленіемъ къ Карлу II (65). Всѣ посланники должны были подтвердить мирное расположеніе, братскую дружбу и любовь царя ко всѣмъ государямъ, которые съ своей стороны присылали также поздравительныя посольства. (66)

Но не одно поздравленіе имѣлось въ виду при посольствахъ: извѣщеніемъ опредѣлялся титулъ царя, а признавая его, иностранныя государства выговаривали себѣ извѣстныя привиллегіи торговыя, свободу богослуженія и проч., — всѣ вопросы между-государственныхъ сношеній рѣшались посредствомъ посольствъ. Во второй половинѣ XVII-го вѣка эти посольства были часты, потому что тѣснѣе уже сближалась Россія съ Европою, потому что нужно было рѣшить много вопросовъ, вызванныхъ этимъ сближеніемъ.

Другой вопросъ — *союзы*. Одни изъ нихъ общіе, какъ слѣдствія мирныхъ отношеній, другіе частные—для извѣстныхъ цѣлей. Что касается до первыхъ, то въ каждомъ мирномъ трактатѣ находимъ условіе о томъ, чтобы не помогать врагамъ (67), — и Россія строго сохраняла свою нейтральность. Такъ въ 1686 году она долго не соглашалась начать войну съ Турками, потому что съ ними заключено было перемиріе; такъ въ 1675 году, не смотря

---

(65) Опис. королей аглинскихъ. Др. Рос. Вивл. XVI, стр. 161.

(66) Курфирстъ бранденбургскій прислалъ Лудвига фонъ Принцена къ царю Петру I, поздравить его съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ чужихъ краевъ. П. С. З. N 1680.

(67) Ст. 16 Валіес.; 7, 8 и 9 Кардис.; 27 и 28 Андрус.; договоръ съ бранд. курфирстомъ, П. С. З. N 191.

на просьбы и происки бранденбургскаго курфирста, царь не согласился разорвать союзъ съ Швеціей (68). Всѣ эти союзы общіе, потому что не ограничивались ни цѣлью, ни срокомъ, имѣли силу до тѣхъ поръ, пока исполнялся трактатъ, ихъ установившій. Россія всегда чуждалась такихъ союзовъ, которыхъ смыслъ и предметъ не были опредѣлены; она старалась привести ихъ къ опредѣленности, сосредоточить въ одномъ дѣлѣ, направить къ извѣстной цѣли. Династическія притязанія государей, ихъ положеніе въ обществѣ Народнаго Права были чужды Россіи; она преслѣдовала свои собственные интересы, выставляла свое главное дѣло. Мы видѣли уже, въ чемъ состояли главныя задачи Русской Дипломаціи второй половины XVII вѣка; въ дѣлахъ съ Швеціею и Польшею союзы не могли оказать содѣйствія, потому что и то и другое государство было тѣснѣе соединено съ обществомъ европейскимъ, чѣмъ Россія; оставались дѣла съ Турціею, непризнаннымъ членомъ Народнаго Права, въ которыхъ интересы Россіи могли сойтись съ интересами другихъ государствъ. Вотъ почему главнымъ образомъ всѣ союзы заключались для дѣйствій противъ Турокъ. Эта цѣль стояла на первомъ планѣ въ сношеніяхъ Россіи; довольно прочитать нѣсколько статейныхъ списковъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Слухъ о силѣ Россіи прошелъ всюду; на Россію смотрѣли, какъ на государство, которое можетъ спасти Европу отъ вторженія страшныхъ въ то время Турокъ; вездѣ распрашивали русскихъ посланниковъ объ успѣхахъ царскаго оружія; мы видѣли, что Австрія въ сношеніяхъ своихъ съ Россіею

(68) П. С. З. N 565.

имѣла цѣлью привлечь ее къ общей войнѣ съ Турками. Россія вообще не довѣряла союзникамъ; неисполненіе договоровъ со стороны Польши повело ее къ такому недовѣрію; тѣмъ не менѣе мы знаемъ нѣсколько примѣровъ тому, что царь посылалъ къ окрестнымъ государямъ, съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ.

Въ 1672 году, по договору московскому, Россія обѣщала Польшѣ вспомогательное войско противъ Турокъ (69). Вслѣдствіе того посланы были генералъ Менезіусъ къ курфирсту бранденбургскому и къ папѣ, Андрей Виніусъ во Францію и Испанію, Украинцовъ въ Швецію и Голландію. Въ отвѣтъ на приглашеніе царя отозвались король шведскій и курфирстъ бранденбургскій; въ 1673 году пріѣхалъ отъ послѣдняго въ Москву посланникомъ Іоахимъ Скультеръ, который спрашивалъ «на какомъ основаніи Россія учинитъ Польшѣ помощь, къ которой также и курфирстъ бранденбургскій приступаетъ.» Въ отвѣтныхъ статьяхъ на это предложеніе (70), Посольскій Приказъ не даетъ прямаго обязательства, а вмѣсто того разсказываются подвиги противъ Татаръ; «и та помочь Его Царскаго Величества всѣмъ окрестнымъ Великимъ Государямъ явна.» Здѣсь же выставляется начало союза: въ дѣлѣ общемъ не нужно обязательствъ, всякій долженъ помогать по своимъ силамъ. «Его Царское Величество послалъ своихъ изящнѣйшихъ пословъ ко братской дружбѣ и любви къ Его Королевскому Величеству, а не по должности договоровъ къ окрестнымъ Великимъ Государямъ» слѣд. Россія не при-

(69) П. С. З. N 513.
(70) П. С. З. N 565.

нидаетъ на себя никакихъ обязательствъ въ союзѣ; она считаетъ войну съ Турціею общимъ дѣломъ и приглашаетъ сосѣдей употребить всѣ силы для него. Курфирстъ согласился на союзъ, однакожъ не предпринялъ ничего, ссылаясь на свою войну съ Франціею; Швеція по связи съ Франціею отказалась отъ союза, тоже сдѣлала Данія; посольство въ Австрію было также безуспѣшно. Въ другой разъ Россія приглашала европейскія государства къ общей войнѣ съ Турціею въ 1679 году: Чаадаевъ отправленъ былъ во Францію и Англію, Кривой-Бутурлинъ въ Вѣну и Берлинъ; знаменитый Монтекукулли совѣтовалъ императору принять этотъ союзъ, но Леопольдъ I не согласился на него, по представленію турецкаго посланника. Черезъ 7 лѣтъ послѣ того, Австрія, Бранденбургъ, Венеція и Франція согласились начать вмѣстѣ войну съ Турціею (71); по московскому договору Польша и Россія приступили къ этому союзу и постановили слѣдующія основанія его: 1) чтобъ не мириться порознь, а заключать миръ сообща; 2) тоже должны дѣлать и прочіе союзники; 3) положено пригласить къ союзу Англію, Данію и Голландію, 4) «одна сторона другой въ наступательную войну помочствовать не имѣетъ и сей нашъ нынѣшній договоръ имѣетъ быть оставленъ» (72). Въ союзномъ договорѣ съ Мальтійскимъ орденомъ встрѣчаемъ тоже начало: «наступательно

---

(71) «По желанію Цесарскаго Величества Римскаго и Королевскаго Величества французскаго и курфирста бранденбургскаго, также и рѣчи посполитой Веницейской начать войну съ Турціею,» ст. 10 Моск. 1686.

(72) Ст. 11 — 15 Моск. Въ 1687 году было заключено о томъ пять договоровъ съ Венеціею. — *Чижова*, Опис. бумагъ и пр. Въ томъ же году съ папою. Hist. Rus. Mon. II, N 121.

воевать, доколѣ вседержительная десница Божія поведетъ» (73). Въ договорѣ въ 1697 года между Россіею, Австріею и Венеціею находимъ еще новое условіе: въ случаѣ нападенія Турокъ на земли одного изъ союзниковъ, остальные должны помогать изгнанію общихъ враговъ (74) Издержки, употребленныя для войны въ пользу союзника, не вознаграждались (75).

Въ этихъ актахъ высказаны тѣ начала, которыхъ держалась Россія въ своихъ союзахъ; въ нихъ выражается та мысль, что государства, вступившія въ союзъ по взаимному соглашенію, а не по должности договоровъ, не принимаютъ на себя строгихъ обязательствъ, а обѣщаютъ помогать, сколько возможно. Кажется впрочемъ, что Россія не желала прямо войны съ Турціею и вступала въ союзъ только для выполненія своихъ обѣщаній; Россія не надѣялась на успѣхъ дѣла, въ которомъ были безплодны усилія всей Европы. Этимъ объясняется и неопредѣленность, общность положеній союза, не налагавшихъ прямой обязанности. Уже въ концѣ вѣка, въ московскомъ договорѣ 1686 года высказано болѣе опредѣленное правило, что союзъ дѣйствуетъ только въ оборонительной войнѣ, въ наступательной же не существуетъ обязанности подавать помощь. Это положеніе принято всѣми европейскими государствами въ позднѣйшихъ трактатахъ.

Болѣе тѣсное сближеніе выражается во *вмѣшательствѣ* Россіи въ дѣла другихъ государствъ (73). Пер-

(73) Древ. Рос. Вивл. V. 386.
(74) П. С. З. N 1569.
(75) П. С. З. N 1691, ст. 5.
(76) См. о вмѣшательствѣ *Heffter*, Das europ. Volkerrecht, 1848. стр. 90. *Wheaton* Elem. du droit internat. 1848. I, 77.

вымъ поводомъ къ такому вмѣшательству была религія: въ дѣлахъ Польши съ Малороссіею русскіе послы князь Рѣпнинъ и Хитровъ требуютъ удовлетворенія относительно свободы Православія; Россія дѣлала представленія шведскому правительству, по поводу жалобъ православныхъ въ Колывани на мѣстное начальство, которое не дозволяло имъ отправлять богослуженіе и даже отняло ключи отъ церкви; въ 1676 году посланникъ русскій приносилъ жалобу на то, что какой-то студентъ доказывалъ въ Генѣ на диспутѣ ложность Православной Вѣры, и шведское правительство сдѣлало его пасторомъ въ Ревелѣ (77); извѣстно наконецъ, что сочиненіе Флетчера было сожжено въ Англіи за дерзкіе отзывы о Православіи. Россія всегда стояла за своихъ единовѣрцовъ въ Польшѣ, и по московскому договору 1684 года она выговариваетъ безпрепятственность греческаго исповѣданія (78). Поляки боялись заводить религіозные споры въ присутствіи русскихъ пословъ; такъ, когда въ Львовѣ ученики латинскихъ школъ напали на русскую братскую школу, король наказалъ за такое безчинство потому только, что оно случилось «въ глазахъ Русскаго Министра, который изъ мухи готовъ сдѣлать слона» (79). Это вмѣшательство вытекало изъ сознанія Московскаго Государя, какъ представителя Православія; всѣ православные, въ чьемъ бы они подданствѣ ни были, находили защиту и покровительство Россіи; при Петрѣ I и Екатеринѣ II вопросъ о диссидентахъ былъ про-

(77) *Берхъ*, Царст. Θед. Ал. I, 24.
(78) П. С. З. N 1076, ст. 2.
(79) *Зубрицкаго*, Лѣтоп. Львов. Братства. см. Ж. М. Н. П. 1850, N 6.

Всесоюзная библиотека имени

долженіемъ того же начала, и противъ права такого вмѣшательства нигдѣ и никогда не было спора; вопросъ состоялъ только въ формѣ вмѣшательства (80). Естественно, что, при особенномъ религіозномъ развитіи Россіи, ея представленія о неприкосновенности и свободѣ греческаго исповѣданія были настойчивы и всегда кончались успѣшно.

За тѣмъ, Россія принимала участіе въ избраніи королей польскихъ, — явленіе, непрерывно продолжавшееся чрезъ всю нашу исторію. Основаніемъ дѣйствій Россіи въ этомъ случаѣ служили притязанія ея царей на престолъ польскій и самое устройство королевства, допускавшее вмѣшательство всей Европы: при общемъ стремленіи сосѣдей къ обладанію Польшею, Россія менѣе другихъ могла быть хладнокровною зрительницею событій, совершавшихся въ единоплеменномъ и сосѣднемъ ей государствѣ; исходъ избранія королей долженъ былъ имѣть прямыя послѣдствія для выгодъ Россіи и представлялъ вторженіе въ область ея права (81).

Наконецъ царь Алексѣй Михайловичъ вступился за Карла II, сына умерщвленнаго короля англійскаго и послалъ протестъ о томъ къ европейскимъ Дворамъ, представляя, что въ лицѣ Карла I нанесена обида всѣмъ государямъ (82). Царь называетъ Карла славнымъ мученикомъ (glo-

---

(80) Les puissances etrangères doivent se borner à de simples representations à l'amiable. Comme firent la Suède 1707 en faveur des Protestans en Pologne, comme le firent la Russie et l'Autriche en faveur des Dissidens en Pologne. *Martens*, pr. du dr. des gens. § 114.

(81) Объ участіи трехъ державъ въ избраніи королей польскихъ см. Recueil de *Martens*, IV, 139, 144, 587, 596.

(82) Еще раньше Янъ-Казиміръ просилъ у всѣхъ государей по-

rieux martyr) и спрашиваетъ о здоровьи вдовы его у англійскаго посланника (83); въ Россіи у Англичанъ отняты были всѣ торговыя привиллегіи за то, что они «всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего убили до смерти.» Здѣсь другое начало: не родство и не дружба, даже не опасеніе злаго примѣра заставляютъ защищать короля англійскаго; царь сознаетъ величіе своей власти, называетъ всѣхъ королей своими братьями любительными, и требуетъ вездѣ уваженія къ сану государя. Изъ этого естественно вытекало стремленіе вездѣ помогать самодержавію; «я удивляюсь—говоритъ Ордынъ-Нащокинъ—какъ короли Франціи и Даніи столь неблагоразумны и безразсудны, что отстаиваютъ и поддерживаютъ такихъ мужиковъ (т. е. голландцовъ) противъ англійскаго короля; лучше бы имъ соединиться съ остальными государями Европы, чтобъ уничтожить всѣ республики, которыя суть ничто иное, какъ матери заблужденій и возмущеній» (84).

Уже въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ 1717 году Россія приняла на себя *гарантію* мира утрехтскаго и обязалась дѣйствовать противъ всякаго, кто нарушилъ бы его, сперва

мощи «противъ бунтовщика Хмельницкаго—говоритъ польскій писатель—представляя, что то, что съ сего дня съ нимъ дѣлается, въ короткое время и съ ними дѣлаться будетъ.» Краткая ист. о бунт. Хмельницкаго и проч. въ «Чтеніяхъ» 1846, стр. 11.

(83) Relation de trois ambassades de Carlisle, Amst., 1672, стр. 87. Подобный примѣръ извѣстенъ и въ XVI вѣкѣ: царь приглашаетъ къ себѣ изгнаннаго королевича шведскаго Густава, скорбя, что «государскій сынъ во изгнаньѣ пребываетъ и дѣдичнаго своего королевства лишенъ.» Пам. Дипл. Снош. I, стр. 1382.

(84) *Коллинсъ*, О сост. Рос. въ «Чтеніяхъ» стр. 33.

переговорами и представленіями, а потомъ субсидіями и войскомъ (85). Въ XVII-мъ вѣкѣ до этой формы вмѣшательства Россія не дошла еще, потому что участіе ея въ дѣлахъ Европы не получило еще полнаго развитія.

Дозволяя себѣ вмѣшательство въ дѣла другихъ государствъ, Россія сама допускала только *посредничество* державъ европейскихъ въ своихъ дѣлахъ, иногда даже просила о немъ. Такъ Папа принималъ на себя посредничество между Россіею и Польшею (86); съ тою же цѣлью императоръ австрійскій присылалъ своего посла Мейербера; въ 1654 году царь послалъ во Францію извѣщеніе о начатіи войны съ Польшею, и просилъ о посредничествѣ; наконецъ въ актѣ андрусовскаго перемирія (ст. 12-ая) постановлено, чтобы, въ случаѣ безуспѣшности переговоровъ, «призвати государей христіанскихъ за посредники.» Всякій другой видъ вмѣшательства считался оскорбленіемъ величія царя, и Россія смотрѣла иногда неблагопріятно на представленія иностранныхъ государствъ; «также намъ кажется страннымъ, зачѣмъ часто присылаются къ намъ письма отъ короля англійскаго съ просьбою за частныхъ лицъ, какъ будто нашъ царь не довольно печется какъ объ русскихъ, такъ и объ иностранцахъ; рѣдко другіе государи обращаются къ намъ съ такими просьбами, кромѣ датскаго, у котораго онѣ, какъ слышно, дешевы,—не знаю что они стоятъ въ Англіи; да что намъ за дѣло до иноземцовъ и ихъ обычаевъ: ихъ платье не по насъ, и наше не по нихъ»— говорилъ Ордынъ-Нащокинъ (87). Впрочемъ частная прось-

(85) П. С. З. N 3098. *Martens*, Precis. p. 581.
(86) Hist. Rus. Mon. II, N 119, 120, 125.
(87) *Коллинсъ*, О сост. Рос., стр. 33.

ба иностраннаго государя уважалась царемъ,—здѣсь дѣйствовала не право, а милость; такъ, по просьбѣ бранденбургскаго курфирста малолѣтной княжнѣ Радзивиллъ возвращены были владѣнія ея отца (88). Сама Россія въ 1699 году согласилась быть посредницею между Пруссіею и Польшею, по случаю спора о городѣ Эльбингѣ, заложенномъ королями польскими курфирсту, по договору бамбергскому (89).

Начало вмѣшательства было въ это время общимъ въ Европѣ; его вызвала система политическаго равновѣсія. Summum jus summa injuria—говоритъ Фенелонъ; частное право наслѣдства или даренія должно уступить мѣсто естественному праву безопасности нѣсколькихъ государствъ; стремленіе удержать нѣкотораго рода равенство между сосѣдями утверждаетъ всеобщее спокойствіе (90). Это начало, высказанное наукою, соблюдалось всѣми: со временъ вестфальскаго мира не было ни одного событія въ Европѣ, въ которомъ не принимали бы участія нѣсколько государствъ, заинтересованныхъ рѣшеніемъ спора. Вмѣшательство не нарушаетъ неприкосновенности и самобытности государствъ; оно есть необходимое слѣдствіе общенія: если извѣстное явленіе можетъ благотворно или вредно отразиться въ какомъ-нибудь государствѣ, то, конечно, послѣднее имѣетъ право направить ходъ обстоятельствъ по требованію своей безопасности и развитія.

Въ отвѣтъ на вмѣшательство Россіи, сосѣднія государства заключаютъ съ нею договоры о невмѣшательствѣ: Тур-

(88) П. С. З. N 565, ст. 7.
(89) П. С. З. N 1680.
(90) Oeuvres de Fenelon. Paris, 1835. III, 361.

ція требуетъ, чтобы Россія не вмѣшивалась во внутреннія дѣла Польши; то же дѣлаетъ Швеція относительно себя въ XVIII вѣкѣ (91). Но такія условія противны исторіи; начала вмѣшательства всегда основываются на трактатахъ, необходимо вытекаютъ изъ ихъ исполненія; если напр. извѣстнымъ договоромъ опредѣляется вѣротерпимость, то какимъ образомъ можетъ быть остановлено ея нарушеніе, если не взаимнымъ контролемъ договаривающихся сторонъ? Если сравнить число недоумѣній и споровъ, рѣшенныхъ мирными представленіями и протестами, съ тѣми, которые были рѣшены войною, то, конечно, огромный перевѣсъ будетъ на сторонѣ первыхъ; вмѣшательство прекращаетъ въ самомъ началѣ то, что̀ въ дальнѣйшемъ развитіи повело бы къ нарушенію мира, слѣд. обоюдный интересъ государствъ допускаетъ вмѣшательство, лишь бы оно не переходило границъ права.

Въ половинѣ XVII-го вѣка извѣстно посольство, предметомъ котораго было *бракосочетаніе* царевны Ирины Михайловны съ датскимъ принцомъ Вольдемаромъ; дѣло не состоялось, потому что не рѣшенъ былъ важный вопросъ о Вѣрѣ; принцъ пріѣхалъ уже въ Россію, но смерть царя Михаила Ѳедоровича и холодность, возникшая между Дворами русскимъ и датскимъ, положили конецъ переговорамъ: Вольдемаръ (принцъ Гильденлеве) выѣхалъ изъ Россіи въ 1645 году, по приказанію царя Алексѣя Михайловича (92).

Выше замѣчено, что Россія не принимала участія въ системѣ политическаго равновѣсія. Ея война съ Швеціею и помощь Польшѣ въ 1655 году объясняются тѣми обѣ-

(91) П. С. З. N 3731. Ништад. миръ, ст. 7.
(92) Дворцовыя Записки, I, 273.

щаніями, которыя давала царю Польша. Не во имя идеи, не изъ страха за сосѣдство сильнаго государства, дѣйствовалъ царь русскій,—онъ имѣлъ въ виду настоящее. Проводниками системы были Австрія и Данія; точно также Австрія противилась избранію царя Алексѣя Михайловича въ короли польскіе, изъ опасенія, чтобы Россія не сдѣлалась опасною для Германіи.

Всѣ прочіе вопросы междугосударственныхъ сношеній, рѣшавшіеся въ Европѣ въ XVII вѣкѣ, не имѣли приложенія къ Россіи. Таковы всѣ вопросы морскаго права: обладая только Бѣлымъ моремъ, плаваніе по которому не оспаривилось никѣмъ, Россія не была причастна спорамъ, породившимъ въ Европѣ множество трактатовъ и ученыхъ сочиненій, и не рѣшеннымъ окончательно до изданія Вооруженнаго Нейтралитета. Они имѣли только то значеніе для Россіи, что изданный въ 1681 году законъ о мореплаваніи Лудовика XIV принятъ у насъ, и существуетъ до сихъ поръ, какъ источникъ права (93). Правило, высказанное Борисомъ Годуновымъ: «море-окіанъ путь Божій» принималось и въ XVII вѣкѣ (94).

И такъ, возстановленіе исконныхъ границъ и морскія пристанища—вотъ тѣ цѣли, которыя преслѣдовала Россія въ своихъ сношеніяхъ съ западною Европою; обвѣщенія, посольства, союзы и вмѣшательство—вотъ выраженія ея дипломаціи. Что же вызывало общеніе Россіи, какіе вопро-

---

(93) XI Томъ Свода Уст. Торг. ст. 1149.

(94) Эта мысль была высказана еще прежде Бориса. «И у насъ есть Богомъ дарованная дорога окіяномъ-моремъ» говорилъ Николай Варкочъ. Пам. Дипл. Сношѳ. I., 1335.

сы рѣшались имъ? Прежде всего нужно было *признаніе* титула государя и границъ государства; начало *взаимности* опредѣляло положеніе иностранцовъ въ Россіи; въ рѣшеніи споровъ нужно было обозначить способъ веденія *войны*. Вотъ тѣ частные вопросы, разсмотрѣніе которыхъ представляется само собою при изслѣдованіи Дипломатическихъ Сношеній Россіи съ западною Европою, во второй половинѣ XVII-го вѣка.

Но прежде изложенія частныхъ вопросовъ дипломаціи, необходимо опредѣлить ея орудія. Всѣ дипломатическія сношенія ведутся посредствомъ особенныхъ, уполномоченныхъ къ тому, лицъ, которыя имѣютъ особенный характеръ, зависящій отъ важности порученія имъ даннаго. Эти лица суть послы и посланники.

Послы и посланники (95). Во второй половинѣ XVII-го вѣка сношенія Россіи съ иностранными государствами чрезъ пословъ достигаютъ широкаго размѣра. Это доказывается и числомъ статейныхъ списковъ (около 200), и частыми пріѣздами чужеземныхъ посольствъ въ Россію: почти ни одно изъ нихъ не оставалось безъ отвѣта; въ Москвѣ, конечно случайно, по временамъ образовывался цѣлый дипломатическій корпусъ,—въ одно время съѣзжались послы разныхъ государствъ. Скультетъ говоритъ, что въ 1675 году было при дворѣ царя Алексѣя Михайловича восемь посланниковъ; то же извѣстіе находимъ у Карлиля; на банкетѣ у Лефорта присутствовало также нѣсколько пословъ (96).—Кромѣ продолженія прежнихъ сношеній, въ XVII-мъ

(95) *Martens*, § 185. *Klüber*, § 177. *Wheaton*, I. 188. *Heffter*, 346.
(96) Др. Рос. Вивл. V. 430. Rel. de tr. ambas. p. 112. *Голикоевъ*, Дѣян. Петра Вел. XIII. 99.

вѣкѣ впервые было отправлено посольство въ Венецію, въ 1657 году, и въ Испанію, черезъ десять лѣтъ послѣ того (97).

Всѣ эти посольства были чрезвычайныя, и по необходимости повторялись часто, потому что для каждаго порученія назначалось новое посольство, которое тотчасъ по исполненіи возложенныхъ на него дѣлъ, возвращалось въ Отечество. Послы русскіе не жили при иностранныхъ дворахъ. Постоянныя посольства начинаются только въ XVIII-мъ вѣкѣ; въ Англіи, въ 1709 году уже возникло дѣло объ оскорбленіи русскаго посланника Матвѣева, слѣд. съ 1707 года было постоянное посольство; во Франціи—съ 1717 года, когда прибыли въ Россію полномочный министръ Кампредонъ и Виллардо въ качествѣ консула; первый русскій консулъ въ Кадиксѣ, Яковъ Евреиновъ, былъ отправленъ туда въ 1723 году (98). Впрочемъ изъ отвѣтныхъ статей посольскаго Приказа, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ № 1680, можно заключить, что и въ XVII-мъ вѣкѣ, именно въ 1699 году, русскій резидентъ имѣлъ постоянное пребываніе въ Польшѣ. Вотъ подлинныя слова акта: «Царь указалъ послать свою Царскаго Величества грамоту и къ посланнику и Резиденту своему въ Коронѣ Польской въ сіе время будучему, чтобъ онъ Королевскому Величеству Польскому именемъ Его Царскаго

(97) «Отъ Царскаго Величества къ князю нашему и ко владѣтелемъ пословъ и посланниковъ прежъ сего не бывало, то дѣло новое.» — «По сіе число ссылокъ не бывало.» Др. Рос. Вивл. IV. 233, 365.

(98) *C. Martens.* Causes célèbres du droit des gens. Leipz. 1827. I. p. 47 sqq. Отеч. Зап. 1823. Ч. XV, стр. 402.

Величества предложилъ", и проч. (99). Выраженіе *въ сіе время будучему* указываетъ ясно, что посланники русскіе жили постоянно въ Польшѣ; еслибъ это была случайность, т. е. если бы только во время составленія отвѣтныхъ статай кто-либо изъ Русскихъ былъ при дворѣ польскомъ, то актъ указалъ бы именно на лицо посланника; «въ то время будучему»—значитъ, лицо было неизвѣстно, а мѣсто посланника непремѣнно. Изъ словъ акта можно заключить, что русскій резидентъ дѣйствовалъ на правѣ посланника, предлагалъ посредничество отъ имени Царя, былъ ministre caracterisé, но подробнѣйшее опредѣленіе его правъ неизвѣстно. Мы знаемъ, что въ половинѣ XVII-го вѣка всѣ дѣла польскія были извѣстны въ Россіи черезъ лазутчиковъ и другихъ лицъ, посылаемыхъ тайно пограничными воеводами русскими; послѣдніе доносили обо всемъ подробно въ Посольскій Приказъ. Таковы вѣсти о ратныхъ дѣлахъ и отписки воеводъ съ распросными рѣчами лазутчиковъ и выходцовъ изъ-за границы (100).

Посольства служили орудіями для рѣшенія всѣхъ вопросовъ между-государственныхъ сношеній; сюда относятся: извѣщеніе о вступленіи на престолъ, увѣренія въ дружбѣ, заключеніе торговыхъ условій, заемъ денегъ и проч., — однимъ словомъ, посольства являются единственными орудіями дипломаціи, главнымъ двигателемъ въ сближеніи государствъ. Кромѣ исполненія порученій, посольства служили средствомъ для обоюднаго изученія государствъ. Мы знаемъ, что иностранные послы дѣлали

(99) П. С. З. Томъ III, стр. 610.
(100) Доп. къ Акт. Ист. IV N 50. Симбирск. Сборн. Малорос. дѣла N 115, 140 и проч.

описаніе Россіи; точно также и наши посланники старались узнавать отношенія между европейскими государями; они изучаютъ ихъ титулы (101), описываютъ ихъ образъ жизни, наконецъ описываютъ ходъ и положеніе европейской дипломаціи: при каждомъ статейномъ спискѣ, начиная съ 1667 года, находимъ дополнительныя статьи о томъ «съ какимъ государствомъ короли въ дружбѣ, съ кѣмъ ссылаются и какихъ государствъ резиденты и по скольку живутъ» (102).

Послы дѣлились на три рода: пословъ, посланниковъ и гонцовъ. Такое раздѣленіе находимъ у Коташихина и у Олеарія (103); но различіе это основывалось не на существенномъ значеніи того или другаго ранга, а на большей или меньшей свитѣ посла. Послѣднее обстоятельство было причиною, что только къ королямъ шведскому и польскому посылались послы, а къ прочимъ посланники: большая свита пословъ требовала слишкомъ значительныхъ издержекъ, а потому они посылались только въ ближайшія государства; „къ цесарскому величеству Римскому вели-

(101) И далъ бы секретаріусъ списать при себѣ титлъ цесаря Римскаго, Французскаго, Англинскаго, Датскаго, Польскаго, Свейскаго королей и иныхъ государствъ государи какъ въ грамотахъ своихъ имена свои и титла пишутъ. Др. Рос. Вивл. IV, 263.

(102) Др. Рос. Вивл. IV, 441, 359. — А тамошнихъ всякихъ вѣстей провѣдывать и какихъ вѣстей провѣдаетъ, и то писать въ статейный списокъ, въ дестовыя тетради. Нижег. Губ. Вѣд. 1846. N 26.

(103) *Коташихинъ*, о Россіи гл. IV. *Олеарій*, стр. 245: ein klein Gesandter oder poslannik.—Ablegati и legati различаются всегда. Желябужскій удивляется, что Мейербергъ былъ только *посланникъ*, между тѣмъ какъ ему велѣно принимать *посла*. Путеш. Мейерб. прим. 6.

кіе послы не посылаваны давно, — говоритъ Коташихинъ, — потому что дальней проѣздъ, чрезъ многіе разные государства, и посламъ великимъ въ дорогѣ будетъ много шкодъ и убытковъ; а посылаются къ цесарю посланники.» При отсутствіи постоянныхъ посольствъ, дѣйствительно, частыя посылки составляютъ огромныя издержки, тягостныя для государства, и мы знаемъ, что не одна Россія обращаетъ вниманіе на этотъ разсчетъ (104). Если обратимъ вниманіе на то, что императоръ римскій никогда не ставился Россіею ниже короля польскаго, а между тѣмъ къ нему посылались только посланники, то увидимъ ясно отсутствіе существеннаго различія между обоими рангами пословъ; оно обусловливалось чисто-внѣшними обстоятельствами. Впрочемъ и настоящее раздѣленіе пословъ на четыре ранга, опредѣленное на конгрессахъ Вѣнскомъ и Ахенскомъ, основывается также больше на внѣшнемъ церемоніалѣ, чѣмъ на существенномъ различіи въ характерѣ пословъ (105).

По естественному, нравственному чувству, всякій посланный отъ кого-либо, какъ лицо, которому пославшій оказываетъ извѣстную степень довѣрія, пользуется уваженіемъ: оскорбить посла значитъ оскорбить пославшаго. Посланный извѣщаетъ радостное или горестное событіе, его уважаютъ во имя той вѣсти, которую онъ приноситъ. Если и въ частной жизни добрый вѣстникъ принимается всегда съ честью, является какъ бы виновникомъ общаго веселья, то тѣмъ болѣе уваженія должно быть оказываемо лицу, ко-

(104) Мнѣніе Аббата Скарлати. Hist. Rus. Mon. II. N 115.

(105) Объ этомъ см. Пинейро-Феррера въ примѣч. 12 и слѣд. во 2-мъ томѣ Precis du droit des gens, par G. Martens. Paris, 1831.

торое объявляетъ миръ всему государству, побѣду, прекращеніе язвы, приращеніе государственной казны и проч. Это первое значеніе посла, какъ вѣстника, и, смотря по различію извѣстій, измѣняется почесть и награда послу. При такомъ взглядѣ на значеніе посла объясняется, почему посланникъ, пріѣзжавшій съ дурными вѣстями, подвергался оскорбленіямъ; такъ напр. въ Литвѣ русскихъ пословъ принимали съ честію, когда они пріѣзжали съ извѣстіемъ о мирѣ, и оскорбляли ихъ, когда они объявляли войну; точно также во внутренней жизни государства цари приказывали стричь бороды посламъ, пріѣзжавшимъ съ дерзкими предложеніями отъ строптивыхъ областей: изъ Новгорода, Пскова. Когда къ Хмѣльницкому пріѣхали послы отъ короля польскаго съ враждебными предложеніями, гетманъ въ гнѣвѣ приказалъ было выгнать ихъ съ безчестіемъ; тогда посланные отвѣчали: «не на что гнѣваться; мы послы, что́ ослы, то приносимъ, что на насъ положено и приказано» (106). Въ этомъ уже высказывается другой взглядъ на посла: онъ есть только орудіе воли пославшаго и не отвѣчаетъ за извѣстіе, которое ему поручено передать; съ какимъ бы извѣстіемъ ни пріѣхалъ посолъ, онъ имѣетъ право на уваженіе, долженъ быть изъятъ отъ дѣйствія страсти, во имя своего собственнаго значенія. Это право неприкосновенности мы встрѣчаемъ уже подъ конецъ XVII вѣка: оскорбленіе посла есть преступленіе противъ народнаго права (107). Но переходныя эпохи, время зачинанія

---

(106) Кратк. Ист. о бунт. Хмѣльн. въ „Чтеніяхъ“ стр. 11.

(107) Тамъ же. стр. 18: «Хмѣльницкому хотѣлось взять пословъ въ плѣнъ; такъ бы и поступилъ, если бъ хацъ, *сохраняя народное право*, не отослалъ ихъ въ станъ.» — Русскаго посла въ

какого нибудь положенія, представляютъ всегда неустановившееся понятіе, которое колеблется между старымъ началомъ и новымъ, еще не получившимъ полнаго перевѣса. Такъ и въ XVII-мъ вѣкѣ, не смотря на общее сознаніе, всякій разъ должно было заключать договоръ о неприкосновенности пословъ: «и о посольскомъ ихъ съѣздѣ велѣно бываетъ договариваться, что имъ посломъ другъ съ другомъ съѣхатися и разъѣхатися волно было, хотя и добраго ничего не учинится, и другъ на друга зла никакого не мыслити, и не подыскивати и мыслити не велѣть ни кому» (108). Поэтому и въ трактатахъ находимъ условія о безопасности пословъ: при ихъ съѣздахъ всегда назначался охранный караулъ (109). Должно думать, что такія условія были слѣдствіемъ прежняго взгляда на значеніе пословъ; въ XVII-мъ вѣкѣ мы не знаемъ ни одного примѣра, когда бы неприкосновенность пословъ была нарушена.

Что же касается до характера ихъ полномочія, то у насъ существуетъ мнѣніе о полномъ представительствѣ русскихъ посланниковъ въ древней Руси. Такой взглядъ намъ кажется несправедливымъ; мы думаемъ, что и въ XVII-мъ вѣкѣ Россія не дошла еще до полнаго представительства посланниковъ. Посолъ былъ только лицемъ, передающимъ волю государя. Своею властью онъ не могъ утвердить договора, а только передавалъ окончательный результатъ своихъ переговоровъ царю: «и мы о томъ ска-

---

Турціи приговорили къ смерти, и приговоръ этотъ, *явно нарушающій народное право*, былъ бы исполненъ, если бъ не визирь.“ Лѣтоп. Ник. Костина, Ж. М. Н. П. 1847. N 1, стр. 38.

(108) Коших. IV, 22.

(109) Запись 1661. П. С. З. N 292; ст. 5. Также запись 1664. П. С. З. N 357.

жемъ Его Царскому Величеству, какъ Богъ дастъ увидимъ его свѣтлыя очи» — такія выраженія безпрерывно встрѣчаемъ въ статейныхъ спискахъ. Въ самыхъ наказахъ посольскихъ посламъ запрещено было не только заключать договоръ, но даже дѣлать предварительныя постановленія: «мы, господине, у государя своего люди молодые, почему намъ вѣдати, какъ пригоже.... то вѣдаетъ государь нашъ» (110). Наконецъ Коташихинъ ясно свидѣтельствуетъ, что послы не имѣли прямаго уполномочія: «а прямаго истиннаго наказу и указу на посольскіе съѣзды посломъ своимъ вѣдати не дадутъ, до тѣхъ мѣстъ, какъ они съѣдутся съ другими послами, и что съ ними чужеземскіе послы поговорятъ. И будутъ въ чемъ упорно стоять, и они о томъ пишутъ къ Москвѣ, что чужеземскіе послы стоятъ упорно и гораздо спѣсивы и неподатны, что имъ безъ прямаго подлиннаго указу дѣлать не по чему; и къ нимъ посылаютъ наказъ тайный *въ то время, какъ отпишутъ*» (111). Изъ этого видно, что вѣрющія грамоты не простирались на заключеніе договора, а только указывали на довѣренность царя, чтобъ съ такимъ-то лицомъ вести переговоры. «А закрѣпить намъ договорныя статьи безъ указа Великаго государя не мочно» (112).

Въ подтвержденіе высказанной нами мысли, приведемъ еще слѣдующее. Въ Памятникахъ Дипломатическихъ сношеній (томъ I, стр. 1323, 4) читаемъ: «то дѣло не статочное, что Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу,

(110) Пам. Дипл. Снош. 1, стр. 338.
(111) Коших. IV. 20, 21.
(112) Др. Рос. Вивл. IV. 502.

Его Царскому Величеству, посылать къ Цесарю напередъ пословъ своихъ: изначала у Великихъ Государей нашихъ, Царей Россійскихъ ведется, что послы ото всѣхъ Великихъ Государей напередъ приходятъ къ Государю нашему, и докончанье или перемирье приговариваютъ, будучи у государя; а послѣ государевы послы ходятъ ко всѣмъ Государемъ, и у нихъ то перемирье или докончанье закрѣпляютъ. И посолъ Миколай (Варкочь) говорилъ: «въ томъ воля Государева.» Изъ этого можно заключить, что всѣ дѣла важныя рѣшались въ Москвѣ, слѣд. самимъ Царемъ; посланники, имѣя въ виду приговоръ царскій, отправлялись къ иностраннымъ дворамъ только для подтвержденія этого рѣшенія, сами же не имѣли права сдѣлать первый шагъ къ договору, слѣд. не имѣли уполномочія. По свидѣтельству Флассана, посолъ русскій при дворѣ Лудовика XIV, въ 1681 году, не могъ успѣть въ своихъ дѣлахъ, по причинѣ чрезвычайной ограниченности инструкцій. Наши послы всегда уклонялись отъ тѣхъ отвѣтовъ, которыхъ они не могли дать на основаніи своихъ полномочій. Примѣръ этого находимъ въ договорѣ, заключенномъ въ Кенигсбергѣ, въ 1697 году; послы бранденбургскіе 2-ю статьею предлагаютъ общій союзъ съ Россіею,—посолъ русскій Лефортъ обѣщаетъ союзъ въ войнѣ съ Турціею; 3-я статья заключаетъ условіе, чтобы Россія гарантировала прусскія владѣнія бранденбургскому Дому, — Лефортъ даетъ уклончивый отвѣтъ, говоря, что эта статья имѣетъ быть въ той же силѣ, какъ 2-я, т. е. что Россія будетъ воевать противъ враговъ Курфирста въ томъ случаѣ, когда этотъ врагъ будетъ союзникомъ Турокъ (113).

(113) П. С. З. N 1586.

Приведемъ еще одно выраженіе изъ статейнаго списка посольства Потемкина въ Испанію въ 1667 году, относящееся собственно къ церемоніалу. Когда русскіе посланники вошли въ палату, король испанскій снялъ шляпу во время отвѣтнаго поклона, но потомъ тотчасъ надѣлъ ее и стоялъ въ шляпѣ въ то время, когда посланникъ говорилъ царскій титулъ. На замѣчаніе Потемкина (сдѣланное на основаніи наказа) «ближній человѣкъ, Дворецкій Маркезъ де Антона говорилъ: какъ де вы, посланники Царскаго Величества, вошли въ палату, и Королевское Величество шляпу снялъ въ то время для Брата своего, Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, а не для васъ посланниковъ» (114).

Такое замѣчаніе во первыхъ намекаетъ на то, что русскіе послы не сознавали своего представительства, дѣйствовали буквально по наказу; во вторыхъ, по свидѣтельству Викфора, въ XVII-мъ вѣкѣ существовало правило, что до тѣхъ поръ, пока посланникъ не получитъ позволенія надѣть шляпу, онъ не признавался въ своемъ характерѣ посланника, не былъ еще ministre caracterisé; а послы русскіе во все продолженіе аудіенціи стояли съ непокрытыми головами. Конечно, это обстоятельство само по себѣ не важно; но оно показываетъ взглядъ иностранныхъ дворовъ на значеніе русскихъ посланниковъ и имѣетъ силу въ связи съ другими доказательствами, представленными выше.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, мы думаемъ, что посланники наши въ XVII вѣкѣ не были облечены правомъ полнаго представительства. Этому мнѣ-

---

(114) Древ. Рос. Вивл. IV. 390.

нію, съ перваго раза, кажется, противорѣчатъ встрѣчающіяся иногда въ нашихъ актахъ выраженія: «и что отъ насъ (Государя) говорили, то наши рѣчи» (115). Но такія выраженія означаютъ только, что царь давалъ изустное наставленіе лицамъ, которыя говорили отъ его имени съ иностранными послами въ Москвѣ; это были посредники въ переговорахъ, а не послы. Принцъ фонъ-Бухау говоритъ объ этомъ ясно: «Царь разсмотрѣлъ всѣ статьи нашего посольства, и сносился съ нами черезъ первѣйшихъ своихъ сановниковъ; а потому, что они говорили намъ, мы должны почитать, какъ бы слышанымъ изъ устъ его» (116), т. е. царь дозволялъ вести переговоры съ извѣстнымъ лицомъ. Еще важнѣе кажется противорѣчіе въ слѣдующихъ словахъ: «и нынѣ съ тобою говоримъ, какъ съ нимъ же съ самимъ съ своимъ братомъ, *занеже всякъ посланникъ государя своего образъ носитъ* (117). Но это можно объяснить тѣмъ, что русскій царь, увѣренный въ крѣпости своего слова, не всегда былъ увѣренъ въ прочности переговоровъ, веденныхъ чрезъ посредство пословъ иноземныхъ, а потому и старался придать имъ характеръ полнаго представительства и полной отвѣтсвенности. У насъ же въ посланники избирались большею частію незнатные, — почти всегда стольники и никогда бояре, — а этимъ лицамъ не легко было дать полную довѣренность царскую: самый взглядъ правительства на подданныхъ въ то время служилъ этому препятствіемъ. Наконецъ замѣ-

(115) Пам. Дипл. Снош. 1. 1353.

(116) Объ иностр. посл. въ Россіи Ж. М. Н. П. 1815. N 1., стр. 55.

(117) Пам. Дипл. Снош. 1. 275.

тимъ, что всѣ выраженія, приведенныя нами прежде, относятся къ XVII-му вѣку, между тѣмъ какъ послѣднія къ XVI-му.

И такъ, каждый посланникъ пользовался правомъ неприкосновенности, но не имѣлъ полнаго представительства. Переводя это на теперешній языкъ, можно сказать, что наши посланники были ambassadeurs, потому что посылались отъ государя къ государю, но по своему значенію равнялись съ chargé d'affaires.

Кромѣ неприкосновенности, права пословъ состояли въ слѣдующемъ: 1) послы могли проѣзжать безпрепятственно (118); 2) имущество посланниковъ было свободно отъ пошлинъ (119); 3) посламъ давались подводы и кормъ (120), но впослѣдствіи вмѣсто корму опредѣлены денежныя выдачи посланникамъ втрое, а гонцамъ въ десять разъ меньше, чѣмъ посламъ; 4) послы имѣли право пріѣзжать со свитою, величина которой опредѣлялась различно: по договору андрусовскому свита пословъ опредѣлена во 100 человѣкъ, посланниковъ въ 30 и гонцовъ въ 10 человѣкъ (статья 20). При послахъ находились купцы во все время посольства. Въ замѣнъ этихъ правъ, посланники обязывались не подговаривать и не вывозить съ собою людей (121); они не имѣли также права возить съ собою товары и про-

---

(118) Др. Рос. Вивл. IV, 288. И посламъ вездѣ пропускъ бываетъ безъ задержанья, а то вы намъ въ томъ чините безчестье.

(119) И съ того бъ имать пошлину, нигдѣ такъ не бываетъ не только въ христіанскихъ, и въ мусульманскихъ государствахъ. Др. Рос. Вивл. IV. 462, 507.

(120) Ст. 5 Кардис.; ст. 20 Андрус. П. С. З. N 1076, 1088; ст. 26 Моск.

(121) Ст. 27 Моск. Пам. Дипл. Сн. 1, 1413.

давать ихъ, «для того, что съ дѣломъ великаго Государя будучи, посланникомъ торговать къ безчестью, и бываютъ ссоры, отъ чужеземцовъ посмѣхъ (122).»

Изъ этого обозрѣнія видно, что права пословъ были незначительны. При отсутствіи постоянныхъ посольствъ иначе и быть не могло: пребывая только временно въ чужомъ государствѣ, посолъ не нуждался ни въ чемъ, кромѣ неприкосновенности собственной особы и своей свиты; только постоянныя посольства вызвали подробное и точное опредѣленіе посольскихъ правъ.

Изъ сказаннаго видно, что во взглядѣ на значеніе пословъ Россія расходилась съ остальными государствами Европы; поэтому считаемъ нужнымъ остановиться нѣсколько на этомъ предметѣ, чтобы доказать справедливость высказанной нами выше мысли о значеніи XVII-го вѣка въ исторіи русской дипломаціи. Для этого бросимъ взглядъ на образованіе посольской власти и на ея силу, въ разсматриваемый нами періодъ времени, въ западной Европѣ.

Еще Генрихъ IV французскій говорилъ, въ 1605 году, послу испанскому: la coutume, qui autorise l'envoi *des espions*, *sous le nom honorable d'ambassadeurs*, chez les souverains, avec qui l'on est en paix, ne leur permet pas de faire des hostilités (123). Обычай этотъ образовался по примѣру папъ, которые первоначально, какъ верховные судьи государей, имѣли при всѣхъ Дворахъ европейскихъ своихъ нунціевъ; послѣдніе извѣщали главу католическаго міра обо всѣхъ важныхъ событіяхъ, клонившихся къ ослабленію папской власти, чтобы папы могли заблаговременно

(122) Сынъ Отеч. 1850. № 9, стр. 8. Тайн. наказъ Потемкину.
(123) Causes cel. II. 375.

принять свои мѣры. Можетъ быть, значеніе нунціевъ, какъ духовныхъ лицъ, давало имъ особенную власть, которая впослѣдствіи перешла и къ другимъ посламъ, представителямъ священной особы государя. Къ этому присоединилось естественное убѣжденіе о томъ, что лицо, имѣющее сообщить тайну отъ одного государя другому, должно быть уважаемо, какъ секретный повѣренный монарха, знающій его задушевныя мысли и убѣжденія. Это послѣднее правило существовало искони вѣковъ, почему послы всегда ссылаются на примѣръ древнихъ народовъ. Конечно, такая ссылка не имѣла основанія, потому что посольства получаютъ свой настоящій характеръ только въ новой исторіи, когда стало возможнымъ совмѣстное существованіе государствъ на равныхъ правахъ, когда слѣд. необходимо было слѣдить за дѣйствіями сосѣдей, прямо или посредственно вліявшихъ на судьбу народа. Посолъ древности былъ гонецъ, передававшій порученія своего государя; посолъ новыхъ временъ сталъ лицомъ, дѣйствующимъ за государя, посредствующимъ звеномъ въ общей жизни Европы. XVII-й вѣкъ представляетъ періодъ самаго широкаго развитія посольской власти; опираясь съ одной стороны на преданія древности, съ другой на привилегіи, которыми государства старались подкрѣпить шаткость главнаго основанія, послы предъявили такія требованія, которыя съ перваго раза шли въ разрѣзъ съ самобытностью государства. Для примѣра приведемъ инструкцію, данную въ 1692 году графу д'Аво, французскому послу при шведскомъ Дворѣ; онъ долженъ былъ доносить о лицахъ, чрезъ посредство которыхъ велъ переговоры, о внутреннемъ состояніи Швеціи, о характерѣ государя и его министровъ

и вообще описывать королевство во всѣхъ отношеніяхъ (124). Понятно, что такія требованія не могли быть приняты всѣми государствами. Къ этому присоединились злоупотребленія власти пословъ, которые, пользуясь правомъ неприкосновенности, позволяли себѣ дѣйствія, несогласныя съ достоинствомъ государей, при Дворѣ которыхъ они жили. Не проходило почти ни одного года, чтобы въ томъ или другомъ государствѣ не было протеста противъ такой безграничной власти; стоитъ только внимательно разсмотрѣть Causes célèbres du droit des gens, барона Мартенса и Nouvelles causes célèbres того же издателя, чтобъ убѣдиться въ томъ, что государства путемъ опыта сознавали неприложимость отвлеченнаго начала неприкосновенности пословъ, завѣщанной Европѣ древнимъ міромъ и ложно принятой отъ него. Можно сказать, что права пословъ въ западной Европѣ имѣли широкій размѣръ только въ отвлеченности; уже одно установленіе частныхъ привилегій, выговариваемыхъ тѣмъ или другимъ государемъ въ пользу своихъ пословъ, указываетъ на несостоятельность старыхъ преданій, на недостатокъ общаго убѣжденія въ нихъ. Всѣ споры о посольской власти кончались въ пользу новаго взгляда, вытекавшаго изъ понятія о совмѣстной независимости государствъ.

Ни одна изъ означенныхъ причинъ, способствовавшихъ развитію притязаній пословъ, не существовала въ Россіи; въ ней не было ни преданій древняго міра, ни власти папъ, ни феодальныхъ воспоминаній; поэтому и посольская власть

---

(124) *Flassan*, Hist. de la dipl. franç. IV. 169. Guide dipl. de *C. Martens*, Brux. 1838. I., 66.

не могла въ Россіи получить такого развитія, какъ въ остальной Европѣ: она основывалась на личномъ довѣріи царя, степень котораго не могла быть всегда одинакова. Но мало по малу и въ западной Европѣ безусловность посольской власти приводилась въ свои настоящія границы, всѣ частныя привиллегіи уничтожаются; это явленіе идетъ черезъ весь XVII-й вѣкъ, такъ что въ XVIII-мъ столѣтіи, когда Россія приняла европейское посольское право, послѣднее потеряло уже много своей прежней безграничности: оно приблизилось къ тому положенію, которое существовало современно въ Россіи. Поэтому и здѣсь обѣ дипломаціи — русская и западноевропейская — приходятъ къ одному и тому же явленію. Доказательствомъ этому служитъ примѣръ Матвѣева, русскаго посланника при англійскомъ Дворѣ; въ 1709 году Матвѣевъ былъ задержанъ лондонскою полиціею за долги, и въ своихъ протестахъ по этому дѣлу высказываетъ всѣ основанія посольскаго достоинства, заодно съ посланниками другихъ государствъ, хотя и съ большею умѣренностью.

Что касается до XVII-го вѣка, то и въ это время мы видимъ проявленіе новаго взгляда, ограниченіе посольскихъ притязаній: во время войны Швеціи съ Даніею, шведскій посланникъ Койетъ содержался въ копенгагенской темницѣ 8 мѣсяцовъ: это было въ 1658 году. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, португальскій резидентъ былъ задержанъ въ Голландіи, по приговору суда, членомъ котораго былъ извѣстный публицистъ Бинкерстёкъ (125) и проч., — подобныхъ примѣровъ можно бы привести нѣсколько. Рос-

(125) Его сочиненіе de foro legatorum competentis. Въ 1839 году возникъ споръ между сѣвероамериканскимъ посланникомъ Уи-

сія въ этомъ отношеніи могла бы служить образцомъ терпимости: несмотря на всѣ дерзости графа Карлиля, англійскаго посла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ былъ отпущенъ въ свое отечество безо всякаго затрудненія.

Акты уполномочія посланниковъ составляли вѣрющія грамоты и наказы.

Вѣрющая грамота (lettre de créance, creditiv) содержала въ себѣ только удостовѣреніе въ томъ, что такія-то лица суть дѣйствительно посланники; царь просилъ иностранные дворы принимать ихъ въ этомъ званіи, оказывать всякую милость и помощь къ скорому отправленію. Въ итальянскомъ переводѣ такой вѣрющей грамоты наши посланники названы ambaciatores, слѣдовательно послами перваго ранга. Самыя вѣрющія грамоты имѣли характеръ lettres de recommandation, и относились только къ извѣстному государю (126). Около этого времени въ западной Европѣ существовали Actus ad omnes populos: такою грамотою снабдила англійская королева своего секретаря д'Айрестъ для переговоровъ съ министрами всѣхъ государствъ, участвовавшихъ въ утрехтскомъ мирѣ; у насъ такой характеръ имѣли грамоты для проѣзда пословъ.

Каждому послу давался наказъ (instruction), т. е. наставленіе, какъ вести себя, чтобы все было къ чести великаго государя; наказы не объявлялись иностраннымъ дворамъ, а потому были instructions secrètes. Изъ различныхъ наказовъ и изъ словъ Коташихина (глава IV. 20,

---

томомъ и прусскимъ правительствомъ: послѣднее наложило запрещеніе на его имущество. Въ пользу Уитона представленъ историческій взглядъ на значеніе пословъ. См. его Elements du droit international, I. 203.

(126) Hist. Rus. Mon. II. N 114.

21.) можно вывести слѣдующія общія правила для поведенія посла: посланники должны были ѣхать прямо, куда посланы, не заходя ни къ кому изъ владѣльцевъ, земли которыхъ лежали на пути. По пріѣздѣ на мѣсто назначенія, въ пограничномъ городѣ слѣдовало просить проводниковъ до столицы, и прежде аудіенціи не являться къ думнымъ людямъ, — «да и ни въ которыхъ христіанскихъ государствахъ того не бываетъ, что не бывъ у того государя, къ которому кто посланъ, напередъ ходить и дѣла объявлять думнымъ людямъ и тѣмъ государскія чести не понижаютъ и ни надъ кѣмъ того не вымогаютъ, и чтобъ королевское величество велѣлъ имъ быть у себя вскорѣ и Царскаго Величества грамоту принялъ, и посольства ихъ выслушалъ самъ, какъ имѣется у всѣхъ великихъ Государей, къ ихъ высокой чести и славѣ.» Во время представленія должно было наблюдать, чтобъ при этомъ не присутствовали послы другихъ государствъ, и даже не слѣдовало представляться послѣ нихъ въ тотъ же день (127). Представленіе должно было начинаться вопросомъ отъ имени царя о королевскомъ здоровьи; когда король станетъ спрашивать о царскомъ здоровьи, то онъ при этомъ долженъ встать и снять шляпу. Грамоту послы должны были поднести въ камкѣ; послѣ грамоты представить подарки (поминки) и уже за тѣмъ говорить о дѣлѣ. Рѣчи говорились не однимъ лицемъ, а нѣсколькими членами посольства, по

(127) Vi fummo incogniatamente. Hist. Rus. Mon. II, 221. «Сего числа былъ у короля Англійскій посолъ, и намъ быть нынѣ невозможно.» Др. Рос. Вивл. IV, 423. «И какъ Ѳедоръ (Поропшнъ) у курфирста будетъ, и въ то бъ время иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ не было.» Отеч. Зап. 1826. Ч. 27 стр. 354.

старшинству. По окончаніи рѣчи послы шли домой, а на другой день шли въ отвѣтъ къ думнымъ людямъ. Наконецъ отпускную грамоту послы должны были брать изъ собственныхъ рукъ короля и наблюдать, чтобы та грамота была со всѣми титлами царя. «А буде учнутъ спрашивати о иныхъ какихъ дѣлахъ, чего въ семъ Великаго Государя наказѣ не написано, и имъ (посламъ) отвѣтъ держать смотря по дѣлу, чтобъ государеву имени было къ чести и повышенью, а лишнихъ рѣчей не говорить» (128).

Въ заключеніе должно сказать о посольскомъ церемоніалѣ. Въ нашихъ актахъ весьма подробно опредѣлены правила пріема и отпуска иноземныхъ пословъ. Изъ описаніи посольствъ Мейерберга, Таннера, Карлиля (129) и изъ 5-й главы сочиненія Коташихина, можно составить себѣ ясное понятіе обо всемъ великолѣпіи и многолюдствѣ при встрѣчѣ пословъ. Иностранцы, описывавшіе посольства того времени, удивляются великолѣпію двора царскаго во время пріема; всѣ согласны въ томъ, что ни одинъ европейскій дворъ не могъ сравниться въ этомъ отношеніи съ русскимъ. Когда становилось извѣстнымъ время прибытія иноземныхъ пословъ, то давался указъ объ изготовленіи къ ихъ принятію «чтобы все было стройно и людно по посоль-

---

(128) Тайный наказъ 1667 года. Сынъ Отеч. 1850. № 5. 6 и 9. Посольства Чемоданова, Лихачова, Потемкина. Др. Рос. Вивл. Томъ 4-й. *Черткова*, Опис. посольства Лихачова во Флоренцію. М. 1838. также въ Русск. Ист. Сборн. Томъ 3.

(129) *Аделунга*, Баронъ Мейербергъ. Спб., 1828. Польско-Литовское посольство 1678 года. Сѣв. Обозр. 1849. № 3. Моск. Вѣд. 1843. № 21 и 22. La Relation de trois ambassades de M-r le Comte de Carlisle. Amst. 1672.

скому обычаю» (130). Для встрѣчи собирались всѣ помѣщики и вотчинники, которые жили не далѣе 250 верстъ отъ Москвы (131), а всего войска было до 5,000 человѣкъ (132). По прибытіи пословъ на границу, у нихъ требовались грамоты и доказательства ихъ личности, потому что были случаи пословъ-самозванцевъ въ Россіи (133); пословъ встрѣчалъ приставъ, который доставлялъ имъ все необходимое, какъ-то: подводы, кормъ и питье. Не доѣзжая до Москвы, послы останавливались верстъ за семь отъ города на подхожемъ станѣ, и здѣсь изготовлялись къ выѣзду. За городомъ ихъ встрѣчалъ посланный отъ Царя встрѣчникъ съ верховыми лошадьми или экипажами, которые онъ, не снимая шапки, предлагалъ посламъ и провожалъ ихъ на посольскій дворъ (134). Въ день, назначенный для аудіенціи, за послами присылались кареты и свита изъ множества бояръ. Близъ царскаго двора послы выходили изъ экипажей или сходили съ лошадей, и при вступленіи въ царскія палаты снимали шпаги (135). Послы принимались

(130) П. С. З. № 821. Собр. Гос. Гр. IV. № 8. Др. Рос. Вивл. VIII. 170.

(131) П. С. З. № 1061.

(132) Др. Рос. Вивл. VIII. 176.

(133) Пам. Дипл. Снош. I. стр. 1405: «Генрихъ Крамеръ не гонецъ, и пріѣзжалъ воровствомъ.»

(134) При этомъ считалось важнымъ, кто прежде сойдетъ съ лошади, встрѣчникъ или посолъ. Pronchissof voulant faire le fin, demeuroit pendu en l'air entre les bras de ses serviteurs, sans vouloir toucher la terre du bout de piés, qu'il ne vist premierement M-r l'Ambassadeur à pied ferme sur terre. Rel. de tr. amb. p. 67.

(135) Rel. de tr. amb. p. 82. Извѣстны два исключенія: для Якова Делагарди и для графа Вольдемара Шлезвигъ-Голштинскаго. Въ дни траурные вовсе отмѣнялась аудіенція. Пам. Дипл. Снош. I. стр. 1427.

въ разныхъ палатахъ, смотря по достоинству. Впереди ихъ служители несли подарки; у дверей палаты встрѣчалъ пословъ думный дьякъ, спрашивалъ ихъ о здоровьи и входилъ вмѣстѣ съ ними въ палату. Царь сидѣлъ на тронѣ въ великолѣпной одеждѣ, въ шапкѣ и коронѣ, со скипетромъ въ рукѣ; по бокамъ его стояли 4 рында съ бердышами, возлѣ — около 50 бояръ, также великолѣпно одѣтыхъ, въ «золотахъ и шапкахъ горлатныхъ.» Послы начинали вопросомъ о здоровьѣ царя и привѣтственною рѣчью; царь въ это время вставалъ, снималъ корону и спрашивалъ о здоровьи государя, приславшаго посольство; его рѣчи повторялъ окольничій. Со второй половины XVII-го вѣка послы представлялись безъ шапокъ (136); они отвѣчали на вопросъ царя, и сказавши рѣчь подавали свои вѣрющія грамоты, которыя царь принималъ самъ, стоя; потомъ принималъ подарки и допускалъ пословъ и ихъ свиту къ рукѣ, сидя (137). Потомъ царь объявлялъ посламъ, что онъ прикажетъ выдавать имъ все нужное, столъ съ ѣствою и питьемъ, — и послы, поблагодтривъ за это, уходили. Съѣстные припасы и кушанья привозилъ къ нимъ стольникъ; за обѣдомъ пили сначала за царское здоровье, а потомъ за королевское. Черезъ нѣсколько дней послѣ первой аудіенціи, посылались опять верховые лошади или ка-

(136) Rel. de tr. amb. p. 78. 85 Въ другихъ государствахъ Карлиль представлялся съ покрытою головою, снимая шляпу только при имени короля и во время представленія особамъ женскаго пола. p. 229. 232. 255. 262.

(137) Послы государствъ не христіанскихъ недопускались въ рукѣ. Кемпферъ, бывшій въ Россіи въ 1683 г., говоритъ: предстать предъ руки Его Величества. Мейерб. пр. 5. Содержаніе послу производилось во все время пребыванія его въ Россіи; въ другихъ государствахъ оно продолжалось только три дня.

реты за послами; по всей дорогѣ, по которой имъ нужно было ѣхать, разставлялись стрѣльцы. Послы, опять безъ шпагъ и безъ шапокъ, входили къ царю въ золотую граповитую палату и здѣсь прежде всего благодарили царя за столъ. Царь спрашивалъ пословъ о здоровьи, потомъ объявлялъ, что, разсмотрѣвъ ихъ грамоты, дозволяетъ имъ быть въ отвѣтѣ съ своими боярами. Совѣщанія производились въ отвѣтной палатѣ. Бояре, назначенные для переговоровъ, говорили свои рѣчи поочереди: на чемъ останавливался одинъ, то продолжалъ другой; послы въ это время сидѣли, вставая только во время произнесенія титула государя (138). При отпускѣ пословъ наблюдались тѣ же обряды, какъ и въ пріемѣ.

Соблюденія такого же церемоніала требуютъ наши посланники при иностранныхъ дворахъ; такъ Чемодановъ говоритъ державцамъ венеціанскимъ: «и князю вашему пригоже было насъ, Царскаго Величества посланниковъ, встрѣтить»; Потемкинъ во Франціи проситъ, «чтобы король изволилъ его отпустить съ достойною честью, какъ у Великаго Государя нашего милосердаго въ великомъ Россійскомъ царствіи чинъ надлежитъ» (139). Есть даже нѣсколько трактатовъ, которыми опредѣлялся посольскій церемоніалъ; въ договорѣ съ Австріею постановлено, чтобы грамоты отдавали государи изъ собственныхъ рукъ; съ Польшею постановлено въ 1671 году, чтобы послы являлись на аудіенцію предъ государями обоюдно съ непокрытыми головами, безъ шапокъ и безъ сабель; то же условіе

(138) Пам. Дипл. Спош., I, 1297. Во введеніи къ этому изданію изложенъ посольскій церемоніалъ XVI вѣка.

(139) Др. Рос. Вивл. IV. 239. 515.

заключено и съ датскимъ дворомъ (140). Съ курфирстомъ бранденбургскимъ, въ 1671 году, постановленъ въ Берлинѣ договоръ слѣдующаго содержанія: 1) курфирстъ, когда произносятся именованья и титла Ихъ Царскаго Величества, *слушати повиненъ стоя*, снявъ *шляпу*, съ непокровенною главою; 2) онъ долженъ говорить титла самъ; 3) съ непокрытою головою, своими руками долженъ принять царскую грамоту, и отдавать ее точно также; 4) вмѣсто цѣлованія руки, долженъ сказать: пресвѣтлѣйшій курфирстъ изволяетъ съ тобой посланникомъ витаться (141).

Въ этомъ пріемѣ пословъ выражался взглядъ на значеніе курфирстовъ, которое ставилось ниже королевскаго. Въ 1697 году послы бранденбургскіе просили, чтобы имъ оказываема была таже почесть, какую оказываютъ императоръ и всѣ короли; но вопросъ оставался въ прежнемъ положеніи. Точно такъ же въ 1699 году постановлено, чтобы церемоніалъ не измѣнялся, потому что царю неизвѣстно, какъ принимаютъ прусскихъ пословъ при европейскихъ Дворахъ; если же курфирстъ дастъ письменное свидѣтельство объ этомъ пріемѣ, то царь готовъ слѣдовать общему обыкновенію (142).

Посольскій церемоніалъ считался столь важнымъ, что неисполненіе его имѣло слѣдствіемъ прекращеніе переговоровъ, и русскіе посланники были такъ настойчивы въ сво-

(140) П. С. З. № 610. 500; 26 ст. Моск. № 1088.

(141) П. С. З. № 1250. От. Зап. 1826. Ч.-27 стр. 361. Въ Венеціи русскій посланникъ также требовалъ, чтобы дожъ снялъ шляпу. Hist. Rus. Mon. II. N 114.

(142) П. С. З. № 1589. 1680. Въ первомъ актѣ русскіе послы ссылаются на договоръ 1687 года, котораго однако нѣтъ въ Пол. Собр. Зак.

ихъ требованіяхъ, что всегда одерживали верхъ; въ церемоніалѣ коренится развитіе дальнѣйшаго значенія пословъ, уваженіе къ ихъ сану; поэтому никогда и нигдѣ не оставляютъ его безъ вниманія. Иногда, конечно, это переходило границы. Въ примѣръ приведемъ два случая: въ 1661 году, графъ Браге, шведскій посланникъ, долженъ былъ совершить торжественный въѣздъ въ Лондонъ; тогда было въ обычаѣ, чтобы всѣ послы высылали свои кареты на встрѣчу новоприбывшему; испанскій посолъ Ваттевиль, чтобы взять верхъ надъ французскимъ посломъ, графомъ д'Эстрадъ, велѣлъ убить лошадей въ каретѣ послѣдняго, и такимъ образомъ дѣйствительно занялъ мѣсто впереди его. Другой случай былъ гораздо позднѣе, именно въ 1768 году, съ русскимъ посланникомъ, графомъ Иваномъ Чернышовымъ. На придворномъ балѣ въ Лондонѣ, онъ занялъ мѣсто на скамьѣ перваго ряда, возлѣ австрійскаго посланника, между тѣмъ какъ въ обычномъ церемоніалѣ слѣдовало держаться такого порядка: Австрія, Франція и потомъ Россія; французскій посланникъ, графъ дю Шатле-Ломонъ, пріѣхавши позже, увидѣлъ свое мѣсто занятымъ; тогда онъ сталъ на лавку во второмъ ряду, и съ нея прыгнулъ между графомъ Чернышовымъ и Зейлерномъ, т. е. на второе мѣсто. Слѣдствіемъ этого была дуэль между русскимъ и французскимъ посланниками (143). Это крайнее проявленіе дипломатической точности, которая пріобрѣла всеобщую извѣстность; послѣдній случай впрочемъ не имѣлъ характера государственнаго, а разсматривался только какъ личное оскорбленіе посланника.

---

(143) Causes cél. II. 392. 457.

Всѣ внѣшнія сношенія Россіи сосредоточивались въ особомъ учрежденіи, подъ названіемъ *Посольскаго приказа.*

Первыя дѣла Посольскаго Приказа извѣстны съ 1474 года; по выпискѣ, сдѣланной въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, акты этихъ дѣлъ состояли въ слѣдующемъ: 1) переписныя старыя книги; 2) боярскія книги; 3) патенты, дипломы и жалованныя грамоты, также проэкты объ учрежденіи орденовъ; 4) церемоніальныя дѣла о коронованіи, бракосочетаніи, о титулахъ и гербахъ; 5) иностранная почта, съ 1666 года; 6) дѣла о выѣздѣ въ Россію иностранцовъ, съ 1600 г., отпускъ за границу, съ 1698; 7) публичныя вѣдомости, съ 1721 года. Посольскому Приказу были подсудны: 1) приказы — великороссійскій, новгородскій, устюжскій, владимірскій, галицкій, полоняничный; 2) область Великая Пермь съ городами; 3) церковныя дѣла русскихъ монастырей и иностранныхъ церквей; 4) частныя лица: переводчики и толмачи съ 1613 г., именитые люди Строгановы; торговые иноземцы, съ 1613 года; нѣмецкая слобода; желѣзныхъ дѣлъ заводчикъ Марселисъ, съ 1668; слободскіе мѣщане, съ 1671; гранатный каменный дворъ; бархатнаго дѣла иноземецъ Захарій Паульсъ, съ 1684; аптеки съ докторами, съ 1701; комедьянты; царица имеретинская и молдавскій господарь, съ 1719 года (144). Сюда же должно отнести отправленіе русскихъ молодыхъ людей за границу для образованія и выкупъ плѣнныхъ. Наконецъ, въ Посольскомъ Приказѣ хранились государственныя печати: большая, которою печатались грамоты въ иностранныя государства, и малая—

(144) Др. Рос. Вивл. XX, 361.

для грамотъ къ крымскому хану и тѣхъ, которыя исходили втутри государства (145). —Изъ этого видѣнъ весь обширный кругъ вѣдомства Посольскаго Приказа; но главнымъ образомъ онъ завѣдывалъ дѣлами, касавшимися вообще до сношеній съ иностранными государствами, до пріема иноземныхъ пословъ и отпуска русскихъ; всѣ остальныя дѣла привходили на основаніи главнаго вѣдомства.

Что касается до вопроса, почему нѣкоторые Приказы были подчинены посольскому, то его рѣшить очень трудно, при общей неопредѣленности нашей древней администраціи; значеніе приказа часто измѣнялось съ перемѣною лица, имъ управлявшаго. Впрочемъ, изъ сравненія вѣдомства Посольскаго и подчиненныхъ ему Приказовъ, можно, для нѣкоторыхъ съ полной увѣренностью, а для другихъ приблизительно, опредѣлить основаніе подчиненности слѣдующимъ образомъ. Когда начиналось дѣло о присоединеніи извѣстной области къ Россіи, то оно составляло предметъ дипломатическихъ сношеній, а потому вѣдалось въ Посольскомъ Приказѣ; впослѣдствіи, когда совершалось присоединеніе, управленіе вновь пріобрѣтенной области поручалось особому приказу, и этотъ послѣдній, по зависимости отъ первоначальнаго производства дѣла, подчинялся Посольскому. Такъ можно объяснить подчиненіе приказовъ Малороссійскаго и Литовскаго. Приказъ Новгородскій былъ подчиненъ Посольскому потому, что въ немъ вѣдались города, лежавшіе на шведской границѣ; Устюжскій—потому что поступавшіе въ него доходы шли на жалованье начальникамъ войскъ, которые были по большей части изъ ино-

(145) Коших., стр. 69.

странцовъ; Галицкій — потому что въ немъ предсѣдательствовалъ тотъ же бояринъ, что и въ Малороссійскомъ Приказѣ. Приказы Великороссійскій и Владимірскій подчинялись Посольскому потому, что въ областяхъ московской и владимірской даны были помѣстья и вотчины взятымъ въ плѣнъ Татарамъ, которые были подсудны Посольскому Приказу. По аналогіи съ Новгородскимъ, можно опредѣлить подчиненность Смоленскаго Приказа, такъ какъ послѣдній вѣдалъ польскую границу; наконецъ, Полоняничный Приказъ имѣлъ прямое отношеніе къ вѣдомству Посольскаго Приказа, потому что имѣлъ предметомъ своимъ выкупъ плѣнныхъ (146). Какое значеніе имѣли нѣкоторые города, намѣстники которыхъ избирались въ посланники, рѣшить трудно; Ордынъ-Нащокинъ былъ намѣстникомъ шацкимъ, Чемодановъ — переяславскимъ, Лихачовъ и Потемкинъ — боровскими, посланники въ Швецію были почти всегда намѣстниками новгородскими. Не имѣя географической карты вѣдомства Приказовъ, нельзя сказать положительно, къ которому изъ нихъ относились означенные города.

Посольскимъ Приказомъ управлялъ Думный Дьякъ и кромѣ того два дьяка и 14 подъячихъ. Но во второй половинѣ XVII-го вѣка этотъ составъ измѣнился; съ 1667 года, Посольскимъ Приказомъ управлялъ Бояринъ Аѳ. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ, который назывался такъ: Царственныя Большія Печати и Государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ Оберегатель, бояринъ и намѣстникъ шац-

---

(146) Коших. стр. 85, 88, 69. Объ исторіи Посольскаго Приказа и его предметѣ вѣдомства см. также введеніе къ Пам. Дипл. Сношп., Томъ 1.

кій; въ его управленіе, Посольскій Приказъ названъ Государственнымъ Приказомъ Посольскія Печати. Послѣ Нащокина управляли Приказомъ Матвѣевъ, Волынскій и князь Голицынъ, который носилъ одинаковый титулъ съ Ордынымъ-Нащокинымъ (147). Съ 1689 года Посольскимъ Приказомъ опять стали управлять дьяки; въ 1700 году Приказъ переименованъ въ Посольскую канцелярію, президентомъ которой сдѣланъ Его Царскаго Величества ближній Бояринъ Ѳед. Ал. Головинъ; съ 1707 года начинается званіе канцлеровъ (148).

Такая особенность устройства Посольскаго Приказа объясняется важностью предметовъ его вѣдомства; они прямо и непосредственно зависѣли отъ царя, а потому Приказъ не нуждался въ особомъ предсѣдателѣ; только особое довѣріе царей и исключительныя личности Ордына-Нащокина, Матвѣева и Голицына измѣнили первоначальное устройство. Съ другой стороны эта перемѣна указываетъ на обширность и сложность дипломатическихъ сношеній, которыя требовали особаго установленія, не могли быть разсматриваемы самимъ царемъ. — Дѣла Приказа весьма многочисленны; общее ихъ названіе есть *посольское дѣло*, т. е. всякій актъ, совершенный въ Посольскомъ Приказѣ, безъ различія содержанія; собственно дѣла о внѣшнихъ сношеніяхъ носили названіе *посольскихъ столбовъ*, *книгъ*, *тетрадей*, что одно и то же, потому что ветхіе столбцы переписывались въ книги или дестовыя тетради. Въ XVII вѣкѣ всѣ эти названія замѣнены словомъ *статейный списокъ*; по важности послѣднихъ, о нихъ должно сказать особо.

(147) Съ 1682 года. П. С. З. № 958.
(148) Др. Рос. Вивл. XX. 375.

Кромѣ означенныхъ членовъ Посольскаго Приказа, при немъ состояли «переводчиковъ Латинскаго, Свѣйскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Полскаго, Татарскаго, и иныхъ языковъ съ 50 человѣкъ, толмачевъ 70 человѣкъ. А бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ работа по вся дни, когда прилучатся изъ окрестныхъ государствъ всякіе дѣла, также старыя письма и книги для испытанія велятъ имъ переводити, кто каковъ къ переводу добръ, и потому и жалованье имъ дается; переводятъ сидячи въ Приказѣ, а на дворы имъ самыхъ великихъ дѣлъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякіе порухи отъ пожарнаго времени и иные причины» (149). Всѣ эти лица занимались переводомъ иностранныхъ газетъ или курантовъ, которыхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ выписывалось до 20. По свидѣтельству г. Снегирева, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ сохранились выписки изъ голландскихъ, нѣмецкихъ ординарныхъ почтовыхъ, недѣльныхъ вѣдомостей, гамбургскихъ, бреславскихъ, амстердамскихъ 1645 и 1646 годовъ, гарлемскихъ 1660, также переводы съ печатныхъ и письменныхъ вѣдомостей, присланныхъ изъ Новгорода и Пскова, цесарскихъ курантовъ 1669 года, голландскихъ 1691, польскихъ и краковскихъ 1692 (150).

Честь введенія курантовъ принадлежитъ Ордыну-Нащокину; посредствомъ ихъ сообщались царю извѣстія о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ мірѣ политическомъ и физическомъ. Для своевременнаго доставленія извѣстій,

---

(149) *Коших.* VII. 2.

(150) Моск. Вѣд. 1850, № 21. Куранты назывались по имени главной газеты, выписывавшейся въ то время — «Courante rigt Italien».

введена постоянная почта, которую содержалъ иноземецъ Леонтій Марселисъ; заключенъ былъ договоръ «съ рижскимъ почтаремъ, который изо всѣхъ государствъ всякія вѣстовыя и торговыя письма принимаетъ и отпущаетъ» (151); изъ Риги же всѣ иностранныя газеты доставлялись къ псковской границѣ, а отсюда въ Москву. До учрежденія постоянныхъ почтъ, всякій разъ «покамѣсть посольство будетъ», извѣстія передавали на время опредѣляемые гонцы. Московскимъ договоромъ 1686 года постановлено: «понеже много належитъ обоимъ государствамъ въ скорой и въ частой межъ собою обсылкѣ для вѣдомости чрезъ грамоты въ скорыхъ приключающихся въ дѣлѣхъ Государскихъ, а особно къ помочи общей противъ бусурманъ, также и для примноженія торговыхъ пожитковъ» (152) — установить еженедѣльную почту изъ Вильны въ Москву. Въ 1691 году обѣ почты—рижская и виленская—получили правильное устройство (153). Но не смотря на всѣ эти мѣры, цѣль не была достигнута: или иностранная почта опаздывала присылкою газетъ, или переводы ихъ производились медленно, только въ Россіи не были извѣстны даже имена царствовавшихъ въ Европѣ государей; вѣрющія грамоты нашимъ посланникамъ писались на имя такихъ владѣтелей, которыхъ давно уже не было въ живыхъ. Такъ Чемодановъ имѣлъ грамоту на имя венеціанскаго дожа Франциска, и очень удивился, когда ему объявили въ Венеціи, что «прежняго де князя нашего Францискуса волею Божіею не стало, а послѣ де его нынѣшній князь уже *тре-*

(151) Собр. Гос. Гр. IV. № 210.
(152) 29 ст. Моск.
(153) Соб. Гос. Гр, IV. № 210.

тей» (154). То же повторилось и съ Потемкинымъ въ Испаніи: «Его королевскаго Величества (Филиппа) не стало, тому нынѣ *четвертый* годъ» (155).

Въ Посольскій Приказъ послы по пріѣздѣ представляли свои статейные списки, т. е. отчеты о посольствѣ. Названіе «статейнаго списка» придавалось впрочемъ различнымъ дѣловымъ бумагамъ, вообще тѣмъ, которыя писались по статьямъ. «Статейными списками назывались представленія приказовъ, по которымъ производился докладъ въ Боярской Думѣ. Сей докладъ составлялся по статьямъ, каждый вопросъ, требовавшій разрѣшенія, былъ писанъ отдѣльно, и потому единственно вся бумага называлась статейнымъ спискомъ» (156). Кромѣ того, кажется, названіе статейныхъ списковъ придавалось иногда всякой большой бумагѣ, въ которую входило описаніе нѣсколькихъ предметовъ или статей. На это указываетъ помѣщенный въ Актахъ Археографической экспедиціи «Списокъ съ статейнаго списка слово въ слово о принесеніи мощей въ царствующій градъ Москву Іева, Патріарха Московскаго и всеа Русіи»; здѣсь сначала описывается обрядъ перенесенія мощей, потомъ смерть Патріарха, имущество оставшееся послѣ него, наконецъ помѣщены нѣкоторыя грамоты (157). Такіе примѣры однако рѣдки; большею же частію названіе статейнаго списка придавалось донесеніямъ посланниковъ, потому что самые переговоры происходили по статьямъ: «бояре *говорили по письму по статьямъ* си-

(154) Др. Рос. Вивл. IV. 206.
(155) Др. Рос. Вивл. IV, 396.
(156) Пам. Дипл. Сн. I, 1473.
(157) Акты Арх. Эксп. IV., № 57, стр. 77.

дя»; «а будетъ посолъ не учнетъ о той статьѣ спрашивати»; «да мнѣ жъ дана наука о двухъ статьяхъ Вашему Царскому Величеству извѣстить»— такія и подобныя имъ выраженія находимъ безпрерывно въ нашихъ актахъ (158). Притомъ указанное выше значеніе посольствъ и разнообразіе порученій, даваемыхъ посламъ, условливало необходимо разнообразіе ихъ донесеній, которымъ преимущественно шло названіе *статейныхъ* списковъ. Однако въ заглавіяхъ всегда пишется: статейный списокъ *посольства*, — и эта прибавка указываетъ на различное употребленіе слова.

Коташихинъ заподозрѣваетъ вѣрность составленія статейныхъ списковъ: «и тѣ всѣ рѣчи, которые говорены и которые не говорены пишутъ они въ статейныхъ спискахъ не противъ того какъ говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разумъ на обманство, чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье большое» (159). Конечно, эта неправильность могла существовать только въ описаніи пріема пословъ и ихъ рѣчей при церемоніалѣ, въ главныхъ же постановленіяхъ посольства не могло быть сдѣлано перемѣны. Какъ бы то ни было, статейные списки составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи, потому что показываютъ если не то, *что* было, покрайней мѣрѣ *какъ должно было* править посольство. Это живой голосъ сво-

---

(158) Пам. Дипл. Сношѳ. I, 1159. 1262 1297.

(159) *Коших.*, IV. 24. Проф. *Лешковъ* отвергаетъ это извѣстіе (Москв. 1851 № 15), но едва ли это возможно безусловно; вставки могли быть.

его вѣка, носящій на себѣ современный колоритъ, это взглядъ представителей древней Руси на дипломатическомъ поприщѣ. Недостатокъ записокъ частныхъ лицъ дѣлаетъ еще болѣе ощутительною важность статейныхъ списковъ; начатое теперь ихъ обнародованіе послужитъ основою для изученія исторіи Русской Дипломаціи.

ГЛАВА II.

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕНАРОДНАГО ПРАВА.

1. ТИТУЛЪ ЦАРЯ И ВЕЛИЧЕСТВА (1).

«Не только намъ ѣсть, но и на свѣтъ зрѣть не можемъ, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ самомъ великомъ Его государскомъ дѣлѣ видя страшное нарушеніе, что межъ такими Великими Государи не къ любви склоняется, а къ разорванію вѣчному; а намъ нестерпимое о томъ смертное уязвленіе: какъ можемъ мы то слушать и живы быть, что Великаго и Пресвѣтлаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, чести его Государской не желаютъ хранить и Его Государскую братскую дружбу и любовь Королевское Величество въ презрѣньи чинитъ: такія великія и высокія титлы Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ его королевской грамотѣ прописаны; а тое грамоту свою Королевское Величество отдалъ намъ изъ своихъ королевскихъ рукъ» (2).

Такъ говорилъ стольникъ и намѣстникъ боровскій, Петръ Ивановичь Потемкинъ въ 1667 году французскому мар-

(1) О признаніи титула вообще см. *Martens*, § 108. *Klüber*, § 107. *Wheaton*, 1. 154.

(2) Стат. спис. Потемк., Др. Рос. Вивл. Томъ IV, стр. 531.

шалку де Бельфону; и, не смотря на всѣ представленія французскаго правительства, русскій посланникъ до тѣхъ поръ не принималъ королевской грамоты къ царю Алексѣю Михайловичу, пока въ ней царскій титулъ не былъ написанъ сполна, «какъ Царь самъ себя описуетъ». Эти слова и эта настойчивость объясняются уже въ то время вполнѣ образовавшимся взглядомъ Россіи на титулъ Царя, какъ на выраженіе своего государственнаго достоинства. Признанія этого достоинства Царь требуетъ отъ другихъ государей, какъ отъ своихъ «братьевъ любительныхъ»; безъ того Россія не ведетъ никакихъ переговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного трактата Россіи во второй половинѣ XVII-го вѣка, въ которомъ на первомъ планѣ не стояло бы опредѣленіе титула царскаго; Русскіе жалуются на Поляковъ и упрекаютъ ихъ за то, что они такое важное дѣло, какъ титулъ, считаютъ «малымъ дѣломъ» (3); неточность, измѣненіе даже въ одной буквѣ титула влекли за собою неудовольствія, порѣшить которыя предоставлялось войнѣ или долгимъ переговорамъ.

Дѣйствительно, Россія, начавши новый періодъ бытія своего со вступленія на престолъ Дома Романовыхъ, должна была начать свои внѣшнія сношенія съ признанія Царскаго титула: въ немъ выразилась та ступень, на которую имѣла право стать возрожденная Россія въ средѣ государствъ европейскихъ; въ немъ сказалась своебычность

---

(3) Полн. Собр. Зак. № 104.—Польскій историкъ удивляется, что Хмѣльницкій заключилъ договоръ съ Русскими, «чтобъ за одно съ ними стоять противъ Поляковъ за вѣру Русскую и *какой-то* титулъ Царскаго Величества.» Ист. о бунт. Хмѣльн. стр. 11 (въ Чтеніяхъ Общ. Ист.)

Русскаго царства, его широкій размѣръ, его стародавняя исторія и величіе Царя Отчича и Дѣдича, Богомъ помазаннаго, съ властію отъ Бога данною. Царь Алексѣй Михайловичь не однимъ кровнымъ родствомъ былъ связанъ съ Рюриковичами; онъ явился продолжателемъ ихъ дѣла; при немъ сгладились слѣды неурядицы, происшедшей послѣ прекращенія прежней династіи; онъ началъ почти съ того, на чемъ остановился царь Іоаннъ IV. Принимая титулъ Царя, послѣдній выставлялъ слѣдующія основанія: «Великихъ Государей Царей Россійскихъ корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладавшаго вселенною» (4). Алексѣй Михайловичь не имѣлъ нужды въ этой ссылкѣ: за него стояла исторія, ею освящено было царское достоинство. Чтобъ показать основаніе царскаго титула, выставляемое въ XVII-мъ вѣкѣ, приведемъ одно мѣсто изъ статейнаго списка 1667-го года:

«Великому Государю нашему то царское достояніе Богъ далъ отъ прежнихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ. Прародитель его, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, Великій Государь Царь и Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ Кіевскій и всея Россіи, воевалъ греческія великія государства, дажъ до самаго царствующаго Константина града, который нынѣ за грѣхи всѣхъ насъ православныхъ христіанъ и за несогласіемъ всѣхъ великихъ христіанскихъ государей, обладаемъ Мусульманы. И греческій царь Константинъ Мономахъ, прося милости у Великаго Государя, Владиміра Все-

(4) Собр. Гос. Грамотъ. Ч. I, стр. 599, 602. См. также Временникъ Общ. Ист., кн. 10.

володовича, прислалъ къ нему Великому Государю почестью крестъ животворящаго древа и царскую шапку, и вѣнецъ, и діадиму: которымъ царскимъ саномъ поставлялись всѣ Великіе Государи, Цари греческіе, на царство греческое. И отъ того времени посямѣстъ всѣ Великіе Государи наши, цари и Великіе Князи Россійскіе, поставляются на всѣ великія и преславныя государства Россійскаго царствія тѣмъ царскимъ вѣнцомъ и діадимою. А блаженныя памяти Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея великія Россіи Самодержца Дѣдъ, а Великаго Государя нашего Прадѣдъ, блаженныя памяти Великій Государь Иванъ Васильевичъ съ Божіею помощію поималъ подъ свою царскую руку великіе царства, про которыя сами вѣдаете, гдѣ были цари большія Золотыя Орды, Астраханское и Казанское великіе царства и государства, и Сибирское царство. И *по тѣмъ великимъ царствамъ* и государствамъ Великій Государь нашъ Его Царское Величество во своихъ царскихъ грамотахъ Царемъ и Самодержцемъ именуется» (5). — Изъ этихъ словъ видно двоякое основаніе царскаго титула: преемство отъ Владиміра Мономаха и обладаніе царствами. Слѣд. царскій титулъ имѣлъ уже свою исторію въ самой Россіи— онъ былъ освященъ и правомъ, и долгимъ употребленіемъ.

Не смотря на то, нѣкоторыя государства наперекоръ исторіи отказывали государямъ русскимъ въ титулѣ Царя; наперекоръ исторіи,—слѣд. и противно праву, потому что въ сферѣ междугосударственныхъ сношеній исторія есть

---

(5) Посольство Потемк. въ Испанію. Др. Рос. Вивл. IV, 423. Соборн. грам. 1561 г. изд. Кн. Оболенскимъ. М. 1850.

та среда, въ которой опредѣляются законы этихъ сношеній, которая гарантируетъ извѣстное положеніе государства. Изложимъ акты сношеній Россіи съ западною Европою во второй половинѣ XVII-го вѣка, имѣющіе предметомъ опредѣленіе царскаго титула.

Сначала о сношеніяхъ съ Римскимъ Дворомъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ еще не исчезла мысль о возможности изгнанія Турокъ изъ Европы; папы не переставали возбуждать западно-европейскія государства къ войнѣ съ невѣрными, и Россія, по своему географическому положенію, могла оказать самое большое содѣйствіе общеевропейскому дѣлу. Съ другой стороны, Римскій Дворъ не покидалъ надежды обратить Россію къ католицизму; неудачи вѣковыхъ стремленій къ этой цѣли не останавливали папъ. Обѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, заставляли папъ искать союза съ Россіею и давать русскимъ государямъ царскій титулъ. Все это выразилось, какъ нельзя лучше, въ «Разсужденіи о титулѣ царя, давать ли оный Московскому Государю отъ Папы Климента X.» Разсужденіе написано неизвѣстнымъ авторомъ къ 1670 году (6). Вотъ главныя положенія этого акта: Римскій Дворъ считалъ титулъ царя однозначительнымъ или равнымъ титулу королевскому, а дозволить Московскому Государю называться королемъ нельзя уже и за то, что онъ называетъ папу не болѣе, какъ господиномъ Римской Церкви (Maestro della Chiesa Romana) (7).

---

(6) Histor. Rus. Monumenta. Томъ II. № 115.—Г. Лакіеръ (Ж. М. Н. П. 1847 № II, стр. 137), кажется, считаетъ аббата Скарлати авторомъ того разсужденія, но не видно основанія этому.

(7) Честнѣйшему господину и учителю Римскія Церкве достойнѣйшему. Чтенія Общ. Ист.» годъ 1, № 3, стр. 98.

Но съ другой стороны, принимая въ разсчетъ, что Россія можетъ подать помощь Польшѣ противъ Турціи, и что есть надежда на введеніе латинства въ Россіи,—можно согласиться дать московскому государю титулъ Царя. «Вѣрно то, что въ настоящее время онъ имѣетъ полное право называться Царемъ; это право подтверждено общимъ употребленіемъ въ письмахъ, которыя онъ получаетъ отъ всѣхъ государей въ свѣтѣ, и въ особенности отъ Императора и отъ Короля Польскаго, которые вели съ нимъ объ этомъ споръ въ прошломъ столѣтіи, и теперь уступили, такъ что царскій титулъ сдѣлался настоящимъ и законнымъ титуломъ Московскаго Государя. По этому, если Римскій престолъ и дастъ ему этотъ титулъ, онъ ничего не потеряетъ.» Далѣе замѣчательно слѣдующее выраженіе: «споръ о титулахъ похваленъ только съ государями, охотно носящими легкое ярмо повиновенія Св. Отцу, и только въ такомъ случаѣ умѣстно заниматься подобными спорами и искать въ нихъ побѣды;» въ примѣръ приводятся протестантскіе владѣтели, которымъ папа никогда не отказывалъ въ титулахъ, имъ принадлежащихъ. Точно тѣ же положенія представляетъ и аббатъ Скарлати въ своемъ «мнѣніи, чтобы титулъ Царя былъ данъ Московскому Государю» (8): онъ говоритъ, что Царь есть народное имя, однозначительное со словомъ король, а этотъ послѣдній титулъ былъ данъ Великимъ Князьямъ Русскимъ еще папою Григоріемъ VII; наконецъ и Поляки, природные враги Русскихъ (emuli per natura del Moscovita), не отказываютъ Государямъ Русскимъ въ титулѣ Царя. Эта ссылка на признаніе со

(8) Hist. Rus. Monum. T. II. № 116.

стороны Польши дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что папы отказывали прежде русскимъ государямъ въ царскомъ титулѣ, чтобы не поставить ихъ на ряду съ католическими королями Польши; точно такъ же они отказывали владѣльцу Португаліи въ королевскомъ титулѣ, изъ уваженія къ королю испанскому. — И такъ, папы принуждены признать царскій титулъ, потому что сознаютъ свое безсиліе надъ греко-русскимъ міромъ. Въ XVII вѣкѣ уже не отъ папъ зависѣло достоинство государей,—оно опредѣлялось взаимнымъ соглашеніемъ государей, основывалось на большемъ или меньшемъ развитіи государствъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, въ XVII-мъ вѣкѣ папы окончательно утвердили царскій титулъ за государями русскими (9); но только въ 1707 году они рѣшаются дать Царю титулъ *Величества*, «котораго ни одинъ изъ предшественниковъ Климента XI не давалъ ни Царю Русскому, и ни одному государю, не принадлежавшему къ Римской церкви» (10). Въ томъ же году впрочемъ князь Куракинъ не принялъ отвѣтнаго посланія папы, за непрописаніемъ титула «великихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчичу, дѣдичу, наслѣднику и обладателю» (11). Это былъ послѣдній протестъ относительно титула.

Чаще всего были сношенія Россіи съ Швеціею и Польшею, а потому признаніе титула царскаго со стороны этихъ государствъ было особенно важно. Отдаленныя государства Европы, имѣвшія съ Россіею довольно рѣдкія сношенія, легко могли признать титулъ Царя, потому что здѣсь

---

(9) Тамъ же № 124; донесеніе Испанскаго министра въ Римѣ.
(10) Тамъ же № 127. Папскому нунціо въ Польшѣ.
(11) Тамъ же № 126.

вопросъ касался только ранга государства. Другой вопросъ соединялся съ признаніемъ титула царя Русскаго со стороны Швеціи и Польши: здѣсь дѣло шло о существенныхъ интересахъ государства; съ титуломъ неразрывно соединено было право на обладаніе тѣми или другими землями, за которыя совершалась борьба (12); титуль воплощалъ въ себѣ результатъ этой борьбы; предъ лицомъ Европы въ титулѣ сказывалось, кто побѣдилъ и кто могъ быть представителемъ сѣверно-европейскихъ государствъ. Вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвела на всю Европу полтавская битва; причина этого, конечно, въ томъ, что подъ Полтавою рѣшенъ былъ вопросъ о первенствѣ Россіи надъ Швеціею, которую Европа, со временъ вестфальскаго мира, привыкла считать первою державою сѣвера.

Обратимся къ Швеціи.

Вторая половина XVII вѣка представляла самое благопріятное время для возвращенія отъ Швеціи «земель и государствъ, которыя Его Царское Величество послѣ своихъ высокославныхъ предковъ имѣетъ»; Швеція, истомленная правленіемъ Христины, занятая спорами съ Польшею, не могла представить сильнаго отпора вновь возродившимся требованіямъ Россіи. Она сознавала, что въ прибавкѣ къ царскому титулу словъ: «восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ Отчичъ и Дѣдичъ» высказывалась мысль о томъ, что Россія никогда прямо не отказывалась отъ тѣхъ земель, которыя когда-либо были заняты Русскими. Вотъ почему только эта прибавка служила спорнымъ пунк-

---

(12) Примѣръ этого можно видѣть во многихъ мѣстахъ Памятниковъ Дипл. Сношеній, Спб. 1851.

томъ, — о титулѣ Царя спора не было. Въ 1658 году два раза былъ поднятъ вопросъ о титулѣ Царя Русскаго. Въ первый разъ послы русскіе согласились вести переговоры и принять грамоту безъ словъ «восточныхъ и западныхъ, доколѣ другая грамота отъ Его Королевскаго Величества съ полными титлами будетъ» (13); въ другой разъ послы шведскіе Эссенъ и Крузенштернъ спорили о словахъ: «и многимъ инымъ государствамъ и землямъ, восточнымъ и западнымъ, и сѣвернымъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и Государь, и обладатель;» послѣ долгихъ споровъ порѣшили признать эти слова, съ тѣмъ, «чтобы Его Королевское Величество письмомъ обнадеженъ былъ, чтобъ по тѣмъ словамъ Его Королевскому Величеству и его государствамъ и землямъ причитанья никакого не имѣть.» Вотъ какъ русскіе бояре объясняютъ эти слова: «Его Царское Величество мыслитъ выразумѣти тѣми словами только Его Царское Величество *самыхъ великихъ* земель и государствъ, которыя его Царское Величество послѣ своихъ высокославныхъ предковъ имѣетъ и владѣетъ» (14). Слѣд. почти въ половинѣ XVII вѣка вопросъ о титулѣ былъ окончательно рѣшенъ Швеціею; всѣ дальнѣйшія сношенія относились къ признанію будущихъ измѣненій въ царскомъ титулѣ: «и что Богъ одному или другому Великому Государю впредь земель или городовъ отъ ихъ недруговъ поручитъ, и тѣмъ имъ безъ всякаго умаленія описывати, только тѣмъ обычаемъ, чтобъ тѣ новыя титла одному или другому потентату *ни къ какому*

---

(13) Запись 1658, Мая 21. Пол. Собр. Зак. № 228.
(14) Запись 1658 г. Пол. Собр. Зак. № 229.

причитанію или убытку не были» (15). Наконецъ въ 1672 году, для прекращенія неудовольствій, которыя могли бы возродиться отъ неправильнаго употребленія титула (16), положено, чтобы порубежные люди не писали полныхъ титуловъ, «но токмо именуя Его Королевское Величество и Его Царское Величество.» Точность въ употребленіи титуловъ была доведена до того, что заключенъ особый договоръ о томъ, чтобы писать всегда *Каролусъ* и *Іоаннъ* вмѣсто *Карлусъ* и *Іоанъ* (17). Такъ охранялось въ это время великое дѣло, государская честь,—пропускъ одной буквы считался уже важнымъ; съ другой стороны эта точность и безпрекословное признаніе титула со стороны Швеціи служитъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, что преимущественное развитіе права народовъ предоставлено государствамъ сѣвернымъ.

Еще важнѣе были сношенія Россіи съ Польшею, относительно царскаго титула. Признавая титулъ Царя Русскаго, короли польскіе тѣмъ самымъ должны были отказаться отъ своихъ притязаній на престолъ Россіи. Не легко было Владиславу отречься отъ того, чего онъ едва не достигъ (18); обстоятельства принудили его къ этому.

---

(15) Валіесар. ст. 3; Кардис. ст. 2; Плюс. ст. 3.

(16) «Чтобъ для прописокъ въ титлахъ случай ко недружбѣ недѣялся.» Пол. Собр. Зак. № 513.

(17) Пол. Собр. Зак. № 1076, ст. 1. Это было въ 1684; въ 1676 г. возникли неудовольствія Россіи за то, что Швеція называла Царя Великимъ Княземъ; но они кончились мирно. Берхъ, Цар. Ѳед. Ал. 1, 24.

(18) Въ 1615 г. князь Хованскій, упрекая австрійскаго посла Гайделіуса въ нарушеніи царскаго титула, замѣчаетъ: «я думаю, что то составы и умыслы короля Польскаго и пановъ Рады.» Сынъ Отеч. 1822 № 1, стр. 38.

Но король значилъ не все въ Польшѣ; тамъ всякая корпорація имѣла аутократію, а потому нужно было заставить всѣхъ Поляковъ уважать титулъ Царя Русскаго. Въ 1650 году постановлено: «казнить смертію за вины въ пропускѣ титула въ Польшѣ при русскихъ послахъ» (19). И этимъ дѣло не уладилось: въ 1653 году посланъ былъ къ Яну-Казимиру князь Репнинъ-Оболенскій по поводу нарушенія этого договора, но не получилъ удовлетворенія (20). Противъ Русскаго Царя въ Польшѣ издавались книги, въ которыхъ ни Царю, ни боярамъ не воздавалось должной чести. Вотъ какъ жалуется нашъ посланникъ Чемодановъ Венеціанскому Дожу въ 1657 году: «Великаго Государя нашего именованье и титло въ ихъ королевскихъ грамотахъ писано не сполна; а сенаторей ихъ и урядниковъ въ листѣхъ писано со многимъ безчестіемъ и укоризною; а послѣ по королевскому и пановъ Рады велѣнью и въ книгахъ напечатано про нихъ великихъ Государей нашихъ и Московскаго государства про бояръ и про всякихъ чиновъ людей, злыя безчестья и укоризны и хулы, чего не токмо великимъ государемъ христіанскимъ, помазанникомъ Божіимъ, и простому человѣку слышать и терпѣть не возможно, не только въ христіанскихъ, но и въ бусурманскихъ государствахъ и не за вѣчнымъ докончаньемъ такихъ нестерпимыхъ досадительствъ не дѣлает-

---

(19) Пол. Собр. Зак. № 40. Тамъ же № 104; «по конституціи 1637 года написано: а на таковыхъ, которые бъ дерзали писать или титла умалять или отмѣняти, пенамъ пердуелліонисъ закладаемъ, а по русски то слово смертная, неотпущательная казнь и отлученіе имѣнія.

(20) Пол. Собр. Зак. № 104.

ся (21). Умаленіе въ титулѣ повело къ войнѣ съ Польшею, кончившейся андрусовскимъ перемиріемъ, которымъ постановлена ненарушимость царскаго титула. То же повторяется и во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ (22). Польша, обезсиленная извнѣ отторженіемъ Малороссіи, а внутри нескончаемыми смутами при избраніи королей, не въ силахъ была оспаривать у Россіи ни самыхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ силою оружія, ни титула Царей Русскихъ, какъ выраженія этихъ пріобрѣтеній. Царь Алексѣй Михайловичь, овладѣвая мало по малу древнимъ достояніемъ Россіи, тѣмъ, что ему шло отъ Прародителей Его Царскаго Величества, въ 1654 году сталъ называться Великимъ Княземъ Полоцкимъ, а въ 1655 году Литовскимъ, и Бѣлыя Россіи, и Волынскимъ и Подольскимъ (23). Польша не могла спорить противъ такихъ наименованій, и въ договорахъ своихъ должна была признать то, что̀ казалось ей сначала «неслыханною новостью.» Въ 1686 году она утвердила за Русскимъ Царемъ «многія прибыльныя и у всѣхъ христіанскихъ государей славныя на свѣтѣ титла,

---

(21) Др. Рос. Вивл. IV, 249. XVI, 114; «а отказывали въ исправленьи того дѣла смѣясь, и называли то великое дѣло государскую честь бреднями». Пол. Собр. Зак. № 104: «а Паны Рада называли то дѣло малымъ дѣломъ.... а то начальное и главное дѣло государская честь.» — Посолъ русскій объясняетъ Христинѣ, что причиною войны съ Польшею было нарушеніе титула: in quibusdam epistolis Czaris patrem Michaëlem Filaretovicium, in quibusdam inverso ordine Fedorem Michaëlovicium dici. Alicubi loco Samodersetz poni Dersavetz, quod præfectum notat etc. *Puffendorfi*, Commentar. de reb. Suec. L. XXVI, § 8. *Heerman*, Gesch. des rus. Staats. Томъ III, прим. 1296.

(22) Андрус. ст. 2; Моск. 1678, ст. 3; Моск. 1686. ст. 2. Также Пол. Собр. Зак. № 420, 465, 513, въ которыхъ титулъ составляетъ почти единственный предметъ договора.

(23) Полн. Собр. Зак. № 134, 164.

то есть, какъ говоритъ указъ того времени (24) — писати насъ Великихъ Государей Пресвѣтлѣйшими и Державнѣйшими, и Кіевскими, и Черниговскими, и Смоленскими Великими Государями вѣчно, а королевскому Величеству Кіевскимъ и Черниговскимъ и Смоленскимъ и иныхъ городовъ титлами, которые намъ по тому договору отданы, не писатися вѣчно жъ и на печатѣхъ ему тѣхъ титлъ не изображать, и въ канцеляріяхъ тѣ титла оставить вѣчно.» Наконецъ въ 1699 году велѣно было воеводамъ наблюдать, чтобы, въ присылаемыхъ изъ литовскихъ и нѣмецкихъ городовъ листахъ съ челобитными въ обидахъ, титулъ государевъ былъ писанъ сполна; въ противномъ случаѣ челобитныя возвращались (25). Такимъ образомъ титулъ Царя былъ воплощенною исторіею Россіи, въ немъ выразилось все ея паростаніе. Полнаго своего титула требуетъ Царь, и съ своей стороны уважаетъ титулы другихъ государей; такъ, когда въ 1664 году со стороны Россіи былъ написанъ не полный титулъ короля польскаго, послы русскіе тотчасъ же согласились исправить ошибку (26).

Сношенія Россіи съ Австрійскимъ Дворомъ относительно титула замѣчательны тѣмъ, что въ грамотѣ 1514 года отъ Максимиліана I къ Великому Князю Василію Іоанновичу русскій государь названъ Императоромъ (27) и Ве-

---

(24) Древн. Рос. Вивл. XX, 335. Пол. Собр. Зак. № 421.
(25) П. С. З. № 1668.
(26) Полн. Собр. Зак. № 4.
(27) 1514 г., авг. 4. Русская союзная грамота утратилась, а потому ея нѣтъ въ Пам. Дипл. Снош. *Доброклонскаго*: Указ. тракт. стр. 7. Прежде и послѣ въ грамотахъ писалось: Наяснность Ваша, Начальникъ и Государь всея Руси, Всепресвѣтлѣйшій, Великосильнѣйшій. Пам. Дипл. Снош. Томъ I, стр. 357, 1428 и пр.

личествомъ. Эта грамота послужила главнымъ основаніемъ Петру Великому въ принятіи императорскаго титула: онъ велѣлъ перевести ее на разные европейскіе языки, и получилъ первое утвержденіе императорскаго титула отъ Швеціи (28). На эту же грамоту ссылался Русскій Дворъ во всѣхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ о титулѣ съ Имперіею. Первый примѣръ этого представляется еще въ XVI вѣкѣ: въ 1576 году послы русскіе князь Захарій Сугорскій и Андрей Арцыбышевъ не хотѣли принять грамоты отъ Максимиліана II къ царю Іоанну IV, потому что въ ней пропущено было названіе Великаго Князя; послы русскіе ссылаются на прежній обычай: «и въ тѣхъ (прежнихъ) ссылкахъ и въ докончательныхъ грамотахъ отецъ Государя нашего писанъ Царемъ Великимъ Княземъ; а нынѣ свыше того многіе великіе особныя царства Государю нашему, Царю и Великому Князю Богъ поручилъ, и Государю нашему какъ своего имени отступаться? И вы того посмотрите въ Государя своего въ прежнюю докончалную грамоту, и вамъ про то будетъ извѣстно» (29). По этимъ убѣжденіямъ австрійскій Дворъ сдѣлалъ прибавку словъ Великій Князь, написавъ ихъ между строкъ; послы опять протестовали, что «Государя нашего имени *въ чернѣ* быти не егоже» (30), и приняли грамоту только въ уваженіе болѣзни императора, который не могъ приложить печати къ новой грамотѣ.—Что̀ касается до XVII вѣка, то въ 1661

---

(28) 1723 года. Пол. Собр. Зак. № 4255. О признаніи Императорскаго титула см. Causes célebres du droit des gens, par *Ch. de Martens*. Paris, 1827, II. стр. 89 и слѣд.

(29) Пам. Дипл. Сношн. 1, 693, 694. Союзъ *и* означаетъ, «что Государь Царь и Великій Князь самъ» стр. 698.

(30) Пам. Дипл. Сношн. 1, стр. 705.

году въ грамотѣ Леопольда царь Алексѣй Михайловичъ названъ былъ только Вельможностью (Grossmächtigkeit); въ отвѣтъ на эту грамоту Россія придала то же названіе императору; посланникъ его Майернъ не хотѣлъ принять этой грамоты и между тѣмъ отказывался придать Царю титулъ Величества. Русскій Дворъ былъ настойчивъ, и объявилъ Майерну, что, если не будетъ данъ Царю титулъ Величества, онъ можетъ возвратиться въ Вѣну безъ успѣха (31). Майернъ согласился наконецъ придать титулъ Величества Царю Русскому, «когда увидалъ грамоту Максиміліана,» какъ сказано въ запискахъ Государственнаго Архива (32). Въ 1675 году эта уступчивость Майерна была подтверждена формальнымъ трактатомъ, по которому установляется на всегда титулъ Величества Царю Русскому, съ оговоркою, «чтобъ цесарскому Величеству не было то не къ почитанію и умаленію» (33). Впослѣдствіи мы не знаемъ случая, когда бы Австрія отказала Царю въ титулѣ Величества; въ грамотѣ («рекомендательный аттестатъ»), данной отъ императора боярину Шереметеву для проѣзда въ 1697 году, сказано: «Царскаго могущественнѣйшаго Величества» (34). И потомъ, когда Петръ Великій принялъ титулъ Императорскій, всѣ Дворы ждали утвержденія этого титула отъ Австріи, на томъ основаніи, что онъ принадлежитъ

---

(31) Non de futura sibi media ad pacem sine mediatore sanciendam, etsi mediator erit necessarius nec hunc sibi defuturum. Путеш. Мейерберга, изд. Аделунгомъ, прим. 27.

(32) Тамъ же, стр. 46, прим. 26. Мейербергъ не подтверждаетъ этого.

(33) Моск. ст. 2. Пол. Собр. Зак. № 610.

(34) Др. Рос. Вивл. V, 288, 308.

Императору Австрійскому (35), точно такъ, какъ впослѣдствіи титулы графовъ и князей долго зависѣли отъ Императора, давались исключительно имъ.

Всѣ остальныя государства легко могли признать титулъ Царя Русскаго; можетъ быть, они не сознавали значенія титула Царскаго,—а до времени съ нимъ нѣ соединялись еще существенные интересы государственные; только впослѣдствіи, въ признаніи титула императорскаго, начались споры, продолжавшіеся около полувѣка, и Франція въ этомъ отношеніи отстала отъ остальныхъ державъ Европы (1745 годъ).

Данія еще въ 1552 году даетъ Царю Іоанну IV титулъ Императора: Христіанъ III, извѣстный въ исторіи междугосударственныхъ сношеній знаменитымъ спейерскимъ трактатомъ, въ грамотѣ своей касательно заведенія типографіи пишетъ Царю: potentissime, victoriosissime ac illustrissime imperator (36); въ XVII вѣкѣ не было ни разу спора Россіи съ Даніею о титулѣ; начало обычая, фактъ рѣшалъ здѣсь вопросъ. — Точно того же правила держался и курфирстъ бранденбургскій; зачинавшееся значеніе его государства, недавнее уничтоженіе вассальнаго отношенія къ Польшѣ и боязнь враждебныхъ дѣйствій со

---

(35) Впрочемъ формальное признаніе Австріи послѣдовало только въ 1744 г. Австрія была по счету восьмою державою въ признаніи титула: за нею слѣдовали Франція, Испанія и Польша.— Приведу любопытную замѣтку о томъ, какое значеніе придавала себѣ Австрія: «La fameuse devise de l'Autriche A, E, I, O, U. fut employée pour la premiere fois par Frederic III. Ces initiales signifient: Austriae Est Imperare Orbi Universo, ou en allemand, Alles Erdreich ist Osterreich Unterthan. *Hallam*: L'Europe au moyen age. IV, 37.

(36) Русск. Истор. Сбор. Томъ IV, кн. 1 стр. 119.

стороны Швеціи заставляли Курфирста искать союза съ Россіею и дѣлать ей уступки. Вотъ почему въ XVII-мъ вѣкѣ въ грамотахъ курфирста Царь всегда называется Величествомъ; даже царевичу дается титулъ принца (37). Что̀ касается до Франціи, то выше указано на споръ, возникшій во время посольства Потемкина къ Лудовику XIV въ 1667 году; нашъ посланникъ требовалъ, чтобы король «велѣлъ Царскія титла написать сполна противъ Его Царскаго достоинства, какъ онъ Великій Государь нашъ самъ себя описуетъ, и какъ всѣ Великіе Государи Его Царскаго Величества именованье и титло пишутъ» (38). Вотъ титулъ Царя въ отвѣтной грамотѣ Лудовика XIV: «Найвысшему, Наизящнѣйшему, Наимочнѣйшему и Вельможнѣйшему Великому Государю, брату любительнѣйшему и великому пріятелю Царю Алексѣю Михайловичу,» — и за тѣмъ слѣдуетъ исчисленіе всѣхъ владѣній. Еще прежде, въ 1654 году Франція даетъ Русскому Царю слѣдующій титулъ: Trés-haut et très-magnanime Prince, le grand seigneur Empereur de Russie (39). Рѣдкія сношенія съ Франціею, можетъ быть, были причиною того, что не повторялись споры о титулѣ; разъ утвержденный, онъ не измѣнялся болѣе, Франція не хотѣла жертвовать выгодами торговли, да и могла ли она сознавать всю важность титула, на которомъ утверждалось будущее значеніе Россіи? Той же политики держатся и другія государства: посолъ англійскаго короля Карла II, графъ Карлиль называетъ Царя Алексѣя Михайловича Императоромъ, а царевичей принцами

(37) Полн. Собр. Зак. № 191.
(38) Др. Рос. Вивл. VI, 505.
(39) *Берхъ*, Цар. Ал. Мих. 1, 85. Theatr. Europ. VII, 594.

(40): Испанія, Голландія, Венеція, Тоскана легко слѣдовали общему признанію, Мальтійскій Орденъ поступалъ по примѣру Австріи (41).

Вотъ всѣ историческія извѣстія, которыя можно собрать о спорахъ за Царскій титулъ во второй половинѣ XVII вѣка. Вглядываясь въ нихъ, видимъ ясно, что Россія XVII-го вѣка не выставляетъ почти никакихъ основаній для титула своихъ Царей: она считаетъ этотъ вопросъ давно порѣшеннымъ, и требуетъ признанія только въ силу давняго употребленія; Россія входить въ систему европейскихъ государствъ уже съ готовымъ титуломъ царскимъ, вылившимся изъ ея прежней исторіи; этотъ титулъ выражаетъ собою особенную власть, Богомъ данную, выше всѣхъ другихъ властей. Еще въ XV вѣкѣ Іоаннъ III говорилъ австрійскому послу Николаю Поппелю: «А что еси намъ говорилъ о королевствѣ, если намъ любо отъ Цесаря хотѣти кралемъ поставлену быти на своей землѣ, и мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ, а поставленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и

---

(40) Relation de trois ambassades. Amst. 1672. Serenissime et illustrissime, p. 55, 85. Majesté Impériale, p. 88. Впослѣдствіи это замѣнено Majesté Czarienne. Въ 1709 году королева Анна назвала царя Петра I Императоромъ. Causes célèbres I, 70, Баронъ Мартенсъ замѣчаетъ: ce fut en cette occasion que pour la première fois la grande Bretagne donna au Czar le titre d'Empereur. Изъ свидѣтельства Карлиля ясно, что это несправедливо.

(41) Др. Рос. Вивл. IV, 428, 367, 230. V, 382.

нынѣ не хотимъ.» (42). — Никакія нововведенія относительно титула не имѣютъ мѣста, такъ что даже названіе illustrissimus'и титулъ Императора, приданные графомъ Карлилемъ Царю Алексѣю Михайловичу, по настоянію Русскаго Двора, были замѣнены словами: serenissimus и Царь, какъ бывало прежде (43).

Самыя государства, признававшія и не признававшія титулъ Царя и Величества, можно раздѣлить на двѣ категоріи: для однихъ признаніе было дѣломъ существеннымъ,— съ нимъ связывалось основаніе владѣнія, рѣшался стародавній вопросъ о первенствѣ; другія государства не вступали въ споры о титулѣ: для нихъ это былъ вопросъ второстепенный; легко и скоро соглашались они, по указаніямъ нашихъ посланниковъ, исправлять случайно - сдѣланныя ошибки въ титулѣ царей Русскихъ, признавали достоинство дальняго Государя Московіи. Эти государства даже дѣлаютъ больше того, чего требуетъ Россія: они называютъ Царей Императорами.

Отчего же и въ отношеніи этихъ государствъ Россія требуетъ точности, наши посланники твердо стоятъ за великое государское дѣло? Причина этого лежитъ во взглядѣ на достоинство царское. Россія XVII-го вѣка представляетъ соединеніе новой и старой Россіи; Россія сѣверная—новая по своимъ государственнымъ началамъ, Великая по далекораскинувшемуся развитію этихъ началъ—взяла подъ свою руку старую, Малую, безгосударную Россію, сдѣлала ее живымъ членомъ своего организма, участницею въ

---

(42) Пам. Дипл. Снош. 1, 12.

(43) Relat. des trois ambas., p. 124, sqq.

своихъ успѣхахъ, дала ей жизнь и силу. Опираясь на это единство, Россія является представительницею восточной системы европейскихъ государствъ и въ особенности православія. Не довѣряя вполнѣ словамъ Коташихина, мы не можемъ однако оставить безъ вниманія его свидѣтельства о томъ, что Цари Русскіе въ сношеніяхъ съ западною Европою употребляли въ титулахъ названія такихъ восточныхъ земель, которыя не были въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи (44). Въ этомъ могла высказываться мысль о полномъ представительствѣ христіанскаго востока; въ такомъ смыслѣ Царь старается о всеобщемъ признаніи своемъ, повѣщаетъ о томъ всѣ государства Европы; разъ утвердивши титулъ Царя Русскаго, они не могли уже послѣ отказать въ немъ безъ причины. Съ другой стороны, власть царская, ясно-сознанная царемъ Іоанномъ IV и потребовавшая для себя новаго выраженія, должна была расшириться еще болѣе съ присоединеніемъ Малороссіи, потому что явилась новая сфера для ея проявленія; успѣшныя дѣла съ Польшею подавали надежду на осуществленіе мысли о соединеніи всего православнаго и славянскаго населенія подъ одинъ скипетръ Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.

Кромѣ собственно-титула существовали еще государевы Богословія. Въ XVII-мъ вѣкѣ они употреблялись большею частію въ сношеніяхъ съ Востокомъ; въ актахъ сношеній съ западною Европою, Богословія были кратки, а по указу 1697 года дек. 22 вовсе оставлены; велѣно писать только: Божіею Милостію, мы пресвѣтлѣйшій и Державнѣй-

(44) Кошихина, о Россіи въ цар. Ал. Мих., стр. 30, 31.

шій Великій Государь и проч. съ полнымъ именованьемъ и титлами (45). Богословія, вмѣстѣ съ другими явленіями государственными, заимствованы Россіею изъ Греціи; наибольшее развитіе получили они при царѣ Іоаннѣ IV, во время котораго особенно ясно обозначилось византійское вліяніе. Самое устройство правительственныхъ мѣстъ, завѣдывавшихъ внѣшними сношеніями и царскаго Двора было первоначально греческое. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда Россія вступила совершенно въ общество Права Народовъ, преобразованіе коснулось и Двора и управленія, которые получили общеевропейскій характеръ. Указъ 1697 года объясняется принятіемъ формъ западной дипломаціи. Титулъ Благочестивѣйшаго и Благовѣрнаго имѣетъ собственно церковное значеніе и введенъ при Петрѣ Великомъ. Царь русскій, не подчинявшійся вліянію папъ, не имѣлъ особаго титула, даннаго послѣдними нѣкоторымъ государямъ и чрезъ признаніе перешедшаго въ область между-государственныхъ сношеній. Таковы: Catholique—для короля испанскаго, Très-Chrétien для французскаго, Defensor fidei — для англійскаго, Apostolique — для императора австрійскаго.

---

2. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ГРАНИЦЪ (46).

Если въ титулѣ царя русскаго выражалась мысль о представительствѣ всего православнаго востока, то въ отношеніи земли, государственной области Россіи дѣйствуетъ то же начало: все православное тянетъ къ русскому царству.

---

(45) П. С. З. № 1611.
(46) *Martens*, § 72. *Klüber*, § 129. *Wheaton*, I, 112. *Heffter*, 125.

Это правило было такъ сильно, что даже иностранные подданые, принявшіе православіе, не выдавались обратно въ свое отечество; (47) кромѣ того мы видѣли, что Россія всегда удерживала за собою право заступничества за православныхъ, гдѣ бы они ни были. Такимъ образомъ Православіе какъ бы опредѣляло границу обладанія: гдѣ исповѣдывалась Вѣра Греко-Россійская, тамъ дѣйствовалъ законъ русскій, тамъ были дѣйствительные или возможные предѣлы Россіи.

Необходимость строгаго отмежеванія государственной области была ощутительна въ XVII-мъ вѣкѣ; нѣтъ ни одного трактата, въ которомъ бы она не высказывалась (48). Употреблявшееся въ XVI-мъ вѣкѣ вычисленіе мѣстъ и областей, уступаемыхъ и пріобрѣтаемыхъ, встрѣчается и въ XVII-мъ вѣкѣ; но мало по малу оказывается недостаточность такого вычисленія: пріобрѣтая извѣстную область, какъ географическую единицу, государство съ тѣмъ вмѣстѣ наслѣдовало притязанія и споры, необходимые при опредѣленіи границъ этой вновь пріобрѣтаемой земли. Такъ появилась необходимость геометрическаго опредѣленія границъ; оно имѣло тотъ же характеръ, какой видимъ и въ межеваніи внутри государства, т. е. основывалось на живыхъ урочищахъ, на видимыхъ предметахъ природы (49).

---

(47) Въ 1649 году Россія заплатила Швеціи 190.000 рублей за Шведовъ, перешедшихъ въ православіе и поселившихся въ Россіи. П. С. З. № 19. Доп. къ Акт. Ист. IV. № 32. Въ 1669 году этихъ Корелянъ считалось 6397 семей П. С. З. № 1619.

(48) Ст. 6 Кардис.; ст. 6 Плюс.; ст. 13 Моск.; также запись 1685 г. П. С. З. № 1131.

(49) *Неволинъ*, Ист. Госуд. межеванія, стр. 154.

Для разведенія границъ назначалось по два или по три человѣка съ каждой стороны; эти «добрые люди» опредѣляли, по общему соглашенію, гдѣ должна быть геометрическая черта, отдѣляющая извѣстную область. За тѣмъ на пограничной линіи на каждомъ урочищѣ обѣ стороны ставили свои знаки, напр. Шведы-корону, Поляки-копцы, Русскіе крестъ (50). Лица присланныя для разведенія границъ, были равны посламъ: «въ такомъ безопаствѣ, какъ и великіе и полномочные послы и комиссары на свохъ съѣздахъ мѣста засѣдаютъ и другъ другу съ обѣихъ сторонъ показать государскія полномочныя грамоты, и по прежнимъ обыкновеніямъ размѣняться, и размѣнясь, ѣхать на тѣ мѣста на которыхъ споръ, и тѣ спорныя мѣста въ рубежахъ и всякія разности межъ порубежными жители успокоивать» (51).

Замѣчательно, что въ половинѣ XVII-го вѣка Россія старается положить границею непроходимыя мѣста, которыя бы физически, видимо отдѣляли два государства; такъ, граница съ Швеціею опредѣлялась мхами, чарми, ломами и дрябми (52). Впослѣдствіи это измѣнилось; третья статья московскаго договора 1686 года опредѣляетъ границу съ Польшею такимъ образомъ: «отъ Днѣпра почавъ прямымъ путемъ черезъ поля, по 5 миль въ ширину, а отъ того мѣста также ведучи полемъ прямо до рѣки Стугны имѣетъ въ сторонѣ во владѣніи и въ державѣ Ихъ Царскаго Величества оставатися»; слѣд. границею является уже геометрическая линія, обозначенная возможно-точно, по средствамъ того времени. Еще яснѣе выражается это въ актѣ

(50) П. С. З. № 19. № 1186, ст. 16.
(51) П. С. З. № 1131 1418.
(52) П. С. З. № 19.

1649 года, въ которомъ сказано: «полномочнымъ посламъ со всякой стороны съѣхатись межъ Орѣшка и Ладоги, на устье рѣки Лавуи, у Ладожскаго озера, гдѣ та рѣка въ озеро впала, тако, что имъ встрѣтясь на той рѣкѣ среди моста, который мостъ обѣихъ сторонъ людямъ чрезъ тое рѣку учинити» (53). Эти слова показываютъ, что границею считалась линія, раздѣлявшая рѣку пополамъ, потому что каждый посолъ говорилъ изъ своего отечества, — явленіе, чрезъ десять лѣтъ повторившееся въ заключеніи пиринейскаго мира послами Мазарини и Дегаро:

Мѣсто, *на которомъ происходили совѣщанія пословъ*, считалось нейтральнымъ; «мѣсто, гдѣ имъ съѣхатись и межъ собою въ Божье имя о подлинномъ миру говорити и становити, и предпомянутаго мѣста, которое съ договору выбрано будетъ, не именовать *ни которою границею*, доколѣ договоръ будетъ и постоитъ» (54). Извѣстно, что договоры заключались почти всегда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, на пр. въ Андрусовѣ.

Всѣ эти какъ-бы разнорѣчащія слова нашихъ трактатовъ приводятъ къ тому заключенію, что существовало сознаніе о геометрической границѣ; но въ дѣйствительности Россія посредствомъ границъ ищетъ отдѣленія отъ другихъ государствъ. Для избѣжанія споровъ, она старается положить нейтральную полосу земли, которая препятствовала бы смѣшенію русскаго съ нерусскимъ. Такое стремленіе очень понятно при отсутствіи укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя мог-

---

(53) П. С. З. Томъ I, стр. 183.

(54) П. С. З. № 228. — «Спорныя мѣста оставатись имѣютъ пусты» — ст. 7 Моск.

ли бы сдерживать нападенія сосѣдей. Борисъ Годуновъ установилъ украинскую линію на южной чертѣ Россіи; при частой измѣняемости границъ съ Польшею и Швеціею, такой линіи учредить нельзя было. Притомъ Россія всякій разъ надѣялась раздвинуть свои предѣлы, а между тѣмъ старалась обезпечить свои пріобрѣтенія; этимъ объясняется ея стремленіе окружить себя нейтральною полосою, ясно означавшею то мѣсто, до котораго дошло государство въ извѣстное время. Только съ сѣвера границы Россіи были опредѣлены моремъ; здѣсь не было мысли о дальнѣйшемъ пріобрѣтеніи, а потому Правительство Русское еще въ 1646 году старается объ укрѣпленіи Архангельска; положено было построить башни и замкнуть желѣзными цѣпями устье Двины. Въ выпискѣ изъ дѣла Посольскаго Приказа по этому случаѣ, ясно открывается, что Россія имѣла въ виду не одно воспрепятствованіе тайному проходу кораблей, а также и боязнь нападенія враговъ. Вотъ какъ иностранецъ Виннiусъ объясняетъ необходимость укрѣпленія Архангельска: «для опасенья государевыхъ недруговъ, какъ онъ то слыхалъ у Петра Марселиса въ разговорѣ, какъ де онъ былъ въ Свеѣ, и въ тѣ поры Яковъ Понтусовъ говорилъ при немъ въ разговорѣхъ: еслибъ онъ досужъ былъ и земляной чертежъ разумѣлъ въ тѣ поры, какъ онъ воевалъ здѣ въ руссійскомъ государствѣ, и онъ бы не съ тое стороны началъ войну, а почать было ему съ Архангелогородскую сторону, потому что то первыя ворота Россійскаго Государства, и въ цесарской землѣ они также учинили, что у цесаря сперва всѣ городы у моря отняли, и посѣпору держатъ, а нынѣ на перемирьи отнюдь ни одного города отдавать не хотятъ, потому что то *ключи*

земляные» (55). Впрочемъ опасенія эти не сбылись и не могли быть основательны, потому что ни одна изъ державъ, воевавшихъ съ Россіею, не имѣла достаточнаго флота.

---

3. ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАНЦОВЪ.

Признаніе правъ иностранцовъ составляетъ одинъ изъ послѣднихъ результатовъ общенія государствъ между собою; много нужно было времени, что бы обществу отрѣшиться отъ своей исключительности; много нетерпимости и враждебности должно угаспуть прежде, чѣмъ государство откроетъ свои предѣлы для тѣхъ, кто не участвовалъ въ пріобрѣтеніи и строеніи земли. На западѣ такимъ началомъ, противудѣйствовавшимъ сближенію народовъ, было начало завоеванія: только тотъ имѣлъ право жить на извѣстной землѣ, чьи предки проливали кровь для ея завоеванія; — всѣ остальные или становились рабами или подвергались величайшимъ ограниченіямъ; отсюда множество установленій, которыя или вовсе отнимали у чужеземцовъ возможность вступать въ область другаго государства, или по крайней мѣрѣ ставили ихъ далеко ниже туземцовъ (56). Различіе религіи, нравовъ, образа жизни — все это содѣйствовало недозволенности входа, и только въ XVII-мъ вѣкѣ начинаютъ исчезать ограниченія, тяжкимъ гнетомъ падавшія на

---

(55) Доп. къ Акт. Ист. Томъ III. № 13. Томъ IV. № 52. Иностранные корабли должны салютовать Архангельску опущеніемъ флага.

(56) Таковы jus albinagii, vildfangiatus, droit de naufrage и пр. См. *Лешкова*, о правахъ иностранцовъ. Юрид. Зап. Томъ 2, стр 4-9.

пришельца, который вздумалъ бы вступить въ чуждую землю.

Въ Россіи ко всему этому присоединился племенный и общинный бытъ, обозначившійся ясно въ періодъ раздробленія государства. Даже внутри Россіи не разомъ сплотились отдѣльныя племена славянскія; только силою государственнаго развитія сгладились всѣ угловатости племеннаго начала; все русское, православное уравнялось въ правахъ, составило одно цѣлое. Но иноплеменники не могли сплотиться съ насельниками; разность религіи стояла къ тому сильною преградою. До тѣхъ поръ, пока отдѣльныя части Россіи не сгруппировались около Москвы, чужеземецъ былъ въ отношеніи къ извѣстной области почти тѣмъ же, чѣмъ житель другой области; но съ тѣхъ поръ, какъ все русское вошло въ одинъ составъ, опредѣленный и особою государственною областью, и общимъ устройствомъ, иноземцы явились чуждымъ началомъ въ организмѣ государства. Россія прежде окрѣпла внутри, въ единомъ Московскомъ Государствѣ, и потомъ уже могла впустить въ свою среду пришельцовъ, безъ опасенія за прочность своего государственнаго устройства, за неприкосновенность своихъ основныхъ началъ. Этимъ объясняется прежняя замкнутость царства Московскаго.

Между тѣмъ, Россія чувствуетъ нужду въ иностранцахъ, по ихъ знанію ремеслъ и художествъ, — и со временъ великаго князя Іоанна III начинается вызовъ чужеземныхъ художниковъ, которые за добрую плату строили храмы и дворцы, разроботывали руду, учили ремесламъ и военному дѣлу. Съ другой стороны, преобразованіе воинскаго строя, когда оказалась несостоятельность стрѣлецкой

рати, заставляло прибѣгать къ пособію иностранцовъ: въ Россію приходили опытные воины и принимались на службу своими прежними чинами. Польза, ощутительная отъ этихъ нововведеній, заставляла усиливать мѣру вызова, которая во второй половинѣ XVII-го вѣка достигаетъ широкаго размѣра. Наконецъ торговля была также одною изъ важныхъ побудительныхъ причинъ сближенія съ иноземцами, и, хотя Россія старалась ограничиваться по большей части торговлею пограничною, однако не могла отказать чужеземцамъ въ правѣ пріѣзжать по торговымъ дѣламъ во внутрь государства, даже въ Москву.

Право въѣзда существовало въ XVII-мъ вѣкѣ, съ временными ограниченіями, *сообразно обстоятельствамъ*, заставлявшимъ иногда воспрещать это право. Такъ, въ 1649 году царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ всѣмъ англичанамъ выѣхать изъ Москвы и не ѣздить далѣе Архангельска «за то, что они всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти» (57). Такъ Евреямъ запрещалось въѣзжать въ Россію, какъ народу, неимѣющему своего государя, слѣд. вредному по своимъ убѣжденіямъ (58). Такъ езуитамъ, по просьбѣ Патріарха, велѣно выѣхать изъ Москвы и запрещалось вновь пріѣзжать (59). Наконецъ во время чумы въ иностранныхъ государствахъ, жителямъ тѣхъ мѣстъ не дозволялся пріѣздъ (60). Всѣ эти ограниченія вызваны были

(57) П. С. З. № 9. Доп. къ Акт. Ист. III. № 116.
(58) Ст. 18 Моск.; Собр. Гос. Гр. IV. № 11.
(59) Собр. Гос. Гр. IV. № 203.
(60) «Странное у васъ обыкновеніе — говорилъ Ордынъ-Нащокинъ Коллинсу — разглашать свои несчастія; кто объявляетъ о чумѣ, тотъ предостерегаетъ другихъ, чтобы не имѣли съ

необходимостью собственной безопасности, самосохраненія; вообще же въ XVII вѣкѣ на иностранцовъ смотрѣли отнюдь не враждебно, и всегда давали имъ законное удовлетвореніе въ ихъ просьбахъ и жалобахъ. Правительство шло впереди народа, — и въ то время, когда оно признавало иностранцовъ за членовъ общества, пользующихся покровительствомъ закона, народъ смотрѣлъ на нихъ недружелюбно; уже въ 1682 году былъ изданъ указъ о томъ, чтобъ иностранцовъ не поносили позорными словами, и чтобъ не было съ ними ссоръ и дракъ (61). Напротивъ высшій классъ общества еще въ XVII-мъ вѣкѣ перенималъ у иноземцовъ нѣкоторые ихъ обычаи и одежду, такъ что Правительство должно было издавать указы о неношеніи нѣмецкой одежды и о нестриженіи волосъ (62). Петръ Великій широко раскрылъ иноземцамъ дорогу въ Россію, потому что видѣлъ въ нихъ полезныя орудія для достиженія своихъ цѣлей (63).

нимъ никакихъ сношеній; точно такъ ставятся маяки, чтобъ корабли не подходили къ берегу.» Коллинсъ, стр. 33.

(61) Собр. Гос. Грамотъ. IV. № 963.

(62) Въ 1675 году изданъ былъ указъ Боярамъ «чтобъ они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, такожъ и платьевъ кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили и людемъ своихъ потомужъ носить не велѣли» П. С. З. № 607. — *Lysek*, p. 89: «Solus memoratus Bojarus (Матвѣевъ) ut reliqua in eo sileam, singularis Extraneorum fautor et amator (patrem Germani Moscuae degentes dicunt) Ruthenum quasi genium exuit, cultiori prae caeteris imbutus. Solus hic filium suum, praeter patriae morem comam alere et ab exteris Praefectis morum, linguarum et disciplinarum politiorum notitiam facit imbibere.» *Heerman*, Gesch. des rus. St. III, пр. 1556. См. также *Голикова*. Доп. къ дѣян. Петра Вел. III. 177. *Берхъ*, Цар. Өед. Ал. I, пр. 23.

(63) Положеніе иностранцовъ при Петрѣ I въ общемъ очеркѣ

Всѣ иностранцы были подвѣдомы Посольскому Приказу; здѣсь они присягали, принимались на службу и отсюда поступали въ вѣдомство Разряда; здѣсь же судились за неправильную торговлю (64).—Переходимъ къ разсмотрѣнію правъ иностранцовъ.

1) *Право въѣзда*. Сначала дозволялось пріѣзжать всѣмъ иностранцамъ безъ разбора, потому что въ нихъ была нужда и выбирать было не изъ кого. Но съ того времени, какъ приливъ чужеземцовъ усилился, и вмѣстѣ съ людьми дѣятельными и полезными стали пріѣзжать лица, вредныя по своимъ убѣжденіямъ и не имѣвшія никакихъ знаній, нужно было ограничить этотъ пріѣздъ. По этому постановлено, чтобы не всякаго новоприбывшаго пропускали прямо въ Москву; нужно было, по указу 1689 года, отобрать показаніе «котораго государства породою, и какого чина, и для чего и къ кому ѣдетъ, и кто его на Москвѣ знаетъ, и напредъ сего на Москвѣ, также и въ иныхъ государствахъ гдѣ онъ бывалъ ли, и есть ли у него, отколѣ онъ идетъ, тѣхъ государствъ государей и начальныхъ людей какіе свидѣтельства, пасы и проѣзжіе листы» (65). Распросивши обо всемъ этомъ, пограничный воевода обязанъ былъ тѣ распросныя рѣчи отослать въ Посольскій Приказъ и ждать царскаго указа о пропускѣ иностранца. Мы имѣемъ описа-

---

изложено въ «Die Rechtsverhält. der Ausl. in Russland, von. *Witte*, Dorpat, 1847. s. 25-32.

(64) П. С. З. № 792. 805. 1112. 532. 622. Собр. Гос. Гр. IV. № 146. Др. Рос. Вивл. XX., 369. Временникъ Общ. Ист. I, смѣсь, стр. 13. Доп. къ Акт. Ист. IV. № 136. Душегубство и татьба исключались изъ этого. П. С. З. № 1622. 1398.

(65) Собр. Гос. Гр. IV., № 204.

ніе такого въѣзда, заимствованное изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Г. Устряловымъ.

«25 Августа 1675 года пришли съ моря къ Архангельскому городу, во время ярмарки, на голландскихъ корабляхъ служилые иноземцы: полковникъ фонъ-Фростенъ, подполковникъ фонъ-Торнинъ и пр.; явившись въ съѣзжую избу къ Двинскому Воеводѣ, иноземцы сказали, что служили они въ разныхъ земляхъ, были на многихъ бояхъ, а нынѣ пріѣхали служить Великому Государю Россійскому, и просили, давъ имъ кормъ, отправить ихъ въ Москву. Воевода объявилъ, что безъ царскаго именнаго указа отпустить ихъ въ Москву онъ не смѣетъ, распросилъ каждаго порознь о прежней службѣ и распросныя рѣчи послалъ въ Москву, между тѣмъ до полученія указа, велѣлъ нововыѣзжимъ иноземцамъ побыть въ Архангельскѣ.—Послѣ отправленія распросныхъ речей въ Москву, цѣлый мѣсяцъ не получая указа, Воевода снова писалъ въ Посольскій Приказъ и просилъ разрѣшенія; прошелъ еще мѣсяцъ, а отвѣта не было. Воевода опять отнесся въ Москву, и въ половинѣ Ноября 1675 года получилъ царскій указъ: «Полковника фонъ-Фростена съ товарищи выслать за море, а къ Москвѣ не отпускать, и кормъ имъ прекратить; также поступать и съ другими служилыми новыѣзжими иностранцами, отправляя ихъ на тѣхъ же корабляхъ, на которыхъ придутъ.» Иностранцы подали челобитную, въ которой просили дозволенія пріѣхать въ Москву—и въ декабрѣ послѣдовало повелѣніе отпустить ихъ въ Москву на собственныхъ харчахъ. 30 Марта 1679 года иностранцы были представлены царю Ѳедору Алексѣевичу, были допущены къ его рукѣ, но не понравились царю. Чрезъ 5 дней бояринъ Мат-

вѣевъ, «сшедъ съ верху» объявилъ имъ, что они въ царскую службу не годны и государь указалъ отпустить ихъ за море въ свою землю. Не имѣя средствъ выѣхать, иностранцы доказывали свои знанія, свидѣтельствовали предъ боярами о своемъ умѣньи строить крѣпости, брать города, и были приняты инженерами по вѣдомству Пушкарскаго Приказа» (66).

Если иноземецъ допускался на службу, то ему выдавалась опасная грамота, въ которой царь обѣщалъ жаловать его за службу и потомъ по желанію отпустить безъ задержки со всѣмъ имуществомъ (67). Принятые въ службу иноземцы присягали на вѣрность; они клялись «служити и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякаго лукавства; такъ мнѣ Богъ и его Святое Евангеліе помози къ вѣчному спасенію и къ спасительной вѣчности» (68).

2) *Религіозныя права.* Что касается до религіозныхъ правъ иностранцовъ, то во всѣхъ трактатахъ мы находимъ положеніе о свободѣ вѣроисповѣданія, не простирая ее на публичное отправленіе богослуженія. Въ этомъ отношеніи особенно ограничивались католики: въ Россіи дозволялось строить церкви всѣхъ исповѣданій, кромѣ католическихъ. Религіозная пропаганда должна была вызвать мѣры противудѣйствія; вражда съ Польшею, Унія и гоненія православныхъ въ Малороссіи заставляли Русское Правительство быть осторожнымъ въ отношеніи католиковъ и запрещать имъ построеніе церквей. Особенно опасны были езуиты;

---

(66) *Устряловъ*, Лефортъ и потѣхи Петра Великаго. Ж. М. Н. П. 1851. № 1., стр. 30-33.
(67) Соб. Гос. Гр. IV. № 84; ст. 6 Валіес; ст. 4 Плюс.
(68) Собр. Гос. Гр. IV., № 146.

патріархъ Іоакимъ говоритъ: «Езувиты чинятъ многую святой соборной Апостольской Церкви и догматамъ ея противность печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и иными прелестьми; а у святой соборной Апостольской Церкви съ западнымъ Римскимъ костеломъ многія несходства, какъ о томъ свидѣтельствуютъ седьмь святыхъ Вселенскихъ Соборовъ, и отъ восточной Апостольской Церкви Римъ отпалъ, и чтобъ Великіе Государи больше сего имъ Езувитамъ за такими вышеупомянутыми препятствіями въ Московскомъ Государствѣ жить не поволили» (69). И въ послѣдствіи (1690 г.), когда позволено было австрійскому правительству имѣть при одномъ ксендзѣ другаго, постановлено, чтобы послѣдній былъ изъ плебановъ, и не изъ езуитовъ (70). Но, запрещая торжественное отправленіе богослуженія католикамъ, Россія не стѣсняла свободы ихъ совѣсти и дозволяла имъ жить въ своей вѣрѣ безъ принужденія (71); а въ 1707 году дозволено было строить католическія церкви и основать езуитскую гимназію (72).

Совсѣмъ другое замѣчаемъ относительно протестантовъ, хотя и со стороны ихъ были попытки пропаганды. Такъ, еще въ XVI вѣкѣ датскій король Христіанъ III старался, посредствомъ книгопечатанія, распространить лютеранство въ Россіи; около 1565 года построена у насъ первая лю-

(69) Собр. Гос. Гр. IV. № 203.
(70) П. С. З. № 1388.
(71) Ст. 10 Моск. 1672. П. С. З. № 513; ст. 4 договора 1678. П. С. З. № 730; ст. 9 Моск. 1686.
(72) Hist. Rus. Mon. II. № 126. Впрочемъ въ дневникѣ Гордона есть извѣстіе, что католическая церковь построена въ Россіи до 1694 г.

теранская церковь, такъ что многіе негодовали «на нѣмчина, лютаго волхва Елисея (Бомелія), который (будто бы) конечнѣ отвелъ былъ царя отъ вѣры» (73); въ XVII-мъ вѣкѣ также извѣстно дѣло Квирина Кульмана, который оказался явно-помѣшаннымъ человѣкомъ, распространявшимъ нелѣпое ученіе свое; «за то воровство онъ Квилинко съ книгами и письмами богомерзскими сожженъ» (74). Такъ какъ всѣ эти попытки были незначительны и очень рѣдки, то лютеранскія церкви дозволялось строить въ Россіи во всѣхъ городахъ, гдѣ жило много Нѣмцовъ (75). Мало того: послѣ уничтоженія нантскаго эдикта Лудовикомъ XIV, множество Французовъ бѣжало изъ своего отечества, и Россія объявила, что она принимаетъ къ себѣ всѣхъ утеклецовъ, и цари будутъ жаловать ихъ «по оказуемой ихъ службѣ и по породѣ и чести и сану ихъ» (76). Такъ твердо укоренилось въ Россіи убѣжденіе о свободномъ исповѣданіи Вѣры, лишь бы дѣйствія иновѣрцовъ не оскорбляли святости Православія и не возбуждали опасенія за спокойствіе государства.

3) *Служебныя права.* Въ XVII вѣкѣ во всей Европѣ было въ обычаѣ служить по найму въ другихъ государствахъ; большую часть такихъ наемниковъ составляли уро-

---

(73) Слова изъ Акт. Арх. Эксп. I. № 238. 239.

(74) Собр. Гос. Гр. IV. № 204. *Терещенко*, Опытъ обозр. жизни сановниковъ. I., 266.

(75) Ст. II. Кардисск.;—Les Anglois et le Flamans ont un sloboda ou un grand Bourg â part prés de la ville, ou ils vivent ensemble chacun â sa mode, et ont tous la liberté (pourvu qu'ils soient de la Religion Reformée) de s' assembler publiquement pour l'exercice de leur Religion. An lieu qu'ils (русскіе) ne soufrent de Juifs, ni de Catholiques Romains. Rel. de trois ambas., p. 73. 74.

(76) Собр. Гос. Гр. IV. № 195.

женцы тѣхъ земель, въ которыхъ не могло укорениться крѣпкое чувство любви къ отечеству; къ этому присоединилось гоненіе за Вѣру въ западной Европѣ: гугеноты и всѣ преслѣдуемые протестанты находили для себя выгоднымъ удаляться въ Россію. Поэтому у насъ, кромѣ Швейцарцовъ, служили Нѣмцы, Англичане, Голландцы и Французы. Полки иноземные появляются у насъ еще въ XVI вѣкѣ,—это было первое регулярное войско въ Россіи, по образцу котораго сложилась впослѣдствіи русская рать; въ 1680 году иностранные чины введены были въ русскихъ полкахъ, — сотники переименованы въ капитановъ, головы въ полковниковъ, полуголовы въ полуполковниковъ (77).

Всякій иностранецъ принимался на службу въ томъ же чинѣ, въ какомъ онъ служилъ въ своемъ отечествѣ. Служилые иноземцы награждались чинами и жалованьемъ, не служащіе — званіемъ гостей (78) и московскаго государства повѣренныхъ и чести достойныхъ (79); послѣдпія награды давались за успѣшное исполненіе разныхъ порученій Правительства, за вспоможеніе русскимъ посланникамъ за границею и проч. По окончаніи службы иноземецъ оставлялъ Россію и получалъ свидѣтельство въ своей вѣрной службѣ, — «что онъ противъ недруговъ стоялъ и на боѣхъ бился мужественно, что онъ человѣкъ добрый, честный, шляхетный, и въ тѣхъ ратныхъ дѣлѣхъ годный» (80).

---

(77) П. С. З. № 812. 819.

(78) Собр. Гос. Гр. IV., № 16.—П. С. З. № 278: «что вы намъ Великому Государю служите и комиссаріусу нашему всякое вспоможенье чинили и взаймы ефимки давали.»

(79) П. С. З. № 1121.

(80) Собр. Гос. Гр. IV. № 39.

Всякій служившій, не обязываясь никакимъ срокомъ, могъ уѣхать когда хотѣлъ, и уѣхавши могъ вступить въ службу въ другой разъ, просить новую опасную грамоту (81). Но если срокъ службы не окончился, то никто не могъ взять иноземца изъ Россіи, даже посланникъ того государства, къ которому онъ принадлежалъ; такъ нѣкто Калтгофъ хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ Карлилемъ, но его задержали и не выпустили изъ Россіи, не смотря на всѣ представленія англійскаго посланника (82). За небытность на службѣ, иностранцовъ ссылали въ провинціальные города, понижали чиномъ и высылали за границу (83).

4. *Торговыя права* (84). — Богатая производительность привлекала иностранцовъ къ частымъ торговымъ сношеніямъ. Конечно, эти сношенія обусловливались тѣмъ положеніемъ, которое имѣли иностранцы въ Россіи: видно еще недовѣріе къ нимъ, желаніе заставить ихъ заплатить какъ можно дороже за право въѣзда и за тотъ страхъ, корый испытывало Правительство, дозволяя чуждому началу соприкасаться съ народонаселеніемъ. Къ этому присоединился особый взглядъ на торговлю, какъ на регалію царскую — явленіе, рѣзко выдающееся въ торговлѣ внутренней. Оно должно было отразиться въ большей силѣ на торговлѣ внѣшней.

Хотя въ XVII-мъ вѣкѣ не было ни одного исключительно

---

(81) Тамъ же.
(82) Rel. de trois ambas., p. 311.
(83) *Иванова*, Опис. Гос. Арх. М. 1850. Стр. 305.
(84) *Martens.* § 139. *Klüber*, § 61. *Wheaton*, 1., 138. *Heffter*, 115. — Торговые трактаты XVII-го вѣка, кромѣ общихъ собраній, можно найти сгруппированными вмѣстѣ въ «Oeuvres politiques de *Mably*» Amst. 1777., II, p. 384 sqq.

торговаго трактата, однако Россія въ своихъ внѣшихъ сношеніяхъ никогда не упускаетъ изъ виду торговли: «всѣ государства при договорѣ жъ о святомъ покоѣ извыкли между иными до покою служащими дѣлы, и торговые промыслы, которыми государства богатѣютъ, не въ послѣднюю статью класть» (85). Нѣтъ почти ни одного трактата, который не заключалъ бы въ себѣ нѣсколькихъ статей о торговыхъ сношеніяхъ. На основаніи ихъ, можно слѣдующимъ образомъ опредѣлить положеніе торговли, по скольку она касается Народнаго Права.

Общее начало, котораго держится Россія въ своемъ взглядѣ на торговлю и которое высказывается во всѣхъ трактатахъ, есть свобода торговли. Впрочемъ эта свобода существовала не въ смыслѣ полнаго безусловнаго дозволенія привозить всякаго рода товары и торговать ими безпошлинно, — она означала только, что иностранцамъ «имѣть путь свободный, безъ всякаго затрудненія, съ платежемъ уставныхъ пошлинъ, а сверхъ устава убытковъ и препона не чинить» (86); слѣд. несвобода торговли въ этомъ смыслѣ означала или грабежъ товаровъ или отнятіе ихъ на государя. Эта свобода торговли естественно вытекала изъ отсутствія мануфактурной производительности Россіи; она была необходима, чтобъ привлечь иностранцовъ и доставить государству то, чего не производила его собственная почва; слѣд. Россія въ этомъ отношеніи дѣйствовала только отрицательно; увеличеніе дохода казны — вотъ побуди-

(85) Ст. 8 Моск. 1667; ст. 10 и 11 Кардис.; Др. Рос. Вивл. IV., 500. Доп. къ Акт. Ист. IV. № 115. 117.

(86) Ст. 6 Валіес; 4 Плюс; 13-17 Андрус.; 8 ст. Моск. 1678; ст. 18 Моск. 1686.

тельная причина всѣхъ постановленій о внѣшней торговлѣ. Этимъ объясняется, почему Россія путемъ чисто практическимъ дошла до начала меркантилизма: не только драгоцѣнные металлы, но даже товары, которые покупались на золотые и ефимки, были освобождены отъ пошлины (87). Самыя пошлины были произвольны, — онѣ увеличивались во время войны и во всѣхъ обстоятельствахъ, когда Россія нуждалась въ деньгахъ; при этомъ Правительство старалось убѣдить иностранцовъ, что все таки настоящія пошлины не высоки, что царь жалуетъ иностранцовъ, сравнительно предъ другими государствами, гдѣ «вездѣ пошлину емлютъ большую, тамошнихъ государствъ предъ торговыми людьми вдвое» (88). Въ этомъ видна борьба между двумя началами : съ одной стороны Россія старается получить возможно-большій доходъ отъ торговли, а съ другой опасается, чтобы высокія пошлины не уменьшили торговыхъ оборотовъ. Это ясно выражается въ слѣдующихъ словахъ: «И имъ было англичаномъ надобно Великаго Государя милость и жалованье помнить, отчего они себѣ такое великое богатство пріобрѣли только было не въ Московскомъ Государствѣ? И царское Величество хотябъ изволилъ на нихъ Англичанъ пошлинъ наложить и больше того, и имъ указу нужно послушными быть» (89).

До половины XVII-го вѣка существовали у насъ права самыхъ благопріятствуемыхъ націй относительно торговли. Впрочемъ это явленіе было вызвано также стремленіемъ къ

---

(87) Новоторг. уставъ. П. С. З. № 833. Доп. къ Акт. Ист. IV. № 152.

(88) Доп. къ Акт. Ист. III. № 55.

(89) Доп. къ Акт. Ист. III № 116.

наибольшему доходу; естественно, что каждая нація за исключительное право торговли соглашалась платить большую пошлину. Такою націею сначала были Англичане, — еще Борисъ Годуновъ покровительствовалъ имъ; торговля ихъ расширилась до такихъ размѣровъ, что въ 1654 году въ Шуѣ находился гостинный дворъ Англійской Компаніи (90); не говоримъ объ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ (91). Впослѣдствіи голландцы стали искать тѣхъ же привиллегій; Коллинсъ называетъ ихъ хитрыми лисицами и предлагаетъ средства, чтобы возвратить благосклонность царя къ Англичанамъ, утраченную послѣ умерщвленія короля Карла I. Но не смотря на всѣ усилія графа Карлиля, русское правительство не возвратило привиллегій Англичанамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что лица, которымъ дана привиллегія, уже умерли; притомъ русскіе бояре ссылались на то, что самъ король Карлъ I присылалъ къ царю посла Никтингала съ просьбою объ уничтоженіи привиллегіи мятежныхъ подданыхъ (92). Конечно, все это служило предлогомъ; причина была другая: Россія поняла уже, что путь къ ея предѣламъ сдѣлался извѣстнымъ и что опасенія за прочность русской торговли неосновательны. По этому, мало по малу, то одному, то другому народу даются права самыхъ благопріятствуемыхъ націй, слѣд. права эти уничтожаются сами собою. Такъ въ 1652 году Любчанамъ да-

---

(90) Влад. Губ. Вѣд. 1844. № 35. *Борисова.* Описаніе Шуи М. 1851. Стр. 68.

(91) Въ Архангельскѣ число иностранцовъ было такъ велико, что въ 1707 году существовалъ публичный театръ; «комедія, на которой были воевода и всякіе люди, какъ мужи, такъ и жены, и брано по гривнѣ.» Арх. Губ. Вѣд. 1850 № 26.

(92) Rel. de trois ambas., p. 125. 170.

но право торговать съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ противъ прочихъ иноземцовъ, въ 1688 г. тоже право дано бранденбургцамъ; подобныя же условія предложены французамъ (93); наконецъ во всѣхъ договорахъ принято за правило давать одинаковыя торговыя льготы всѣмъ подданымъ договаривающихся государствъ: Россія и Швеція, Россія и Польша обѣщаютъ взаимную свободу торговли, т. е. не брать пошлинъ свыше тѣхъ, которыя берутся съ туземцовъ. Сюда не относятся тѣ монопольныя права, которыя давались не цѣлой націи, а одному какому-нибудь лицу, на пр. въ 1699 году голландцамъ Любсу и Брансу предоставленъ былъ у Архангельска промыселъ корабельнаго дерева и исключительный отпускъ его за границу; въ 1700 году голландцу Ивану Тессингу дана была также привиллегія относительно овечьей шерсти и проч.

Для увеличенія доходовъ, Россіи нужно было искать новыхъ путей, на которыхъ она могла бы вести болѣе дѣятельную торговлю. Ордынъ-Нащокинъ понялъ, что Россія не можетъ ограничиваться только пассивною торговлею, продавая свои естественныя произведенія и покупая вина, дорогія ткани и прочіе товары, которые потреблялись только высшимъ классомъ народа и торговля которыми не производила никакого вліянія на народную промышленность. Главное, о чемъ старалось Правительство Русское, былъ привозъ къ Архангельску изъ чужихъ краевъ больше золотыхъ и ефимковъ; Ордынъ-Нащокинъ нашелъ средство увеличить количество этого привоза, не увеличивая отпуска русскихъ товаровъ. Для этого нужно было сдѣлать Рос-

---

(93) П. С. З. № 80. 1326; Др. Рос. Вивл. IV., 431.

сію транзитомъ товаровъ азіатскихъ. Конечно, положеніе Россіи благопріятствовало этому: переѣздъ въ Персію въ то время для европейцовъ былъ затруднителенъ, тогда какъ къ Архангельску корабли приходили безпрерывно. Еще въ 1638 году Испанія, Данія и принцъ голштинскій, чтобы подорвать торговлю голландцовъ, посылали своего посла Брокмана для заключенія условій съ персидскимъ шахомъ; они хотѣли провести торговый путь черезъ Россію и предлагали ей по три милліона ежегодно за право провоза шелку (94); война Испаніи съ Франціею остановила исполненіе предпріятія. Ордынъ-Нащокинъ возобнилъ его: въ 1667 году онъ заключилъ договоръ съ Армянами о торгѣ шелкомъ (95); но черезъ девять лѣтъ потомъ положено было торговать непосредственно съ Персіею. Отъ русскихъ гостей потребовалось мнѣніе по этому предмету , которое и было подано боярамъ въ отвѣтной палатѣ. Русскіе особенно боятся, чтобы голландцы не захватили въ свои руки всю эту торговлю «какъ прежъ сего въ восточной Индеѣ промысломъ своимъ завладѣли золотою и серебряною рудами и иными всякими промыслы, отчего о донынѣ себѣ великое богатство пріобрѣтаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости.» За тѣмъ гости представляютъ, что нечего бояться прекращенія торговли, если уничтожить привиллегіи голландцовъ, что Французы и Испанцы будутъ

---

(94) Les ambassadeurs pénètrèrent jusques en Perse; leur proposition y fut bien recue, et en repassant ils offrirent au Grand Duc dix tonnes d'or qui sont trois millions annuelement, pour la liberté du passage dans ses Etats. *Цигнеусъ*, Матер. для ист. свв. народовъ. Гельс. 1848.

(95) Собр. Гос. Гр. IV., № 56.

пріѣзжать къ Архангельску, и при этомъ ссылаются на статейный списокъ Потемкина; «и потому знатно, что во французской и гишпанской землѣ не малое желаніе подданнымъ своимъ о торгѣ у Архангельска имѣютъ, а найпаче и и нынѣ имѣти будутъ, какъ увѣдаютъ привозъ шолку сырцу къ городу Архангельску, потому что тотъ товаръ имъ паче всѣхъ товаровъ надобенъ» (96). Ясно, что монополія голландцовъ была въ то время велика; они, по выраженію русскихъ гостей, «въ Россіи только оставляютъ тѣхъ прибылей цвѣтъ, а плоды тѣхъ цвѣтовъ хотятъ привлещи въ свою Галанскую землю (97). Въ XVII-мъ вѣкѣ не только русскіе, но и иностранцы ясно понимали выгодное положеніе Россіи относительно торговли; въ одномъ изъ сочиненій того времени читаемъ: Si nous ajoutons le commerce que la navigation des Moscovites peut etablir sur la mer Caspienne, avec la Perse et le Mogol, et le transport, qu'elle pourra faire par le nouveau canal entre le Wolga et le Don, de leurs denrées en Europe, — quelles richesses immences ne verra-t-on pas couler de tous côtez dans l'Empire des Moscovites? qui etant deja le plus considerable en etenduë, et dans une tres-belle situation pour le Negoce et pour la defence, pourra aussi facilement se convertir en la plus puissante et la plus redoutable Monarchie du Monde (98).

---

(96) Собр. Гос. Гр. IV., № 56.

(97) Тамъ же № 105. Впрочемъ голландскій посолъ фонъ-Кланкъ выговорилъ Голландцамъ право покупать шолкъ не въ Архангельскѣ, а въ Москвѣ.

(98) Relation du voyage de Mr Evert Isbrand, par *Adam Brand*. Amst. 1699, p. 249. Журналъ Избраннедеса напечатанъ въ Др. Рос. Вивл. VIII., стр. 360-475.

Наконецъ должно сказать о товарахъ запрещенныхъ къ привозу, т. е. изъятыхъ изъ оборотовъ внѣшней торговли. Обыкновенно такими товарами признаются всѣ военные снаряды и вообще все, чѣмъ можно вредить непріятелю; въ Россіи XVII-го вѣка не видимъ этого ограниченія: «пушечные всякіе запасы, зелье и свинецъ и сѣру и селитру велѣлъ государь русскимъ людямъ у нѣмецкихъ покупать повольною цѣною (99), слѣд. здѣсь, въ видѣ исключенія, отмѣнена была пошлина. Къ запрещеннымъ товарамъ принадлежали у насъ другія произведенія, которыхъ употребленіе было вовсе запрещено или могло служить въ ущербъ доходамъ казны. Въ проектѣ торговаго договора съ Франціею находимъ: «а заказные товары, авгардентъ, по русски двойное вино и табакъ, и тотъ табакъ и вино будутъ имать на Государя» (100). Но, вѣроятно, табакъ входилъ въ такое употребленіе, что продажа его, не смотря на страхъ наказанія, была очень прибыльна, и многіе иностранцы рѣшались ослушиваться указа царскаго по этому предмету (101). Уже Петръ Великій въ 1697 году допустилъ привозъ въ Россію табаку, съ платежемъ въ казну извѣстнаго сбора, который отдавался на откупъ; въ слѣдующемъ году табачный промыслъ обращенъ въ государственный: заключенъ былъ договоръ съ лордомъ Кармартеномъ, которому предоставлялось монопольное право привозить въ Россію ежегодно по 10,000 бочекъ табаку,

(99) Доп. къ Акт. Ист. III. № 55.

(100) Др. Рос. Вивл. IV., 518.

(101) Улож., гл. XXV., II.; Допол. къ Акт. Ист. III. № 10; Собр. Гос. Гр. IV., № 20; Пол. Собр. Зак. № 299. — Карлиль свидѣтельствуетъ о сильномъ распространеніи табаку въ Россіи между простымъ народомъ.

съ платежемъ по 4 коп. съ фунта (102). Въ замѣнъ того дозволялся безпошлинный привозъ нѣкоторыхъ товаровъ, необходимыхъ для домашняго обихода иностраннымъ резидентамъ, гостямъ и прочимъ иноземцамъ. Въ 1680 году ограниченъ такой привозъ только платьемъ и бѣльемъ, съ иностранныхъ же винъ велѣно брать пошлины безо всякія пощады (103).

5) *Права на имущества.* — Что касается до владѣнія имуществомъ иностранцовъ, то въ актахъ XVII-го вѣка нѣтъ никакихъ запрещеній по этому предмету; конечно, иностранцы не могли имѣть вотчинъ, но всѣми остальными имуществами владѣли безъ ограниченія; въ Москвѣ для ихъ жительства была опредѣлена особая нѣмецкая слобода. Такъ называемаго береговаго права (compendium naufragiorum, droit de naufrage, Strandrecht) у насъ не было; но существовалъ вычетъ, въ пользу государя, десятой части тѣхъ товаровъ, которые выбрасывались бурею на берегъ. На это мы имѣемъ прямое указаніе въ Разрядной Книгѣ 1617 года: «а которое судно разобьетъ на морѣ или на ладожскомъ озерѣ, а товаръ топленый того судна прибьетъ моремъ къ берегу Новгородцкаго или ладожскаго уѣзда; и боярину и воеводамъ съ товарищи тѣ топленые товары велѣти сыскивати: а что какого товару сыщутъ, а тѣ будетъ Нѣмцы, чьѣ товары, въ то время въ Новѣгородѣ будутъ; и имъ тѣ товары отдавать тѣмъ Нѣмцомъ, а на Государя имати съ того товару десятая выть,

---

(102) Договоръ, заключ. Лефортомъ и Головинымъ 1698 г. *Кранихфельдъ*, Фин. система Петра В. Ж. М. Н. П. 1845. № 7, стр. 13. П. С. З. № 1570. 1628 и пр.

(103) П. С. З. № 1373.

и дѣлать по посольскому договору» (104). Но впослѣдствіи и этотъ вычетъ былъ уничтоженъ и всякій иностранецъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе, могъ взять все свое имущество, «что сберегъ» и ѣхать безъ задержки въ свое отечество (105). Въ этомъ отношеніи Россія опередила остальныя государства Европы. Кромѣ того, въ случаѣ исковъ, сначала удовлетворялись иноземцы, а потомъ уже, изъ оставшагося имѣнія должника, платилось русскимъ (106).

Особый вопросъ составляютъ *перебѣжчики*. По договору съ Швеціею 1649 года принято за правило не принимать перебѣжчиковъ; всѣхъ преступниковъ, которые бѣжали отъ преслѣдованія закона, слѣдовало выдавать ихъ отечеству; особенное вниманіе обращалось на политическихъ преступниковъ — бунтовщиковъ и возмутителей (107); тати и душегубцы наказывались на мѣстѣ преступленія «кто чего будетъ достоинъ, по извычайному праву обоихъ государствъ» (108); слѣд. въ дѣлахъ уголовныхъ подсудность иностранца опредѣлялась мѣстомъ совершенія преступленія или мѣстомъ поимки. Мы знаемъ примѣръ тому, что иностранецъ по искамъ гражданскимъ судился въ своемъ отечествѣ: купецъ Антонъ Мершъ, забравши въ долгъ у казны и у частныхъ людей товаровъ на значительную

---

(104) Наказъ Воеводѣ Хованскому. Врем. Общ. III, 77

(105) Ст. 22 Валіес.; ст. 12 Кардис. — Замѣчательно, что это право существовало въ полной силѣ еще въ XIII вѣкѣ. См. Urkundenbuch der Stadt Lübeck, herausgeg. von dem Vereine für Lübeck. Gesch., Lüb., 1843. I, 619. 632. 431.

(106) П. С. З. № 1398.

(107) П. С. З. № 1589. 1586.

(108) Ст. 21 и 22 Кардис; ст. 6 Плюс.; ст. 23 Андрус.; ст. 20 Моск.

сумму, отказался отъ платежа; царь Ѳедоръ Іоанновичь отправилъ Мерша при своемъ посланникѣ и всѣ поданныя на него челобитныя и обязательства къ королевѣ Елисаветѣ «предая всѣ на ея благоусмотрѣніе; но сія королева его же оправила» (109). Пограничные жители, въ случаѣ взаимныхъ ссоръ, разбирались общими судьями, съѣзжавшимися на рубежѣ (110).

Разсматривая положенія объ иностранцахъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что они не составляли особаго сословія, строго опредѣленнаго, — самая малочисленность ихъ была тому причиною. Собственно, можно различить въ XVII-мъ вѣкѣ два класса иностранцовъ: лицъ служащихъ и торгующихъ. Правительство употребляло всѣ мѣры, чтобы привлечь знающихъ иностранцовъ къ себѣ на службу, но эта дѣятельность была такъ опредѣленна, что не могла возродить ни сомнѣній, ни споровъ, а слѣд. не требовала подробнаго опредѣленія правъ. Съ другой стороны торговля была чисто-пассивная со стороны русскихъ; только въ извѣстныхъ пунктахъ производилась операція мѣны, и во всѣхъ спорахъ, которые возникали между торгующими, всегда дѣлалось снисхожденіе иностранцамъ. Но есть другая сторона вопроса. Положеніе иностранцовъ ясно показываетъ, что Россія XVII-го вѣка уже готова была къ принятію реформы Петра Великаго; увеличивавшійся годъ отъ году пріѣздъ иностранцовъ доказываетъ ихъ безопасность и выгоду жизни въ Россіи. Повторимъ прежде сказанное: съ окончаніемъ внутренняго устроенія государства, съ обо-

---

(109) Др. Рос. Вивл. XX., 245.

(110) Ст. 24 и 25 андрус.; запись 1685. П. С. З. № 1131.

значеніемъ его единства и крѣпости, исчезло опасеніе чуждаго вліянія, и Россія съ готовностью принимала плоды европейской гражданственности. Конечно, и здѣсь, какъ вездѣ, не разомъ утвердилось новое направленіе; даже Ордынъ-Нащокинъ, ясно понимавшій выгоды общенія, говорилъ: «что намъ за дѣло до иностранцовъ, ихъ платье не по насъ, наше не по нихъ». Не смотря на то, Петръ Великій нашелъ много сотрудниковъ своему дѣлу, способныхъ понимать его.

4. ОТНОШЕНІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ (111).

Законы о войнѣ должны опредѣлить способъ объявленія войны, ея веденіе и тѣ обычаи, которые наблюдаются при сдачѣ войска, при размѣнѣ плѣнныхъ и при заключеніи мира. При этомъ дѣло Науки Народнаго Права объяснить взглядъ государства на войну; самая техника военныхъ дѣйствій стратегія, осада крѣпостей, раздѣленіе войны на большую и малую — относится къ Военнымъ Наукамъ. Народное Право извлекаетъ тѣ начала, которыхъ государство держится на практикѣ. Конечно, Правительство есть проводникъ лучшихъ, болѣе нравственныхъ убѣжденій, которыя должны вкоренится въ народѣ; но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что дисциплина, спокойное, строгое рѣшеніе спора особенно наблюдается въ тѣхъ войнахъ, въ которыхъ не принимаетъ страстнаго участія весь народъ; напротивъ войны религіозныя всегда отличались особенною жесто-

(111) *Martens*, 263. § *Klüber*, § 331. *Wheaton*, I., 274. *Heffter*, 203. См. также Введеніе къ Tableau des revolutions du systeme politique de l'Europe, par *Fr. Ancillon*, Paris, 1806. 6 vols.

костью. Вспомнимъ, какими грустными явленіями ознаменована тридцатилѣтняя война; католики и протестанты не щадили другъ друга и умерщвляли мирныхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей—именно тѣхъ лицъ, которыя по народному праву изъяты отъ дѣйствія войны. Мы увидимъ, что въ меньшей степени одинаковыя явленія повторялись и во второй половинѣ XVII-го вѣка; только образованіе и общая жизнь государствъ европейскихъ сдѣлали войны болѣе рѣдкимъ явленіемъ и указали настоящее ихъ значеніе; война сдѣлалась хладнокровнымъ рѣшеніемъ споровъ между государствами, войско — орудіемъ въ рукахъ Правительствъ.

Что касается до Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ, то самый составъ войска условливалъ его безпорядки: собранная со всѣхъ концовъ Россіи дружина, отвыкшая въ мирное время отъ порядка и повиновенія, была опасна столько же для непріятелей, сколько и для жителей тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя она проходила. Безпрерывно находимъ указы о томъ, чтобы войска не грабили, не обижали своихъ единоземцовъ, не заводили съ ними ссоръ и дракъ (112). При взятіи какого нибудь города не было ничему пощады; такъ, въ 1655 году при взятіи Вильны сожжены были всѣ мечети, католическія и лютеранскія церкви. Не довѣряя вполнѣ сказаніямъ иностранцовъ о жестокостяхъ русскихъ войскъ, нельзя не согласиться, что въ словахъ ихъ есть своя доля правды, потому что ихъ извѣстія подтвержда-

---

(112) П. С. З. № 131. 165. 184. Число войска въ 1631 г. было 66. 690; см. Врем. Общ. Кн. 4. Смѣтный списокъ.

ются отечественными памятниками; не было возможности удержать въ стройной дисциплинѣ воиновъ, не пріученныхъ къ порядку. Въ 1661 году епископъ полоцкій писалъ къ князю Хованскому, слезно прося его умѣрить буйство воиновъ: «исправи толикая въ воехъ неистовства, да и неповинныи злобѣ съ ними не постраждутъ отъ Бога, яко иногда Ахава ради, въ плѣнѣ Ерихонстѣмъ, нѣкая тайна вземша, многи смерть подъяша у вратъ Гаи града, Израильтяне; запрети злобѣ, да не умножится» (113). Такихъ примѣровъ можно бы привести множество; даже въ 1710 году русскія войска разрушили католическій монастырь въ Полоцкѣ и умертвили многихъ монаховъ (114). Введеніе иноземнаго строя много способствовало къ уничтоженію такихъ безпорядковъ, потому что имѣло слѣдствіемъ развитіе дисциплины.

Война *объявлялась* посредствомъ особаго манифеста; такъ въ 1654 году царь объявилъ въ Успенскомъ Соборѣ, что прося у Бога милости и заступленія у всѣхъ святыхъ, идетъ онъ на недруга своего короля Яна Казиміра за его многія неправды. Объявленіе объ этомъ послано было въ Польшу. Обычай объявлять войну черезъ герольдовъ сталъ исчезать въ то время и въ западной Европѣ; въ послѣдній разъ онъ имѣлъ мѣсто въ 1657 году между Даніею и Швеціею. Послѣ объявленія войны, совершалось молебствіе о счастливомъ исходѣ ея, и за тѣмъ на постельномъ крыльцѣ повелѣвалось народу объ изготовленіи къ вой-

(113) Др. Рос. Вивл. III., 396. Доп. къ Акт. Ист. IV. № 28 (1, 4) № 50 (4).

(114) Hist. Rus. Mon. II. № 137.

нѣ (115). При этомъ всѣмъ военнымъ давалась отсрочка во всѣхъ судныхъ дѣлахъ, кромѣ татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ (116). Въ грамотахъ объ изготовленіи исчислялись причины войны: «и Великій Государь, видя съ его королевской стороны многую проволоку и непостоянство и миромъ погордѣніе, за Божіею помощью надъ польскими людьми повелѣлъ чинить промыслъ и кроворазлитіе»; царь всегда выставлялъ свое правое дѣло, необходимость войны и цѣль, которой онъ хотѣлъ достигнуть чрезъ пожертвованія; эта цѣль была право и миръ, «правда и постоянство и къ вѣчному покою склонность» (117).

Когда предлагалось съ которой либо стороны о замиреніи, тогда издавался указъ войскамъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ сдѣлать «ружьямъ покой» или «задерживанье ружья», послѣ чего съѣзжались для переговоровъ. Хотя главною цѣлью войны былъ миръ, однако большею частію заключались перемирія; Россія всегда неохотно соглашалась на нихъ, или по крайней мѣрѣ старалась сократить ихъ срокъ (118). О заключеніи мира, точно такъ же, какъ объ объявленіи войны извѣщался народъ въ Успенскомъ Соборѣ; производилось всеобщее молебствіе и велѣно было стрѣлять по наряду «чтобъ про то всѣмъ людямъ было вѣдомо, чтобъ

---

(115) П. С. З. № 111. 1313. 1521. 1658.

(116) П. С. З. № 1479. 1493. 1505 и пр. Такая же отсрочка давалась ѣздившимъ за границу для обученія военному искусству. № 1567.

(117) Др. Рос. Вивл. III. 361. 358.

(118) П. С. З. № 228. 387. Иногда по перемирію городъ оставался во владѣніи на короткій срокъ: Кіевъ на два года, Маріенбургъ на двѣ недѣли. Ст. 4 Кардис.

межъ купецкими людьми съ окрестными государствы торговые промыслы множились.» (119)

Такъ какъ большую часть нашихъ трактатовъ составляютъ акты мира и перемирія, то здѣсь мѣсто сказать о трактатахъ вообще.

Трактаты (120). Ни одно установленіе Народнаго Права не представляетъ такого полнаго развитія въ Россіи XVII-го вѣка, какъ трактаты. Для того, чтобъ развилось посольское право, права иностранцовъ и проч., нужно долгое ознакомленіе государствъ, нужно полное ихъ признаніе, взаимное уваженіе; для трактатовъ же достаточно нравственнаго чувства ненарушимости даннаго слова, а это чувство всегда было присуще Россіи; она свято хранила всегда свои трактаты и упрекала поляковъ въ кривоприсяжничествѣ. — Царская присяга была дѣйствіемъ, гарантирующимъ сохраненіе договора въ его ненарушимости. Царь присягалъ въ отвѣтной палатѣ въ присутствіи чужеземныхъ пословъ: «протопопъ начинаетъ пѣніе и говоритъ о вѣрѣ заклинательное письмо о содержаніи вѣчного покоя, и съ нимъ вмѣстѣ и царь говоритъ же (а грамота докончалная въ то время лежитъ подъ еуангеліемъ); а проговоря заклинательное письмо, чинитъ царь вѣру, прикладывается ко

---

(119) Собр. Гос. Гр. № 124. П. С. З. № 240. 185. 189; также ст. 30 Моск. Доп. къ Акт. Ист IV. № 16. Прежде взятія города, посылалось предложеніе о сдачѣ; «а чаю, государь, не послушаютъ никого, опричь милости Божіей и крестной силы и твоей великаго государя къ Богу молитвы» — писалъ воевода Стрѣшневъ въ 1656 году. Доп. къ Акт. Ист. IV. № 28 (12).

(120) Martens, § 53; Klüber, § 141; Wheaton, 1., 38. Heffter, стр. 161.

кресту лицемъ и цѣлуетъ Распятаго на крестѣ въ подножіе; потомъ взявъ царь докончалную грамоту, отдастъ посламъ и проговоритъ рѣчь, а изговоря рѣчь отпущаетъ пословъ» (121). Прясяга же составляла въ то время единственную гарантію трактатовъ въ западной Европѣ, на пр. въ мирѣ пиринейскомъ 1659, въ ризвикскомъ 1697 и проч. Сила присяги распространялась не только на лицо присягающаго государя, но и на всѣхъ его преемниковъ, потому что царь сознавалъ себя представителемъ государства. Эта наслѣдственность обязательствъ всегда оговаривалась въ трактатахъ (122).

Мирныя записи сначала составлялись послами; онѣ писались въ двухъ экземплярахъ, совершенно одинаково, слово въ слово. Это былъ какъ бы проэктъ трактата, который получалъ силу только послѣ царскаго утвержденія. Списки этихъ грамотъ размѣнивались и представлялись государямъ на утвержденіе (123). Грамота, утвержденная подписью государя, составляла трактатъ. Онъ отдавался той сторонѣ, съ которою заключено было обязательство, и при этомъ возвращались грамоты, выданныя прежде отъ имени пословъ (124). Такъ какъ было двѣ грамоты, то необходимо должно было существовать и два трактата; каждое государство хранило у себя обязательство отъ име-

---

(121) Коших., V. 18. «Ихъ государскими душами закрѣплено. П. С. З. № 104.

(122) Ст. 28 Кардис.; ст. 32 андр.; ст. 31 Моск. также П. С. З. № 191.

(123) Ст. 18 Валіес. П. С. З. № 259. 267.

(124) Ст. 30 Кардис.; также 29 андрус. и договоръ 1672 г. П. С. З. № 513. «Самыми договорами размѣняться послѣ присяги, и тогда списки возвратить.»

ни противной стороны, — вотъ почему во всѣхъ трактатахъ, хранящихся въ Россіи, существуютъ подписи только иностранныхъ пословъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ оба списка договора были буквально сходны; поэтому, еслибы въ одномъ государствѣ по какому-нибудь случаю утратился актъ, то его списокъ, сохранившійся въ другомъ государствѣ, имѣлъ полную силу для обѣихъ договаривающихся сторонъ (125).

Договоръ, утвержденный присягою, сохранялся буквально, свято и ненарушимо «во всѣхъ статьяхъ, запяткахъ и точкахъ, безо всякаго умаленія или противнаго толмаченія, въ цѣлости и безъ нарушенія» (126).

Наконецъ, что касается до формы трактатовъ, то они писались съ соблюденіемъ обычаевъ европейской дипломаціи, потому что составлялись по образцу тѣхъ трактатовъ, которые Россія получала отъ другихъ государствъ. Въ началѣ слѣдуетъ введеніе, потомъ статьи акта, наконецъ подтвержденіе и подпись уполномоченныхъ. Введеніе состоитъ изъ славословія: «Во имя святыя и нераздѣльныя Тройцы Отца и Сына и Святаго Духа, Господа Бога нашего Всемогущаго, къ вѣчной и святой хвалѣ его и къ безсмертной того дѣла нижеизображеннаго памяти и славѣ и умноженію добра христіанскаго, и ко украшенію и прибылямъ народовъ христіанскихъ, къ покою святому склоненныхъ»; за тѣмъ слѣдуетъ обозначеніе пословъ, — на нашихъ актахъ сперва поставлены имена пословъ иностранныхъ, а потомъ русскихъ; на актахъ же, выданныхъ Россіею, слѣдуютъ сперва послы русскіе. Клятва выража-

---

(125) «Оставшемуся договарному письму быти обоимъ потентатамъ поровну достойно и крѣпко» 28 ст. Кард.; П. С. З. № 19.

(126) П. С. З. № 465.

лась такими словами: «на чемъ какъ истинно обѣщаемся, такъ какъ Господи Боже да помози. И сіи страсти его святыя» (127). Конечно, во всѣхъ этихъ формахъ были видоизмѣненія; мы беремъ въ руководство тѣ акты, которые ближе къ концу XVII-го вѣка. Въ самыхъ актахъ употреблялось много иностранныхъ словъ и выраженій, которыя буквально переводились съ латинскаго языка; таковы: потентатъ, умножительнѣйшій король, всегдашній пріумножитель, всегда августъ, всегда и на всякое время прибавитель, автократоръ, администраторъ, издержатель властей, чинящіе, информація, афектъ, пасъ, покрышка, благовоспріятіе и проч. Грамоты писались на русскомъ языкѣ, и при нихъ прилагался переводъ на латинскомъ; въ договорѣ же съ курфирстомъ бранденбургскимъ постановлено, чтобы грамоты писались на нѣмецкомъ языкѣ. (128).

Собственно юридическіе вопросы въ сферѣ войны составляютъ положенія о плѣнныхъ и о новозавоеванныхъ земляхъ.

Что касается до *плѣнныхъ*, то они размѣнивались безъ выкупа, послѣ окончанія войны, исключая тѣхъ, которые добровольно приняли Православіе,—эти навсегда остаются въ Россіи (129). При размѣнѣ плѣнныхъ назначался срокъ, въ который они должны быть представлены; срокъ этотъ соразмѣрялся съ большимъ или меньшимъ разстояніемъ отъ

---

(127) Актъ Московскаго договора 1686.

(128) П. С. З. № 565.

(129) Ст. 10 Валіес.; ст. 5 и 7 Моск. — Ст. 20 Кардис., подтвержденная въ 1662 и 1666 годахъ. П. С. З. № 301; ст. 3 Плюс.; ст. 10 и 11 андр.: «вязни, хотя бы нынѣ въ вязеньи были, возвратить, а о принявшихъ греческую Вѣру постановить особо.»

границы того мѣста, гдѣ находились плѣнные. По андрусовскому перемирію постановлено: «пашеннымъ и работнымъ людемъ, такожъ и мѣщаномъ всякимъ быть въ Царскаго Величества сторонѣ, а шляхту и прочихъ, которые принадлежатъ къ служилымъ, а не къ пашеннымъ, отпустить въ королевскую сторону. Это выраженіе *служилые люди* показываетъ, что у насъ образовывался правильный взглядъ на плѣнныхъ: къ нимъ причислялись только вооруженные люди; остальные же—пашенные люди—гдѣ поселились, тамъ и остаются; это были лица, которыя по прежнимъ договорамъ могли всегда переходить изъ Польши въ Россію, и на оборотъ. Иностранцы свидѣтельствуютъ о жестокости, съ которою Русскіе обходились съ военноплѣнными (130),—и мы не можемъ опровергнуть ихъ свидѣтельства; замѣтимъ только, что и въ западной Европѣ XVII-го вѣка видимъ то же явленіе: вооруженный врагъ не различался отъ безоружнаго. О *лазутчикахъ и шпіонахъ* мы имѣемъ указаніе въ Разрядной Книгѣ 125 года: «русскихъ людей мѣтати въ тюрьму до государева указу, а литовскихъ людей велѣти вѣшати по тѣмъ дорогамъ, откуды кто пришелъ, чтобъ однолично у нихъ въ полкѣхъ лазутчики отъ литовскихъ людей и отъ измѣнниковъ не было» (131).

Наконецъ, что касается до положенія вновь пріобрѣтенныхъ земель, то оно оставалось неизмѣннымъ, подтверждались всѣ прежнія привиллегіи покоренныхъ городовъ. Такъ поступила Россія послѣ завоеванія Вильны, Смолен-

---

(130) Лизекъ, Таннеръ и пр. См. *Успенскаго*, Опытъ повѣст. о древн. русск. Харьковъ, 1811. Ч. 2-я, стр. 283.

(131) Наказъ Ѳед. Боляшеву. Врем. Общ. III, 89. 94.

ска, Полоцка; всѣ обыватели могли спокойно «жити въ домѣхъ своихъ по прежнему» (132).

Въ этомъ высказывалась та же незавоевательная политика Россіи, которая составляетъ отличительную черту ея дипломаціи. Царство Русское расширялось и множилось не для выгодъ финансовыхъ, не по страсти пріобрѣтенія, а для того, чтобы собрать подъ крѣпкую руку Царя Русскаго все, что ему Богъ отъ его Прародителей далъ, чтобы сплотить во едино все, что должно было примкнуть къ державѣ Русской, какъ ея органическій членъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ еще не кончилась эта задача; въ XVIII-мъ Россія предстала въ среду государствъ европейскихъ — въ религіозномъ отношеніи, какъ представительница православія, въ отношеніи народномъ, какъ представительница славянской народности. Она внесла новыя живыя начала въ европейскую жизнь, позаимствовавъ съ своей стороны у Европы то, что было необходимо для развитія ея внутреннихъ силъ и гражданственности. Семнадцатымъ вѣкомъ кончается приготовленіе Россіи къ общеевропейской жизни, — она становится сначала младшимъ членомъ въ обществѣ Народнаго Права, а чрезъ одно столѣтіе занимаетъ въ немъ первое мѣсто. «Прежнія времена не суть равны нынѣшнимъ, говорилъ Петръ Великій — ибо Шведы тогда иначе о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о томъ славный историкъ Пуффендорфъ пишетъ въ книгѣ Введенія въ исторію о Русскомъ народѣ. Каково же нынѣ, когда Господь Богъ такъ прославилъ, что тѣ, которыхъ вся Европа опа-

---

(132) П. С. З. № 232. 1299. Др. Рос. Вивл. III. ,292.

салась, нынѣ отъ насъ побѣждены, и могу сказать, никого такъ не боятся, какъ насъ» (133).

Семнадцатый вѣкъ завершилъ исторію русской дипломаціи; съ осемнадцаго должна начаться исторія Народнаго Права въ Россіи.

Таково было состояніе дипломатическихъ сношеній Россіи во второй половинѣ XVII-го вѣка. Въ какомъ же отношеніи находилось оно къ общеевропейской жизни и что внесло оно въ европейскую дипломацію? Чтобъ опредѣлить это, скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ вопросахъ послѣдней и о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя, для развитія Народнаго права, обращались къ тому, что было прожито Россіею въ XVII-омъ вѣкѣ.

Вторая половина XVII-го вѣка ознаменована особенно-важными политическими событіями въ западной Европѣ; это были почти безпрерывныя войны Лудовика XIV, который стремился главнымъ образомъ раздвинуть предѣлы Франціи до Рейна и пріобрѣсти Испанію для бурбонскаго Дома.

---

(133) *Устряловъ*, объ истор. трудахъ Петра Великаго. Совр. 1845. № 3. Историкъ Шлоссеръ такъ описываетъ значеніе Россіи въ началѣ XVIII вѣка: «Alles diente der äussern Grösse und dem Glanze des Regenten eines rohen, aber kräftigen Slavenstamms, den Peter in das Kleid der Civilisation zwängte. Der Czar gebot in Polen und Scandinawien; er gewann auch in Deutschland einen Einflus. In Stokholm spielte der russische Minister in allen politischen Angelegenheiten bald rathend, bald befehlend, bald drohend und vermittelnd eine Hauptrolle. In Copenhagen sprach der russische Minister nicht weniger im befehlenden Ton. Polen litt seit dem Abzuge der Schweden durch Sachsen und Russen. — Gesch. des 18-ten Jahrhund. I., 229. См. также *Ch. de Martens*, Causes célèbres du droit des gens. Paris, 1827 1., p. 76.

Такія стремленія естественно должны были встрѣтить сильный отпоръ во всѣхъ государствахъ Европы, заставили ихъ прибѣгнуть къ союзамъ противъ сильнаго. Можно сказать, что договоры — ахенскій въ 1668 году, нимвегенскій въ 1678 и ризвикскій въ 1697 г. — были только перемиріями, посредствомъ которыхъ союзники старались выиграть время, чтобъ собраться съ новыми средствами продолжать борьбу: борьба шла чрезъ всѣ 50 лѣтъ. При такомъ положеніи дѣлъ естественно, что государства искали противника болѣе сильнаго, который сдерживалъ бы непомѣрное расширеніе Франціи, развернувшей въцарствованіе Лудовика XIV всѣ свои силы. Такимъ противникомъ явилась Англія, которая стала во главѣ оппозиціи. Господствуя на морѣ и съ помощію союзовъ, заключенныхъ съ континентальными государствами, Англія могла поддержать равновѣсіе Европы. Она явилась защитницею и покровительницею протестантизма. Уничтоженіе нантскаго эдикта Лудовикомъ XIV и его стремленіе къ поддержанію католицизма въ Англіи ускорило переворотъ 1668 года, паденіе Стюартовъ и возведеніе на престолъ Вильгельма III. Протестантская Германія примкнула къ оппозиціи противъ Франціи. Въ періодъ тридцатилѣтней войны Франція спасла Германію отъ господства Австріи, теперь та же Германія должна была искать защиты отъ господства Франціи.

Но съ другой стороны, пользуясь предлогомъ противудѣйствія Франціи, Англія въ свою очередь дѣйствовала для собственныхъ выгодъ, присвоивала себѣ права, стѣснительныя для другихъ государствъ; имѣя сравнительно огромный флотъ, какъ морская держава, Англія хотѣла насильственно взять монополію надъ океаномъ. Услуга, ко-

торую оказывала Англія общему дѣлу Европы, не дозволяла государствамъ настойчиво дѣйствовать въ защиту своихъ правъ; ихъ протесты были нерѣшительны до тѣхъ поръ, пока Франція возбуждала всеобщее безпокойство.

Такимъ образомъ, опасеніе за систему политическаго равновѣсія и власть надъ моремъ,—вотъ главные вопросы западно-европейской политики XVII-го вѣка.

Идея всеобщей монархіи оказалась неприложимою на дѣлѣ; государства путемъ опыта сознали, что каждаго изъ нихъ въ отдѣльности силы недостаточно что союзъ государствъ, основанный на чувствѣ самозащищенія, всегда сильнѣе одного государства, что общество Народнаго Права сильнѣе одного члена, — а потому въ своихъ дѣйствіяхъ стали основываться на правѣ, на законѣ. Въ это время явились писатели, которые старались выяснить тѣ начала, которымъ должны слѣдовать государства для взаимной пользы и благосостоянія. Пуффендорфъ, Лейбницъ, Зушъ, Дженкинсъ, Рашель, Бинкерсгекъ, Спиноза — вотъ главнѣйшіе, болѣе или менѣе истинные глашатаи общественной правды, мнѣнія которыхъ уважались государствами. По сочиненіямъ ученыхъ мы можемъ опредѣлить состояніе дипломаціи и тѣ вопросы, которые были подняты въ извѣстную эпоху.

Дипломація XVII-го вѣка была ученая и трудолюбивая (savante et laborieuse), какъ справедливо замѣчаетъ одинъ писатель. Нарушеніе права ведетъ къ его точнѣйшему опредѣленію. Идея всемірной монархіи,—какъ явленіе, грозившее всѣмъ, хотя и не исполнившееся — заставила обратиться къ средствамъ предупредить самую возможность явленія. Попытки Испаніи, Австріи и Франціи

повели къ упроченію системы политическаго равновѣсія; всеобщія войны—къ идеѣ о вѣчномъ мирѣ; притязанія Англіи—къ точнѣйшему опредѣленію власти надъ моремъ.

Чтобы система политическаго равновѣсія имѣла силу, чтобы охранить ее отъ безпрерывнаго нарушенія, — при недостаточности внѣшнихъ средствъ, необходимо было признать новое начало вмѣшательства, животворно подѣйствовавшее на взаимныя отношенія государствъ. Въ наукѣ оно было развито болѣе другихъ Фенелономъ, въ его *Examen de la conscience sur les devoirs de la royauté*; авторъ основываетъ начало вмѣшательства на правахъ самозащищенія и человѣколюбія: «Если каждый гражданинъ имѣетъ обязанности въ отношеніи къ своему отечеству, котораго онъ членъ, то каждое государство имѣетъ обязанности въ отношеніи ко всему обществу государствъ, котораго оно есть членъ, и должно защищать всѣхъ противъ государства, сдѣлавшагося слишкомъ могущественнымъ; всѣ государства имѣютъ право составлять союзъ, чтобъ предупредить опасность. Но чтобы эти союзы имѣли справедливое основаніе, необходимо, чтобы они были только оборонительными, а не наступательными, чтобы союзы не составлялись для уничтоженія государства, подъ предлогомъ его ограниченія.» Такимъ образомъ начало вмѣшательства вело къ образованію союзовъ,—форма, въ которой рѣшались всѣ вопросы дипломаціи и Народнаго Права, въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи; союзы — вотъ главнѣйшій результатъ системы политическаго равновѣсія.

Мы видѣли уже, что Россія XVII-го вѣка въ своихъ дѣйствіяхъ признавала начало вмѣшательства, какъ необходимое, хотя и не съ цѣлью сохранить систему равновѣ-

сія. Мы видѣли также, что Россія не отличалась завоевательною политикою, и сама не нарушила бы системы, когда она существовала. По этому опасенія Европы въ этомъ случаѣ были совершенно несправедливы, и сочиненіе виконта Монморанси не имѣетъ никакого основанія. Сочиненіе это появилось въ 1790 году въ Лондонѣ, подъ названіемъ: *Ueber die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa, oder Auseinandersetzung der Ursachen, die dasselbe seit der Thronbesteigung der Russischen Kaiserin Katharina II in Norden erschüttert haben.* (*Kamptz*, Neue Litteratur des Völkerrechts. Berl. 1817 s. 97).

Первенство на сѣверѣ, пріобрѣтенное Россіею послѣ полтавской битвы, внушало опасеніе, чтобы Россія не уничтожила совершенно Швеціи; успѣхи оружія императрицы Екатерины Великой увеличивали подобное опасеніе; думали, что Россія не будетъ довольствоваться однимъ берегомъ Балтійскаго моря, а захочетъ пріобрѣсти и другой. Всѣ эти опасенія не оправдались, и войны съ Швеціею при Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II въ результатѣ своемъ только упрочивали владѣніе моремъ, пріобрѣтенное Петромъ Великимъ. Система политическаго равновѣсія, — если понимать ее, какъ общее противудѣйствіе праву сильнаго, клонящемуся къ уничтоженію извѣстнаго государства — всегда уважалось Россіею; вмѣшательство ея въ дѣла другихъ государствъ никогда не имѣло цѣлью уничтожить самобытность державы, а только пользу и честь Россіи или даже благо всей Европы. — Между тѣмъ всѣ государства опасались такого вмѣшательства со стороны Россіи. Такъ, когда Петръ Великій сталъ во главѣ союза Даніи, Саксоніи, Пруссіи и Ганновера противъ Карла

XII, союзники, при осадѣ Стральзунда и Висмара, отказались отъ русскихъ войскъ, находившихся въ Мекленбургѣ; они думали, что Петръ Великій хотѣлъ пріобрѣсти какую-нибудь провинцію въ Германіи, чтобъ сдѣлаться членомъ Имперіи и потомъ управлять ея дѣлами. Конечно, Петръ Великій не имѣлъ этого въ виду, но не могъ также оставить безъ вниманія дѣла германскія, потому что на Россіи лежала обязанность охранять положеніе Германіи: Россія гарантировала миръ утрехтскій и тешенскій, а слѣд. и вестфальскій, которымъ опредѣлялось тогдашнее устройство Европы. Такая гарантія впрочемъ была признаваема не всѣми; по этому предмету въ 1791 и 1792 годахъ явилось три сочиненія (*Kamptz*, стр. 81, № 5. 6. 7.); одно изъ нихъ, написанное Ротомъ: *Ist die Kaiserin von Russland Garant des Westphälischen Friedens?* Francf. und Leipz. 1791.—рѣшаетъ вопросъ утвердительно, потому что невозможно отвергать видимаго участія Россіи въ вестфальскомъ мирѣ; при томъ, разъ вступивши въ область европейскаго Народнаго Права, Россія тѣмъ самымъ вступила во всѣ обязательства и во всѣ отношенія, установленныя прежнею Европейскою дипломаціею. Хотя эти вопросы были подняты послѣ, но корень ихъ въ XVII вѣкѣ. Что касается до дальнѣйшаго вмѣшательства Россіи въ дѣла прочихъ государствъ, то о немъ сказано прежде.

Неумѣренныя притязанія Англіи породили множество сочиненій о власти надъ моремъ, о блокадѣ, о морскихъ призахъ и проч. Россія XVII-го вѣка не могла принимать участія во всѣхъ этихъ спорахъ, потому что только съ Петра Великаго становится морскою державою. XVII-й вѣкъ не далъ ничего для рѣшенія этого вопроса; Россія

владѣла однимъ только Бѣлымъ моремъ, которое было въ сущности mare clausum. Притомъ Бѣлое море не было мѣстомъ военныхъ дѣйствій, русскіе корабли не ходили въ другія моря, а потому о военной контрабандѣ не могло быть и рѣчи; мы знаемъ только, что иностранные корабли, приходившіе къ Архангельску, должны были салютовать опущеніемъ флага; въ этомъ единственно выражалось признаніе русской власти надъ моремъ. Первыя сочиненія о русскомъ морскомъ правѣ относятся къ 1781 году.

О посольскихъ правахъ въ Западной Европѣ было сказано прежде (стр. 60—63). Основное ихъ начало — неприкосновенность—было уважаемо Россіею въ самомъ обширномъ смыслѣ; никто изъ иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ къ Русскому Царю, не былъ оскорбляемъ, ни одной жалобы не слыхала Европа отъ пословъ, возвращавшихся изъ Московскаго Государства. Протестъ графа Карлиля не имѣлъ справедливаго основанія; всѣ факты, представленные въ его апологіи, были опровергнуты Русскимъ Правительствомъ, и король англійскій убѣдился въ лживомъ доносѣ своего посланника. Не смотря на особенность русскаго посольскаго права, мы не видимъ однакожъ, чтобы оно прямо противурѣчило тѣмъ основаніямъ, которыя изложены въ сочиненіяхъ Викфора (Wicquefort): *De l'ambassadeur et ses fonctions*, Col. 1679, и Бинкерсгека (Bynkershoek): *De foro legatorum*, Haye, 1721.

Что касается до титула, то въ этомъ отношеніи въ западной Европѣ не могло быть споровъ. Было время, когда титулы государей зависѣли отъ папъ и императоровъ германскихъ; такъ, въ 1005 году Стефанъ, сынъ Гейзы, получилъ отъ папы Сильверста II титулъ короля венгерска-

го, Альфонсъ I въ 1179 году отъ папы Александра III титулъ короля португальскаго, Болеславъ I отъ императора Оттона III титулъ короля польскаго, король датскій получилъ свой титулъ отъ Фридриха-Барбаруссы и проч. Въ XVII-мъ вѣкѣ всѣ титулы западноевропейскихъ государей имѣли уже свое окончательное опредѣленіе. Только Россія, какъ государство, вновь вступившее въ общество международнаго Права, должна была отстаивать титулъ своего государя. Мы видѣли уже сношенія Россіи съ западною Европою по поводу царскаго титула; гораздо большихъ усилій стоило признаніе титула императорскаго, употребленнаго впервые Петромъ Великимъ въ 1687 году въ грамотѣ къ императору Леопольду I. Предметъ этотъ выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія, а потому мы замѣтимъ только, что императоры и императрицы русскіе до Екатерины II, при вступленіи своемъ на престолъ, давали реверсаль (litterae reversales), въ которой обозначали, что новый титулъ ничего не измѣняетъ въ обычномъ церемоніалѣ. Въ контръ-декларацiи Франціи отъ 28 генваря 1763 года высказанъ взглядъ европейскихъ государствъ на титулъ слѣдующимъ положеніемъ: «государи сами не могутъ присвоивать себѣ титуловъ по собственному выбору; признанія ихъ подданныхъ недостаточно; признаніе другихъ державъ необходимо; и каждое государство, имѣющее право утвердить или отказать въ новомъ титулѣ, можетъ также признать его съ извѣстными ограниченіями и условіями.» Эти условія и вообще значеніе титула Императора Всероссійскаго послужило предметомъ для сочиненіе Эверарда Отто: *Tr. juris gentium de titulo Imperatoris Russorum.* Ultraj. 1722.

Существовавшіе въ западной Европѣ XVII-го вѣка споры о предсѣданіи (preséance) не касались Россіи, потому что русскіе послы присутствовали на общеевропейскихъ конгрессахъ уже тогда, когда Россія сдѣлалась Имперіею, и слѣд. должны были занять мѣсто тотчасъ послѣ Австріи; только по особой реверсали съ Франціею и Испаніею Россія уступила имъ мѣсто выше себя, и никогда не спорила противъ такой уступки; это доказывается примѣромъ графа Чернышова въ XVIII-мъ вѣкѣ (см. выше стр. 71).

Относительно титуловъ мы видимъ, что русская и западноевропейская дипломація шли совершенно въ уровень; Россія не отказывала государямъ въ титулахъ, имъ принадлежащихъ, даже въ тѣхъ, которые даны были папами; напр. вслѣдствіе протеста графа Карлиля, она тотчасъ прибавила слова Defensor Fidei къ титулу короля англійскаго и проч.

Вѣротерпимость, существовавшая въ Россіи была образцомъ религіозной кротости; западная Европа не понимала ее въ такомъ глубокомъ христіанскомъ значеніи. Вѣра отцовъ, совѣсть каждаго считалась у насъ неприкосновенною святынею. Въ то время, когда Испанія огнемъ хотѣла истребить вѣрованія Мавровъ и кровью заливала протестантскую реформу въ Нидерландахъ, когда даже ханжество Лудовика XIV ужасалось снисходительности Генриха IV и права, дарованныя нантскимъ эдиктомъ были отняты у Французовъ, — въ то время Россія принимала къ себѣ всѣхъ, не хотѣвшихъ мѣнять своихъ религіозныхъ убѣжденій, и дозволяла свободу вѣроисповѣданія, «да всякъ по вѣрѣ отцовъ и своимъ языкомъ молитъ Бога о благоденствіи Россійскаго Царства.» Еслибы Россія ничего больше

не внесла въ общую жизнь Европы, то одного начала вѣротерпимости было бы достаточно, чтобы ознаменовать яркимъ свѣтомъ вступленіе Русскаго Царства въ сферу между государственныхъ сношеній.

Наконецъ, что касается до способа веденія войны, то на немъ лежитъ печать вѣка; грабежи и раззоренія, произведенные войсками Лудовика XIV въ Голландіи въ 1672 году, опустошеніе Палатината въ 1673 году, по приказанію Лувуа и Прованса принцомъ Евгеніемъ въ 1707 году—вотъ факты, которые бросаютъ печальную тѣнь на то время, когда чувство правды и блага общаго не освѣщало собою отношеній между государствами, когда право сильнаго и страстныя дѣйствія находили себѣ незаконный пріютъ въ сферѣ Международныхъ Отношеній. Но не надолго. Голосъ лучшихъ представителей времени раздавался не вотще; скоро все, что̀ темными пятнами легло на эпоху, перешло въ сферу преданій, и новый вѣкъ повѣдалъ болѣе достойныя дѣла свои, съ сожалѣніемъ оглядываясь на свое прошедшее. Христіанское чувство любви и уваженія къ другимъ очистило государства отъ нетерпимости и вражды; монархическая власть, достигнувъ полной силы и крѣпости, поставивъ государей въ отношеніе взаимнаго братства, могла вести народы къ обоюдному признанію правъ, къ обществу государствъ европейскихъ; оно обняло собою все, что по своей національности и по развитію своей гражданственности должно было войти въ сферу Общенароднаго Права.

ПОЛОЖЕНІЯ.

(НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ОБЩЕНАРОДНАГО ПРАВОВѢДѢНІЯ.)

ОБЩІЯ.

1.

Дипломатическія сношенія суть тѣ, въ которыхъ выражаются юридическія убѣжденія о началахъ Народнаго Права въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, до вступленія его въ общеевропейскую систему. Этимъ дипломація отличается отъ Исторіи и отъ Народнаго Права.

2.

Государства западныя, развивавшіяся на почвѣ древнеклассической, подъ вліяніемъ Римскаго Права, имѣли меньше данныхъ для развитія новыхъ юридическихъ международныхъ отношеній, чѣмъ государства сѣверныя. Швеціи принадлежитъ первенство въ движеніи Народнаго Права.

3.

Миръ утрехтскій былъ окончательнымъ выраженіемъ системы политическаго равновѣсія; гарантируя его, Россія признавала status quo государствъ европейскихъ; но въ развитіи системы Россія не участвовала.

4.

Народное Право сознавалось въ древней Россіи, какъ начало нравственное, а не юридическое; этимъ путемъ Россія дошла до тѣхъ же началъ права, которыя существовали современно и въ западной Европѣ.

5.

Исторію русской дипломаціи должно начать съ XV-го вѣка; XVII-й вѣкъ есть ея окончательное выраженіе; въ XVIII-мъ вѣкѣ Россія вступаетъ въ общество Народнаго Права.

ЧАСТНЫЯ.

ВЪ XVII-МЪ ВѢКѢ:

6.

Въ титулѣ Государей Русскихъ выражается значеніе Россіи, какъ представительницы христіанскаго востока. Россія считаетъ вопросъ о царскомъ титулѣ рѣшеннымъ окончательно, и требуетъ его признанія по старымъ докончальнымъ грамотамъ.

7.

Въ отношеніи границъ, Россія ищетъ отдѣленія отъ другихъ государствъ посредствомъ нейтральной полосы земли.

8.

Послы не были полными представителями государя; имъ давалось только право вести переговоры, а не заключать трактаты.

9.

Права посланника ограничивались его неприкосновенностью; онъ былъ представителемъ своего порученія, на которомъ основывалась его посольская честь.

10.

Статейный списокъ означалъ всякій актъ, въ которомъ вмѣщалось нѣсколько разнородныхъ предметовъ; но преимущественно это названіе присвоивалось донесеніямъ пословъ.

11.

Трактаты писались въ двухъ совершенно одинаковыхъ экземплярахъ. Они утверждались присягою государей и выполнялись буквально.

12.

Замкнутость Московскаго Государства исчезаетъ, и иностранцы пользовались большими правами. Ограниченія условливались опасеніемъ за цѣлость и безопасность государственнаго устройства.

13.

Торговля иностранцовъ была свободна, и эта свобода вызвана была желаніемъ правительства получить наиболь-

шій доходъ. Изъ того же источника проистекали и права самыхъ благопріятствуемыхъ народовъ; но подъ конецъ вѣка они исчезаютъ вовсе.

14.

Война велась съ ожесточеніемъ. Плѣнные размѣнивались безъ выкупа. Завоеванныя земли оставались въ своемъ прежнемъ положеніи.